

Научные редакторы
Ю.А. ВИНОГРАДОВ и М.В. МЕДВЕДЕВА

ПЕРВЫЙ МОРДВИНОВСКИЙ КУРГАН

Министерство

ИМПЕРАТОРСКОГО
ДВОРА.

ИМПЕРАТОРСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
КОММИССІЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
Архивное наследие. Т. I

Санкт-Петербург
2021

Первый Мордвиновский Курган

УДК 902
ББК 63.4

Первый Мордвиновский курган. Архивное наследие ИИМК РАН.
Т. 1 — СПб.: ИИМК РАН, 2021. — 232 с., илл.
The First Mordvinovsky burial mound. Archival heritage
of IHMC RAS. Vol. I — St. Petersburg: IHMC RAS. 2021. — 232 p.
ISBN 978-5-907298-25-5
doi.org/10.31600/978-5-907298-25-5

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН.

Ответственные редакторы:

д. и. н. Ю. А. Виноградов, к. и. н. М. В. Медведева

Рецензенты:

д. и. н. В. А. Горончаровский, к. и. н. Е. Г. Застрожная, к. и. н. В. П. Никоноров

Подготовка иллюстраций: Т. А. Ершова

Художник: С. Д. Минаев

Издание подготовлено и осуществлено

в рамках выполнения программы ФНИ ГАН

по темам государственной работы № 0184-2019-0010 и № 0184-2019-0005

Монография открывает новую серию «Архивное наследие ИИМК РАН», в которой планируется вводить в научный оборот уникальные материалы Научного архива Института истории материальной культуры РАН. Первый том посвящен исследованиям Первого Мордвиновского кургана в 1914 г. Полевая документация и изобразительные материалы этих раскопок считались полностью утраченными, археологическая коллекция пропала во время Второй мировой войны. В архивном собрании ИИМК РАН недавно обнаружился весь комплекс фотографий, сделанных одним из участников работ. Идея опубликовать его целиком привела к появлению настоящей книги. В ней раскрываются известные и неизвестные обстоятельства раскопок 1914 г., дается интерпретация погребального обряда и инвентаря с учетом вновь выявленных документов. В альбоме иллюстраций воспроизводятся все фотографические документы. Издание предназначено для археологов, историков, специалистов в области скифского искусства и всех интересующихся древней историей.

© Институт истории материальной культуры РАН, 2021
© Коллектив авторов, 2021
© Художественно-графическое оформление. С. Д. Минаев, 2021

ВВЕДЕНИЕ.

Первый Мордвиновский курган — эталонный и почти забытый памятник скифской культуры

КУРГАН, РАСПОЛОЖЕННЫЙ В НИЖНЕЙ ЧАСТИ
ДНЕПРОВСКОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ, НЕДАЛЕКО ОТ КАХОВКИ
(Ольховский 1977: 110, рис. 1, 21),
БЫЛ РАСКОПАН ЛЕТОМ 1914 г.

ВЛАДЕЛЬЦЕМ ЗЕМЛИ, НА КОТОРОЙ ОН НАХОДИЛСЯ,
БЫЛ ГРАФ А. А. МОРДВИНОВ, ВЫДЕЛИВШИЙ ДЕНЬГИ НА РАСКОПКИ.
ПО ЕГО ИМЕНИ ЭТОТ ПАМЯТНИК И ПОЛУЧИЛ СВОЁ НАЗВАНИЕ.

Стоит отметить, что в 1914 г. раскопки были предприняты не только на Первом, но и на Втором Мордвиновском кургане (о нём см. Лёсков 1974: 54–55, 60), и некоторые фотографии, относящиеся к этому памятнику, представлены в нашей публикации (табл. 7, 119, 120). Проводились также раскопки небольших курганов, расположенных поблизости от Первого: № 20 (табл. 117; ФО НА ИИМК РАН, отп. Q 600/31, 32), № 21 (табл. 5, 118; ФО НА ИИМК РАН, отп. Q 600/34–36), № 22 (табл. 5; ФО РО НА ИИМК РАН, отп. Q 600/37–43). Все они были обозначены на топографическом плане, к сожалению, утерянном. Какой-либо иной информации, относящейся к этим археологическим памятникам, у нас нет, по этой причине мы вынуждены отказаться от каких-либо рассуждений по этому вопросу.

Исследования Первого Мордвиновского кургана были начаты по инициативе М. И. Ростовцева и проводились при его участии (Ростовцев 1925: 422). Раскопками непосредственно на месте руководили Н. Е. Макаренко и В. В. Саханёв. Этот памятник предполагалось сделать своего рода эталонным (Макаренко 1916: 267–268; Семёнов-Зусер 1947: 80, 110). Исследователи, решительно осуждая былую «кладоискательскую» методику раскопок курганов, были намерены детальным образом изучить структуру насыпи, зафиксировать её особенности и возможные впускные погребения, сделать все нужные чертежи и провести систематическое фотографирование. В общем, всё это было проделано, но, к огромному сожалению, о раскопках Первого Мордвиновского кургана мы можем судить сейчас только на основании единственной небольшой статьи (Макаренко 1916). Отчёт о раскопках, чертежи и полевые дневники безвозвратно пропали. Конечно, именно по этой причине позолота эталонности на этом памятнике не закрепилась.

Тем не менее, из статьи Н. Е. Макаренко мы знаем, что в центре кургана была обнаружена катакомба с четырьмя погребальными камерами по углам, из которых две главные оказались ограбленными, а две другие, принадлежавшие слугам, остались непо потревоженными. Ещё одна катакомба была открыта

под вторичной насыпью. Она содержала погребение молодой женщины в одежде, расшитой золотыми бляшками и в богато украшенном головном уборе. По подсчетам исследователей высота насыпи кургана составила 8,71 м, а диаметр — 70 м (РО НА ИИМК РАН. Ф.5. Оп.1. Д.213. Л.89). Сделанные тогда находки поступили в Императорский Эрмитаж. Оттуда в 1939 г. они были переданы в Харьковский исторический музей и, как предполагалось долгое время, полностью погибли во время Великой Отечественной войны.

В 1970 г. исследование кургана было произведено Херсонской экспедицией Института археологии АН УССР под руководством А. М. Лескова (Лесков, Кубышев 1971; Лесков 1974: 45–54; 2019: 228–233; Черненко и др. 1986: 33). Тогда была снесена оставшаяся часть насыпи, но никаких гробниц под ней выявлено не было, тем не менее, некоторые важные находки всё-таки были сделаны в центральной катакомбе кургана.

В 2019 г. в Научном архиве ИИМК РАН было обнаружено более сотни фотографических снимков, исполненных во время раскопок Первого Мордвиновского кургана (Виноградов, Медведева 2020). Всего же их, по свидетельству Н. Е. Макаренко, было сделано сто двадцать (Макаренко 1916: 272), т. е. можно считать, что полевые фотографии сохранились в полном комплекте; лишь малая толика их воспроизведена в публикации Н. Е. Макаренко. Фотографии предметов из кургана тоже сохранились, основная их часть была опубликована Н. Е. Макаренко, а затем А. М. Лесковым (Лесков 1974: 45–54, рис. 36–42, 48). Находка, сделанная в Архиве ИИМК РАН, побудила нас к полной публикации всех материалов, известных сейчас о Мордвиновском кургане.

Первая часть нашего издания посвящена архивным документам и публикациям, подготовленным участниками раскопок. Прежде всего воспроизведена статья Н. Е. Макаренко, как единственная публикация, более-менее связно рассказывающая о раскопках кургана. Далее, мы признали целесообразным воспроизвести текст М. И. Ростовцева, посвящённый этому памятнику в книге «Скифия и Боспор» (Ростовцев 1925: 422–423). Исследователь принимал участие в раскопках и потому имел возможность судить об их результатах, в том числе, и на основании личных впечатлений. Так, он отметил, что в 1914 г. одна из камер центральной катакомбы осталась недоследованной (Ростовцев 1925: 423), о чём Н. Е. Макаренко в своей публикации умолчал.

К сожалению, архивные документы, относящиеся к пребыванию М. И. Ростовцева на раскопках кургана, не очень информативны. Некоторый интерес имеет письмо В. В. Саханёва, направленное в Императорскую археологическую комиссию как рецензия на отмеченную выше публикацию Н. Е. Макаренко. Правда, оно, в основном, посвящено осуждению Н. Е. Макаренко — его необоснованного, по мнению автора, стремления закрепить за собой приоритет в новой, прогрессивной методике исследований археологических памятников. Информация, относящаяся к раскопкам Мордвиновского кургана, в письме невелика, но она всё-таки имеется.

В высшей степени любопытна судьба находок, сделанных во время раскопок Первого Мордвиновского кургана в 1914 г. По существующим тогда правилам все они сначала поступили в Императорскую археологическую комиссию,

а затем по наследству перешли в Академию истории материальной культуры. В июне 1921 г. Н. Е. Макаренко, который в то время являлся директором Музея искусств Украинской Академии наук, обратился сюда с письмом следующего содержания (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1921 г. Д. 77. Л. 273):

«ЧЕСТЬ ИМЕЮ ПРОСИТЬ ПРАВЛЕНИЕ АКАДЕМИИ РАЗРЕШИТЬ ВЫДАТЬ МНЕ ДЛЯ ДОСТАВКИ В МУЗЕЙ ИСКУССТВ УКРАИНСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК ПРЕДМЕТЫ, ПРОИСХОДЯЩИЕ ИЗ РАСКОПАННОГО МНОЮ КУРГАНА МОРДВИНОВСКОГО. ПРЕДМЕТЫ ЭТИ БЫЛИ ОТДАНЫ НА ХРАНЕНИЕ В БЫВШУЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКУЮ КОМИССИЮ В 1914 Г. И ЗАТЕМ ЭВАКУИРОВАНЫ ВМЕСТЕ С ИНЫМИ В МОСКВУ, А В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ НАХОДЯТСЯ В ЭРМИТАЖЕ.
СО СТОРОНЫ ГЛАВМУЗЕЯ МНОЮ ПОЛУЧЕНО СОГЛАСИЕ НА ВЫДАЧУ МНЕ ОЗНАЧЕННЫХ ВЕЩЕЙ.

13.06.1921.

Директор Музея искусств Н. Макаренко

Р. С. К настоящему считаю долгом заявить, что право производства раскопок кургана на собственной земле гр. Мордвинова дано было мне самим владельцем земли. После раскопок и приведения предметов в порядок мною же получено от гр. Мордвинова согласие передать вещи в тот музей, в который я найду необходимым.

В Археологическую Комиссию из кургана вещи были сданы по словесному соглашению моему с председателем Комиссии для временного хранения».

Это письмо было заслушано на заседании Правления РАИМК 15 ноября 1921 г. Ответ на него был жёстким и однозначным: «Уведомить, что Академия не имеет оснований удовлетворить ходатайство» (Там же).

Тем не менее, для всех было очевидно, что Академия истории материальной культуры не имеет возможности хранить столь ценную коллекцию находок, по этой причине возникла идея передать её в Государственный Эрмитаж. В Архиве ИИМК РАН сохранилась передаточная опись, датированная 8 октября 1924 г. (см. главу I. 4), но в ней к Мордвиновскому кургану относится только 25 номеров. Очевидно, где-то имеются и другие описи.

Находки со склада ГАИМК¹ поступили в Эрмитаж в 1926 г. Очень ценной для нас является опись предметов, находящаяся на хранении в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа (см. главу I. 5), но по отношению к ней возникает несколько вопросов. Прежде всего, предметы под №№ 1603–1645 записаны в ней одним, довольно крупным и разборчивым почерком, а вот №№ 1646–1652 внесены разными лицами, очень мелким и не всегда разборчивым почерком. Кроме того, в описи нет записи о серебряном ритоне, который, по свидетельству автора раскопок, был обнаружен в катакомбе девушки, над головой погребённой (Макаренко 1916: 272). С надеждой найти ответы на эти вопросы мы обратились к заведующему Отделом

1 Академия истории материальной культуры с 1919 г. до 1926 г. носила название Российская Академия истории материальной культуры (РАИМК), после этого была переименована в Государственную Академию истории материальной культуры (ГАИМК).

археологии Восточной Европы и Сибири А. Ю. Алексееву. Он прислал нам обстоятельное письмо:

«Коллекция Мордвиновского кургана передавалась в Эрмитаж далеко не сразу после раскопок и вовсе не самим Н. Е. Макаренко. Музей её получил в 1926 г. из ГАИМКа вместе с огромным количеством другой археологии, преимущественно приписанной раскопкам Н. И. Веселовского на Кубани. Хотя любопытно, что при этом часть явно кубанских вещей (по керамике, мечам, и др.) в нашем инвентаре была приписана раскопкам Макаренко в 1915 г. в Сумах <...>. К 1926 г. многие вещи «на складе в ГАИМК» уже утратили паспорта, и часть из них по разным основаниям хранители в музее отождествляли уже позднее. Отчасти так случилось и с Мордвиновским. Когда работала Паритетная комиссия, в нашем инвентаре было записано 43 инвентарных номера, которые все и передали на Украину. Позднее в инвентарь было вписано-втиснуто двумя разными почерками (один, похоже, принадлежал А. П. Манцевич) ещё 7 номеров с пометкой «ошибочно были вписаны в инвентарь Ку» (т. е. Кубанский). Среди них есть и деревянный сосуд с двумя ручками-упорами, который первоначально имел номер Ку 1916 4/7 и только потом получил № Дн 1914 1/44. Остальные дополнительные номера, первоначально тоже имевшие кубанские шифры, — ныне Дн 1914 1/45–50, это разные фрагменты деревянных и костяных вещей, включая фрагменты каких-то деревянных досочек, точёного деревянного стержня, обломок деревянной цилиндрической пиксиды и тонкие и узкие костяные пластиночки с циркульным орнаментом. Так что, деревянный сосуд из Мордвиновского кургана был в Эрмитаже отождествлён после 1932 г. и, кстати, более полувека экспонируется на нашей постоянной выставке.

Серебряный питьевой рог, который был также лишь условно отождествлён с мордвиновским позднее, до сих пор имеет инв. № КуП 1926 1/158 с добавленной позднее рукописной пометкой в инвентаре «мордвиновский», так как тоже передавался в Эрмитаж из ГАИМК в 1926 г. вместе с преимущественно кубанскими коллекциями. Сейчас он также на нашей выставке.

Таковую же рукописную пометку «мордвиновский?», но только под вопросом, имела и гладкая серебряная чаша без ножки с тремя отверстиями на дне, диаметр около 11 см, записанная первоначально в наш кубанский инвентарь под следующим за рогом номером. Но она была передана в 1936 г. в эрмитажный Отдел Востока (основания передачи мне неизвестны). Что с ней сейчас, я, признаться, тоже не знаю, а выяснять пока повода не было.

Так что, в принципе не исключено, что в будущем удастся отождествить ещё какие-нибудь вещи из Мордвиновского среди вещей из анонимных коллекций, поступивших в Эрмитаж после революции»².

В 1932 г. находки из Мордвиновского кургана были переданы из Эрмитажа в Харьковский исторический музей, где они и погибли во время Великой Отечественной войны (но см. Бабенко 2020). В Эрмитаже хранятся некоторые

2 Выражаем А. Ю. Алексееву нашу глубочайшую признательность за оказанное содействие. Подробнее о передаче нескольких коллекций из раскопок скифских курганов из Эрмитажа в Харьковский музей см. Бабенко 2018.

предметы, которые, как подчёркивает А. Ю. Алексеев, предположительно можно относить к этому памятнику: серебряный питьевой рог, деревянный круглодонный сосуд и фрагменты деревянных и костяных вещей.

Вторая часть публикации составлена из исследований современных археологов, касающихся истории изучения Мордвиновского кургана, а также находок, сделанных как в 1914 г. (о них, в основном, мы можем судить только на основании фотографий), так и в 1970 г. Для датировки памятника принципиально важны амфорные находки, исследованные авторитетными специалистами (С. Ю. Монахов, С. В. Полин). Изучение произведений торевтики (золотые бляшки, золотое ожерелье) имеет первостепенное значение для понимания специфики этого памятника (М. Ю. Вахтина, А. Е. Терещенко, И. Ю. Шауб). Великолепный женский головной убор, несомненно, имеет глубокий сакральный смысл (И. Ю. Шауб).

Полная публикация всего комплекса фотографий из раскопок Мордвиновского кургана завершает наше издание. И здесь мы приносим нашу благодарность сотруднице Архива ИИМК РАН Т. А. Ершовой, подготовившей исторические изображения. Материалы представлены в том порядке, в котором они наилучшим образом отражают ход раскопок кургана, во всех случаях указаны архивные номера снимков. Сопроводительные подписи к иллюстрациям приведены в соответствии с сохранившимся списком из полевого дневника 1914 г., в них внесены лишь незначительные (стилистические) исправления.

Главных участников раскопок 1914 г. (Н. Е. Макаренко, В. В. Саханёва, М. И. Ростовцева, М. Я. Кожевникова) впереди ожидало будущее, полное испытаний, лишений и невзгод, тем не менее, они нашли себя в науке и стали признанными учёными, но в 1914 г. наши герои, конечно, рассчитывали построить свою судьбу по-другому. Кому-то пришлось навсегда покинуть горячо любимую родину и начать жизнь заново, оставшиеся в России подверглись идеологическому давлению и политическим репрессиям, чьи-то следы затерялись.

Наш долг теперь попытаться завершить дело, начатое нашими выдающимися предшественниками более ста лет, и представить все уникальные материалы, накопленные в процессе экспедиции и долгое время хранившиеся в архиве ИИМК РАН в безвестности, на суд широкой научной общественности.

Ю. А. Виноградов, М. В. Мегвегева

Глава .I.
Первый Мордвиновский курган:
Документы
и первые публикации

ПЕРВЫЙ МОРДВИНОВСКИЙ КУРГАН¹

На широком пространстве южнорусских степей разбросано бесчисленное множество курганных насыпей, из года в год открывающих нам свои сокровища высокой научной и материальной ценности. Много лет прошло с того времени, как безжалостный заступ и лопата археолога начали углубляться в недра этих насыпей, извлекая оттуда желанную «добычу». И много предметов богатых, предметов изысканных форм украшают теперь наши музеи, а главным образом Императорский Эрмитаж.

Вплоть до наших дней в большинстве случаев археологов интересовала в их работах на кургане лишь одна сторона дела — находка вещей.

Исследование самого кургана, его конструкции, за немногими исключениями, якобы не входило в задачу археолога. Поэтому в раскопках кургана ограничивались прокладкой глухой траншеи, направленной от полы кургана к его центру, с целью возможно скорее, легче и дешевле извлечь оттуда имевшиеся в могиле предметы, если их ещё раньше не унёс более счастливый «исследователь» — грабитель. Кроме того, в большинстве случаев не изготовлялось ни точных чертежей, ни тем более фотографических снимков ни с самого кургана и тех конструктивных особенностей, какие возможно было наблюдать в разрезах, ни с обнаруженных погребений и расположения в них вещей.

При таком способе раскопок не представлялось возможным уяснить себе способ устройства самой курганной насыпи; при нём неизбежны были пропуски боковых камер, находящихся под полами, и многие другие особенности, имеющие немаловажное научное значение. Столь ненаучное положение исследования южнорусских курганов сознавалось многими.

Раскопки с исключительной целью добычи вещей в последнее время, после находки богатых предметами первостепенной важности погребений,

1 Публикация статьи: Гермес. 1916. № 11–12. С. 267–272.

не фотографированных на месте и оставшихся без точных чертежей, исполненных с натуры, вызывали особенное сожаление.

Ясно было, что так копать курганы дальше нельзя. И положение, высказанное в одном из заседаний Императорской Археологической Комиссии, призванное охранять от расхищения отечественные памятники древности, что не только «раскопки прежних поколений учёных — сплошная порча памятников» (Спицын 1910: 9), приходится распространять и на поколения, нам современные.

Поэтому, приступая к исследованию кургана, «исследователь обязан ни на минуту не забывать, что он уничтожает навсегда изучаемый памятник старины» (Спицын 1910: 8), а вместе с этим всемерно заботиться о том, чтобы работы были ведены возможно тщательнее, и каждый его шаг был зафиксирован данными документального характера — точными обмерами и чертежами, фотографическими снимками и проч. К сожалению, доньше приходится утверждать эту азбучную истину!

Сознавая всю важность и ответственность предпринимаемых исследований, пишущий эти строки уклонился от обычно практикуемых приёмов раскопок в исследовании кургана, о котором идёт речь ниже.

Весной 1914 года граф А. А. Мордвинов предложил исследовать находившийся в одном из его южных владений курган, предоставив для этого необходимые средства. Для исследования этого кургана и целой группы других, менее значительных, расположенных вокруг большого, образовалась небольшая экспедиция в составе следующих лиц: проф. М. И. Ростовцева, принявшего на себя труд общего руководства экспедицией, подполковника военно-топографического депо М. Я. Кожевникова, производившего топографическую съёмку местности с курганами и отдельно съёмку самого кургана, опытного керченского надсмотрщика над рабочими С. П. Петренко и пишущего эти строки, которому выпала высокая честь руководить исследованием курганов; в помощь ему и в качестве фотографа и чертёжника был приглашен оставленный при Петербургском университете В. В. Саханёв.

Благодаря просвещённому содействию графа А. А. Мордвинова, имя которого будет стоять отныне в ряду первых имён, способствовавших делу всестороннего научного исследования курганов в России — с одной стороны и благодаря тому исключительному обстоятельству, что во главе этого предприятия стал известный знаток южно-русских древностей, энергичный противник старых приёмов раскопок М. И. Ростовцев, исследование кургана удалось повести по предложенной мною системе.

Курган расположен в Днепровском у. Таврической губ., в 20 верстах от левого берега р. Днепра, против м. Каховки, в 70 верстах от кургана Солоха (расположен к С отсюда). После того, как вся группа курганов нанесена была топографом на карту, и сам курган был нанесён отдельно, было приступлено к его исследованию при помощи снятия насыпи вертикальными параллельными сечениями, проходящими через каждые 1,5 метра, с оставлением двух перпендикулярных к основным сечениям перемычек для контрольного наблюдения (рис. 1 и 2).

Рис. I.
ПЕРВЫЙ
МОРДВИНОВСКИЙ
КУРГАН.
Первый удар лопаты

Рис. 2.
ПЕРВЫЙ
МОРДВИНОВСКИЙ
КУРГАН.
Общий вид раскопок

Рис. 3.
Установка передвижной
вышки для съёмок
с высоты

Рис. 4.
МОРДВИНОВСКИЙ
КУРГАН.
Боковая часть разреза

Каждая плоскость сечения и все открывавшиеся на нём слои были наносимы <с> помощью точных обмеров на чертежи, и каждое сечение фотографировалось. Подробное исследование каждой части, каждого куска земли и слоя описывалось мною в дневнике, и все детали, обращающие на себя внимание, фотографировались. Для фотографирования сверху была установлена передвижная вышка (рис. 3), равная по высоте кургану.

Способ устройства кургана оказался следующим: основная масса его сложена была из отдельных кусков верхнего покрова земли, взятого вместе с травяной растительностью. В разрезах такой массы ясно и резко наблюдаются до мельчайших подробностей и формы кусков, и переход окраски такого куска от более тёмной, находившейся вверху земного покрова, до более серой, находившейся ниже. Такая основная масса завершена однообразно ровным (0,10–0,15 м толщиной) слоем земли в виде обмазки, ограничивавшей формы приплюснутого полушария. Эта форма поддержана подсыпкой из земли, вынутой из канавы, окружающей курган, и глины из нижней части той же канавы (рис. 4). Всё это сооружение есть основания и до 6–8 сажен вверх по поверхности обложено широким кольцом каменной обкладки.

В исследованной части кургана (снято в течение 2½ месяцев работы несколько больше половины насыпи) обнаружено два колодца, ведущих в камеры: центральный (разм. 6,5 × 4,2 × 8,3 метра) и боковой (разм. 2,27 × 1,26 × 4,65 метра).

Центральный заканчивался четырьмя камерами, входы в которые расположены по углам колодца. В центральный колодец проник грабитель (ход его начинался почти у основания кургана и шёл, постепенно понижаясь, к центру, выходя в центральном колодце на глубине 3,65 м). Грабитель вскрыл и ограбил лишь две угловых камеры, оставив две других в целости, замазанными устроителями.

В ограбленных камерах собрано несколько десятков золотых бляшек с различными изображениями (рис. 5). В оказавшихся целыми камерах найдены непо тревоженные погребения слуг, при которой найдено: в одном — глиняная амфора обычного типа, в другом — такие же амфоры и бронзовый котёл. Очевидно, грабителю было известно, куда направить своё внимание: он отлично знал, в какой камере покоился господин и его госпожа и в какой — слуги.

Боковой колодец, расположенный за пределами основной насыпи, под присыпкой, но под общим из канавы каменным покрытием, приводил к камере в С стене, закрытой камнями, примазанными к стенке. В этой камере лежали в своём первоначальном виде не засыпанные землёй и вообще не потревоженные два костяка: один главный, расположенный по длине камеры, годовой на 3, и второй у ног первого в перпендикулярном к нему положении. Главный костяк, принадлежавший девочке лет 15–17, богато украшен золотыми предметами. По-видимому, конический головной убор покрыт круглыми золотыми бляшками, на шее находилось золотое ожерелье (рис. 6), а в ушах великолепные золотые серьги. Короткая верхняя одежда, в которой находилась покойница, обшита золотыми бляшками с изображением розеток, масок, зверей. На руках её — золотые браслеты, а на пальцах — золотые перстни со щитками. У кистей рук по пяти квадратных золотых бляшек с рельефными изображениями

ПЕРВЫЙ МОРДВИНОВСКИЙ КУРГАН

Рис. 5.
Первый
Мордвиновский
курган.
ЗОЛОТЫЕ БЛЯШКИ
ЦЕНТРАЛЬНЫХ КАМЕР

Рис. 6.
Первый
Мордвиновский
курган.
ЗОЛОТОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ
БОКОВОГО
ПОГРЕБЕНИЯ

богини и предстоящего. Выше головы этого костяка лежал деревянный шарообразный сосуд, серебряный ритон, железный нож, шила, деревянная коробочка и др. мелкие предметы. У левой руки служанки лежал деревянный низкий ящик с зеркалом, коробкой с белилами, чёрной краской и бусами. На шее этого костяка — несколько бус, а на руке — железный браслет.

Каждое погребение было зафотографировано с разных сторон по нескольку раз при помощи освещения магнием, и сделаны на месте, до разборки могилы, рисунки и обмеры.

В результате этих работ для будущих исследователей остаётся дневник с занесёнными в него наблюдениями, около 120 фотографических снимков с разрезов, наслоений и других особенностей устройства кургана, камер и пр. и несколько десятков точных чертежей. Весь этот материал даёт возможность восстановить до мелких подробностей исследованный нами памятник.

Время, которым возможно было бы датировать наш курган, судя по найденным в нём предметам, на основании аналогий их с другими, уже ранее добытыми и отчасти датированными вещами, будет IV–II вв. до Р. Х.²

2 Подробный отчёт о произведённых работах будет обнародован с приложением чертежей и фотогр. снимков после окончания исследования остальной части насыпи. Исследование временно приостановлено по обстоятельства военного времени.

Из книги «Скифия и Боспор»¹

Гораздо более беден вещами², но необычайно типичен по структуре исследованный по моей инициативе первый Мордвиновский курган в Чёрной долине около Каховки. К сожалению, война и революция не позволили завершить начатое и даже почти оконченное систематическое исследование всего кургана со сносом, после надлежащей съёмки, всей курганной насыпи. Незаконченность исследования кургана не позволила его исследователям Н. Е. Макаренку и В. В. Саханёву опубликовать подробный отчёт о раскопках с массой детальных снимков и чертежей как курганной насыпи, так и погребальных сооружений со всех их содержимым. Незаконченность раскопки не даёт возможности судить о том, имелись ли в кургане и погребения лошадей, и содержала ли курганная насыпь остатки погребальной тризны или жертвоприношения.

Состав курганной насыпи ясно виден на сделанных снимках и чертежах; здесь видны: выход из центрального погребения, основная дерновая насыпь, обмазка, окружающие канава и крепида, присыпка для бокового женского погребения.

Центральное погребение очень напоминает, как увидим ниже, Чертомлык. Могучая центральная яма, в её углах четыре камеры-усыпальницы. В двух разграбленных немедленно после погребения особой миной помещениях, судя по оставшимся там золотым бляшкам, находились главные погребения (вторая камера, к сожалению, осталась не исследованной); в двух остальных лежали, очевидно, слуги, у голов которых найдены бронзовый азиатский котёл и греческая амфора.

Боковое погребение в западной поле кургана имеет обычную конструкцию; в нём в особом гробу очень интересной конструкции лежала молодая женщина

1 Ростовцев 1925: 422–423.

2 Выше говорилось о кургане Солоха — Ю. В., М. В.

или девушка, почти ребёнок, и у ног её служанка поперёк камеры. Девочка положена была в гробе во всём её богатом ритуальном уборе: на голове высокий конический кожаный убор, увенчанный золотой фигуркой птицы и обшитый рядами круглых бляшек, на шее золотое ожерелье, на висках золотые подвески-серьги в форме козлов, на руках типичные местные золотые браслеты-обручи и перстни, на теле ряд бляшек (на рукавах, может быть, или на краях полога, свешивавшегося с головного убора — ряд четырёхугольных бляшек с изображением ритуальной сцены приобщения скифа-юноши богиней с зеркалом в руке), у головы частью в особом деревянном ящике, частью отдельно ритуальные сосуды — серебряный ритон и круглодонный деревянный, превосходно сохранившийся сосуд, кроме того несколько простых железных ножей с костяными черенками и несколько туалетных принадлежностей³.

Одновременность этого кургана с Солохой и Куль-Обой определяется как общим характером инвентаря, так и, в особенности, бляшками, о которых ниже скажем подробнее.

3 См. Макаренко 1916.

Письмо в Императорскую Археологическую Комиссию¹

Недавно в журнале «Гермес» была напечатана статья Н. Е. Макаренко под названием «Первый Мордвиновский курган», в которой он излагает историю и ход нашей совместной археологической работы, произведённой летом 1914 года. В статье этой автор допустил некоторые весьма существенные для дела неточности, которые я и пытаюсь в настоящей заметке исправить.

Прежде всего я должен исправить указание Н. Е. Макаренко на моё участие в работах. На стр. 2 своей статьи (я пользуюсь пагинацией отдельного оттиска) Н. Е. Макаренко утверждает, что я был приглашён «в помощь ему и в качестве фотографа и чертёжника». Прежде всего по тексту совершенно неясно, в помощь кому именно я был приглашён, и по первому впечатлению кажется, что в помощь надсмотрщику над рабочими С. П. Петренко. Но это лишь одна из многих в этой статье стилистических неясностей и остаётся только жалеть, что автор там неясно излагает свои мысли. Гораздо хуже его утверждение, что я был приглашён на должность фотографа и чертёжника. Это, конечно, совершенно не верно. В действительности я был приглашён на работы проф. М. И. Ростовцевым для совместной работы с Н. Е. Макаренко, причём тогда же я был осведомлён, что ответственная роль в работе будет принадлежать Н. Е. Макаренко. Однако, тогда же проф. М. И. Ростовцев указал, что работы на двоих там вполне хватит, так как предполагается одновременное полное археологическое обследование всей местности, в том числе кургана, некрополя близ него, а также ещё следов какой-то дороги, выложенной камнями, о которой говорил граф Мордвинов, так что в то время, как один будет занят курганом, другой должен вести обследование некрополя и т. д. Таким образом, предполагалась даже не совместная работа на началах подчинения одного лица другому, а лишь параллельная, причём компетенции наши на всём протяжении работы могли

¹ РО НА ИИМК РАН, Ф. I, Оп. I, 1914 г., Д. 339, л. 10–11.

даже и не встретиться ни разу. Таковы были разъяснения проф. М. И. Ростовцева при приглашении меня на работу. Вполне естественно, что я согласился на такое сотрудничество с Н. Е. Макаренко под общим руководством проф. М. И. Ростовцева². Да и странно было бы с моей стороны, будучи специалистом археологом (оставленном при Университете по окончании его специально по археологии), идти на археологические работы в роли фотографа и чертёжника. Во время предварительных совещаний здесь нами, Н. Е. Макаренко и мною, было решено все работы вести совместно, ибо это представляло нам больше удобства и обещало большой успех. В течение работ сотрудничество наше ничем не нарушалось, и ничего решительно не предпринималось без предварительного совместного обсуждения. Такое ведение дела значительно облегчало работу и, между прочим, дало Н. Е. Макаренко возможность съездить в Полтавскую губ. на срок около двух недель (с 19 июля по первые числа августа). По возвращении своём на работы Н. Е. Макаренко больше не жил на кургане, а поселился на хуторе Зелёном, откуда приезжал на работы часа на 2–3, да и то, кажется, не ежедневно. Очевидно, тогда у него существовал взгляд на меня, как на специалиста археолога. Откуда же теперь появился у него такой оригинальный взгляд на моё значение в данной работе, для меня совершенно непонятно.

Далее, на стр. 3 и 4 своей статьи Н. Е. Макаренко пишет: «благодаря тому исключительному обстоятельству, что во главе этого предприятия стал известный знаток южнорусских древностей, энергичный противник старых приёмов раскопок М. И. Ростовцев, исследование кургана удалось поведи по предложенной мною системе». Эта фраза особенно ярко характеризует всё отношение к делу Н. Е. Макаренко. Ему ужасно хочется взять на себя всю заслугу техники раскопки и выступить в качестве изобретателя особого технического приёма работ. В этом отношении я должен очень разочаровать г. Макаренко — здесь он играет очень незначительную роль. Для выяснения этого вопроса я позволю себе напомнить самый приём раскопок. Первый и основной его принцип был — снесение всей насыпи кургана до основания. Самое же снесение насыпи производилось параллельными вертикальными сечениями ея, последовательно производившимися через каждые 1,5–2 метра, с оставлением трёх контрольных перемычек, перпендикулярных к площади сечения. Оба принципа этого приёма принадлежат не Н. Е. Макаренко, и в своём прошлом он не найдёт даже намёков на эти принципы. Первый принцип — снесение всей насыпи до основания — давно уже трактуется в археологической литературе; впервые же ясно и определённо был высказан проф. М. И. Ростовцевым в заседании Археологического Общества при обсуждении доклада проф. Н. И. Веселовского о раскопках кургана «Солоха». Тот же приём проводился проф. М. И. Ростовцевым и в его университетских занятиях. Ещё ранее, если не ошибаюсь, этот принцип был проведён проф. Б. В. Фармаковским при раскопках кургана близ Ольвии. Наконец, в наших работах самое требование снести всю насыпь до основания было поставлено проф. М. И. Ростовцевым во время одного из совещаний,

2 Здесь и далее подчеркивание текста приводится в соответствии с оригиналом.

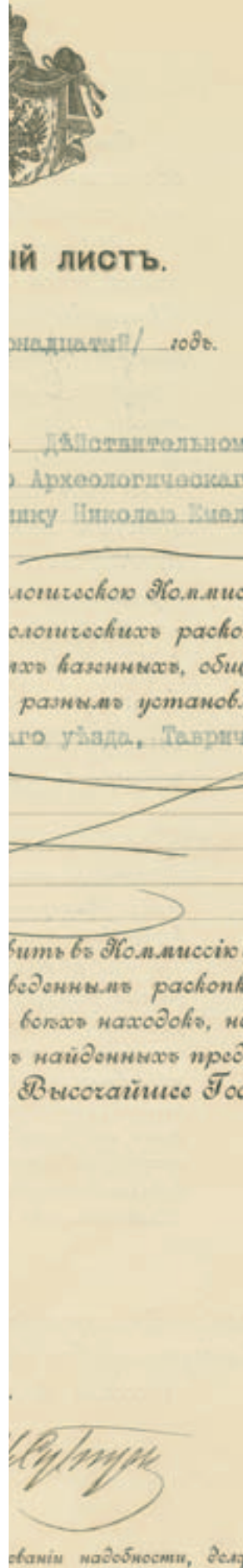
ПИСЬМО
В ИМПЕРАТОРСКУЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКУЮ КОМИССИЮ

происходившего у него на квартире перед поездкой нашей на работы. Этих указаний, я думаю, достаточно, чтобы установить непринадлежность изобретения этого приёма Н. Е. Макаренко. Что же касается самой техники снесения насыпи параллельными сечениями с оставлением контрольных перемычек, то и тут Н. Е. Макаренко не причём. Этот приём уже применялся ранее и имеет самую тесную связь с многими ранее установленными техническими приёмами. Смее утверждать, что этот приём разработан Археологическим Кабинетом при Петроградском Университете и непосредственно вытекает из приёма, принятого Д. В. Милеевым при раскопках на участке Десятинной церкви в Киеве³. В 1910 г. группа слушателей Археологического Кабинета впервые ознакомилась с приёмом Д. В. Милеева под его личным руководством. Основа приёма этого состояла в оставлении контрольных перемычек между кессонами, которыми исследовалась площадь участка Десятинной церкви. Здесь этот приём был связан с послойным разбором культурного слоя (см. Спицын 1910: 109, рис. 138; 111, рис. 140). Затем в том же году тот же приём был применён группой слушателей Археологического Кабинета, состоявшей из П. А. Балицкого, К. В. Шероцкого и меня, во главе с А. А. Спицыным, при раскопках на Немировском городище. Здесь этот приём был осложнён оставлением крестообразных контрольных перемычек внутри каждого кессона. В этих двух случаях данный приём применялся при раскопках на Северном Кавказе в 56 вып. Известий Имп. Арх. Комм.)⁴. Наконец, позволю себе напомнить ещё, что однажды почти полностью этот приём был предложен мною в моём докладе о кургане «Солоха», прочитанном в Историческом кружке при Петроградском Университете. Таким образом, полагаю, ясно, что прототипы нашего приёма вышли из Археологического Кабинета и самую выработку его надо отнести скорее к заслугам Кабинета, чем на счёт Н. Е. Макаренко, в особенности если припомнить, что в прошлом Н. Е. Макаренко есть такие абсолютно недопустимые и безграмотные приёмы, как исследование кургана колодцем сверху (см. Спицын 1910: 50, рис. 60). Остаётся вопрос о том, кто предложил применить данный приём в нашей работе? Конечно, Н. Е. Макаренко все указанные работы были известны, ибо они публиковались и секрета ни для кого не представляли. Одинаково мог и он предложить этот приём, равно как и я. Установить приоритет в данном случае трудно, да и не это существенно, важно лишь то, что приём этот является логическим завершением целого ряда произведённых ранее раскопок и претендовать на изобретение его Н. Е. Макаренко права не имеет.

Попутно коснусь других неточностей в статье Н. Е. Макаренко. Так, на стр. 4 он говорит, что оставались две контрольные перемычки. В действительности их было три, как это и свидетельствует приложенный к статье рис. 2. Да их и не могло быть две, т. е. <их непременно было> нечётное число, так как обязательно должна была быть перемычка, проходящая через центр насыпи. Она могла быть уничтожена лишь в том случае, если бы закрывала какую-либо

3 Милеев пользовался моими указаниями. А. С. (примечание на полях сделано рукой А. А. Спицына)

4 Очевидно, имеется в виду статья самого В. В. Саханёва (Саханёв 1914).

важную деталь. Так и было нами сделано, когда понадобилось наблюдать общие очертания выкида из центральной могилы, но тогда нами <были> уничтожены все три перемычки. На стр. 5 автор утверждает, что второй костяк в боковом погребении лежал в перпендикулярном положении к первому. В действительности он лежал под углом к первому приблизительно градусов в 60. Короткая верхняя одежда, о которой Н. Е. Макаренко говорит далее на той же стр., является его личным умозаключением, так как в действительности таковой мы не наблюдаем. Предполагать же можно скорее длинную одежду, если сравнить с изображениями на четырёхугольных бляшках, найденных у кистей рук. Есть ещё и другие неточности, но уже более мелкие, и касаться здесь их не стоит.

ИЗ ПЕРЕДАТОЧНОЙ ОПИСИ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ¹

№ п/п	Название предмета	Количество	Где найдено	Куда поступило
190	Золот [ые] кругл [ые] бляшки со штамп [ованной] женской головой	2	Из раскопок Н. Е. Макаренко Моргвиновского кургана Мелитопольского уезда	Эрмитаж
191	Золот [ые] кругл [ые] нашивн [ые] бляшки с изобр [ажением] мужской головы	8		
192	Золот [ые] кругл [ые] бляшки со штамп [ованным] орнам [ентом]	3		
193	Золот [ая] нашивн [ая] бляшка из 5 кружков, крестообразно расположенных	1		
194	Золот [ые] треуг [ольные] бляшки со штамп [ованным] орнам [ентом]	2		
195	Золот [ая] зерновидная пряжка	1		
196	Золот [ая] полая фигурка птички — фрагм [ент] (этик [етка] № 2)	1		

1 РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1924 г. Д. 80. Л. 11.

№ п/п	Название предмета	Количество	Где найдено	Куда поступило
197	Золот [ое] фрагм [ентированное] украшение в виде цветка (этик [етка] № 1)	1	Из раскопок Н. Е. Макаренко Моргвиновского кургана Мелитопольского уезда	Эрмитаж
198	Золот [ые] кругл [ые] штамп [ованные] бляшки со штамп [ованной] мужск [ой] головой (этик [етка] № 5)	33		
199	Золот [ые] кругл [ые] штамп [ованные] бляшки со штамп [ованной] мужск [ой] головой, одна фрагмент [ирована] (этик [етка] № 20/10)	17		
200	Золот [ые] кругл [ые] штамп [ованные] бляшки со штамп [ованным] орнам [ентом] в виде мужск [ой] головы (этик [етка] № 7)	18		
201	Ожерелье золот [ое] из пластинок со штамп [ованной] мужск [ой] головой и привесок (этик [етка] № 6)	1		
202	Золот [ые] витые серьги с привесками — бараньими головами (этик [етка] № 4)	1		
203	Золот [ые] нашивн [ые] бляшки — розетки (этик [етки] № 9 и 10)	47		
204	Золот [ые] нашивн [ые] бляшки с челов [еческими] лицами	55		
205	Золот [ые] нашивн [ые] бляшки в виде животного, одна фрагментир [ована]	10		
206	Золот [ые] нашивн [ые] бляшки со штамп [ованными] челов [еческими] лицами	20		
207	Золот [ые] нашивн [ые] бляшки в виде животного (3 фрагментир [ованы])	8		

ИЗ ПЕРЕДАТОЧНОЙ ОПИСИ
АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

№ п/п	Название предмета	Количество	Где найдено	Куда поступило
208	Золот [ые] нашивн [ые] бляшки — розетки (этик [етки] № 17 и 9)	6	Из раскопок Н. Е. Макаренко Мордвиновского кургана Мелитопольского уезда	Эрмитаж Пл. III
209	Золот [ые] перстни с неспаянными концами и гладким щитком (этик [етки] № 13 и 19)	2		
210	Золот [ые] подвески с пронизью из разноцветн [ой] пасты (этик [етка] № 14)	2		
211	Золот [ые] пластинчатые браслеты (этик [етки] № 12 и 16)	2		Эрмитаж Пл. IV
212	Золот [ые] нашивн [ые] бляшки со штамп [ованными] изобр [ажением] лица	12		
213	Золот [ые] нашивн [ые] бляшки — розетки (этик [етка] № 13)	13		
214	Золот [ые] 4-уг [ольные] бляшки с изобр [ажением] женщины с зеркал [ом] в руках и мужск [ие] фигуры с рогом у рта (этик [етки] № 11 и 18)	10		

ИЗ ИНВЕНТАРНОЙ ОПИСИ БЫВШЕГО Эллино-Скифского отделения Эрмитажа. Приднепровье. Т. II

НАХОДКИ ИЗ ПЕРВОГО МОРДВИНОВСКОГО КУРГАНА
ПЕРЕДАНЫ В ЭРМИТАЖ ИЗ ГАИМК.
ПЕРЕДАТОЧНЫЙ АКТ ОТ 7.06.1926 г.
ПЕРЕДАНЫ ИЗ ЭРМИТАЖА В УССР ПЕРЕДАТОЧНОЙ КОМИССИИ
ПО АКТУ ОТ 31.01.1932 г. №№ 1603–1645.

№ п/п	Старый инв. номер	Описание	Размеры (в м)	Сохранность
1603	Дн 1914 1/1	Две бляшки золотые штампованные круглые. С изображением головы Афины в фас; по краям — четыре дырки	Диаметр 0,029	Одна бляшка слезка порвана. Обе покрылись красной патиной
1604	Дн 1914 1/2	Три бляшки золотые штампованные круглые — мужская бородатая голова вправо, по краям три дырки (в одной четыре)	Диаметр 0,018	С обратной стороны бляшек красная патина
1605	Дн 1914 1/3	Две бляшки золотые штампованные круглые — мужская бородатая голова в профиль, вправо, по краям — четыре дырки.	Диаметр 0,018	Слегка патинированы
1606	Дн 1914 1/4	Три бляшки золотые штампованные, круглые — мужская бородатая голова влево, по краям — три или четыре дырки	Диаметр 0,018	На обратной стороне — красная патина

№ п/п	Старый инв. номер	Описание	Размеры (в м)	Сохранность
1607	Дн 1914 1/5	Бляшка золотая круглая штампованная рельефная розетка с дугообразно изогнутыми в одну сторону лепестками (сходна с № 1/11)	Диаметр 0,02	С обратной стороны красная патина
1608	Дн 1914 1/6	Фигурка птицы золотая полая с распущенными крыльями; с клюва свисала подвеска (весьма вероятно, что эта птица составляет одно целое с цветком № 1/7)	Длина 0,03, высота 0,03, вес 4,6 г	Одно крыло оторвано, подвеска оторвана. Фигурка сильно помята
1609	Дн 1914 1/7	Цветок золотой полый; внизу розетка, от которой кверху подымаются три стебелька с подвесками на концах (четвёртый отломан, но сохранился)	Высота ок. 0,033, вес 4,485 г	Одна подвеска оторвана. Цветок порван и помят
1610	Дн 1914 1/8	Браслет золотой с несомкнутыми концами, пластинчатый, с рельефной полосой посередине	Диаметр 0,058, вес 12,53 г	Покрит красноватой патиной
1611	Дн 1914 1/9	Браслет золотой с несомкнутыми концами, пластинчатый, с рельефной полосой посередине	Диаметр 0,058, вес 15,515 г	Браслет покрыт прекрасной патиной
1612	Дн 1914 1/10	Бляшка золотая штампованная круглая с рельефными лепестками дугообразно загнутыми в одну сторону; по краям три дырки	Диаметр 0,02	С обратной стороны красная патина
1613	Дн 1914 1/11	Бляшка золотая штампованная круглая с рельефными лепестками дугообразно загнутыми в одну сторону; по краям три дырки	Диаметр 0,02	С обратной стороны красная патина
1614	Дн 1914 1/12	Бляшка золотая штампованная вырезная в виде розетки из пяти кружков	Длина 0,033	На обратной стороне красная патина
1615	Дн 1914 1/13	Две бляшки золотые штампованные — треугольники с зернью; в каждом углу по дырке	Высота 0,018	Слегка патинированы
1616	Дн 1914 1/14	Двенадцать бляшек золотых, штампованных круглых — человеческое лицо в фас; вверху и внизу — по дырке	Диаметр 0,01	С лицевой стороны бляшек красная патина

№ п/п	Старый инв. номер	Описание	Размеры (в м)	Сохранность
1617	Дн 1914 1/15	Девять бляшек золотых штампованных, круглых — мужская бородатая голова в профиль влево, по краям три дырки (сходные с №№ 1/4, 1/35 и 1/37)	Диаметр 0,019	Некоторые бляшки помяты и слегка порваны; на некоторых бляшках — красная патина
1618	Дн 1914 1/16	Девять бляшек золотых штампованных, круглых — мужская бородатая голова в профиль, вправо; по краям — три дырки (сходные с 1/2, 1/36, 1/38)	Диаметр 0,019	Некоторые бляшки слегка фрагментированы, некоторые патинированы.
1619	Дн 1914 1/17	Перстень золотой с гладким округлым щитком и заходящими концами гужек	Длина щитка 0,018, вес 1,97 г	Перстень покрыт красноватой патиной
1620	Дн 1914 1/18	Перстень золотой с гладким округлым щитком и заходящими концами гужек	Длина щитка 0,016, вес 1,45 г	Перстень помят, покрыт красноватой патиной
1621	Дн 1914 1/19	Перстень золотой с гладким округлым щитком и заходящими концами гужек	Длина щитка 0,015, вес 1,985 г	Перстень покрыт красноватой патиной
1622	Дн 1914 1/20	Перстень золотой с гладким округлым щитком и заходящими концами гужек	Длина щитка 0,018 вес 1,56 г	Перстень покрыт красноватой патиной
1623	Дн 1914 1/21	Перстень золотой с гладким округлым щитком и заходящими концами гужек	Длина щитка 0,02, вес 5,86 г	
1624	Дн 1914 1/22	Перстень золотой с гладким округлым щитком и заходящими концами гужек	Длина щитка 0,015, вес 2,18 г	
1625	Дн 1914 1/23	Пять бляшек золотых штампованных вырезных; один такой же обломок — лев идущий влево (сходные с № 1/25)	Длина 0,016	Все, кроме одной, покрыты красной патиной
1626	Дн 1914 1/24	Две бляшки золотые штампованные вырезные — лев идущий вправо (сходные с № 1/26)	Длина 0,016	Одна из бляшек сломана на две части и склеена; покрылась красной патиной
1627	Дн 1914 1/25	Три бляшки золотые штампованные вырезные — лев идущий влево (сходные с № 1/23)	Длина 0,016	Покрыты красной патиной

ИЗ ИНВЕНТАРНОЙ ОПИСИ
БЫВШЕГО ЭЛИНО-СКИФСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ЭРМИТАЖА.
ПРИДНЕПРОВЬЕ. Т. II

№ п/п	Старый инв. номер	Описание	Размеры (в м)	Сохранность
1628	Дн 1914 1/26	Шесть бляшек золотых штампованных вырезных — лев идущий вправо (сходные с № 1/24)	Длина 0,016	Покрываются красной патиной
1629	Дн 1914 1/27	Цилиндрик из разноцветного стекла с высокой золотой гужкой	Длина цилиндра 0,17; ширина его 0,11; высота гужки 0,026	Края цилиндра слегка фрагментированы
1630	Дн 1914 1/28	Цилиндрик из разноцветного стекла с высокой золотой гужкой	Длина цилиндра 0,16; ширина его 0,11; высота гужки 0,025	В цилиндрике имеются трещинки
1631	Дн 1914 1/29	Пара золотых серег в виде кольца с полкой золотой подвеской, представляющей собою голову козла	Диаметр кольца 0,04, длина подвески 0,028, вес 1-ой 8,9 г, вес 2-ой 9,65 г	Одна из подвесок внизу слегка прорвана
1632	Дн 1914 1/30	Ожерелье золотое из пятнадцати звеньев; два крайние треугольной формы полые, с рельефным изображением дерева. Тринадцать средних звеньев полые, с рельефным изображением сирены в фас и с двумя или одной полыми желудевидными привесками на каждой (у шести звеньев — одна привеска, у семи — две)	Длина крайних звеньев 0,025; длина средних звеньев 0,016; вес ожерелья 24,4 г	Звенья ожерелья покрыты красноватой патиной
1633	Дн 1914 1/31	Десять бляшек золотых штампованных квадратных — сидящая женщина с зеркалом, перед ней — юноша с ритоном; в углах бляшек — по дырке	Длина 0,0315	У одной оторван угол. Покрываются красной патиной
1634	Дн 1914 1/32	Сорок шесть бляшек золотых, штампованных вырезных — сложная розетка; у края — три дырки (сходны с №№ 1/33, 1/34)	Диаметр 0,018	Некоторые слегка фрагментированы. Красная патина
1635	Дн 1914 1/33	Тринадцать бляшек золотых, штампованных вырезных — сложная розетка; у края — три дырки (сходны с №№ 1/32, 1/34)	Диаметр 0,018	Некоторые слегка фрагментированы. Красная патина

№ п/п	Старый инв. номер	Описание	Размеры (в м)	Сохранность
1636	Дн 1914 1/34	Шесть розеток золотых штампованных, вырезных, сложных; у края — три дырки (сходны с №№ 1/32 и 1/33)	Диаметр 0,018	У одной — прорвана дырка. Розетки покрылись красной патиной
1637	Дн 1914 1/35	Пятнадцать бляшек золотых, круглых, штампованных — мужская голова влево, в каждой бляшке три дырки (сходные с №№ 1/4, 1/15 и 1/37)	Диаметр 0,013	У одной оторван кусок, несколько бляшек слегка фрагментированы
1638	Дн 1914 1/36	Две бляшки золотые круглые, штампованные — мужская голова вправо; в каждой бляшке — три дырки (сходные с №№ 1/2, 1/16 и 1/38)	Диаметр 0,013	Сохранность полная
1639	Дн 1914 1/37	Двадцать бляшек золотых круглых, штампованных — мужская бородатая голова, влево, по краям три дырки (сходны с №№ 1/4, 1/15 и 1/35)	Диаметр 0,018	Некоторые слегка фрагментированы. На обратной стороне — красная патина
1640	Дн 1914 1/38	Тринадцать бляшек золотых, штампованных, круглых — мужская бородатая голова, вправо, по краям три дырки (сходны с №№ 1/2, 1/16 и 1/36)	Диаметр 0,018	Некоторые слегка фрагментированы. На обратной стороне — красная патина
1641	Дн 1914 1/39	Тринадцать бляшек золотых, штампованных, круглых — человеческое лицо в фас; в бляшке — две дырки	Диаметр 0,009	На бляшках красная патина
1642	Дн 1914 1/40	Восемь бляшек золотых, штампованных, круглых — человеческое лицо в фас, кругом бугорки; наверху и внизу — по дырке	Диаметр 0,01	Одна слегка фрагментирована. На бляшках красная патина
1643	Дн 1914 1/41	Девятнадцать бляшек золотых, штампованных, круглых — человеческое лицо в фас, вверху и внизу — по дырке	Диаметр 0,009	На бляшках красная патина
1644	Дн 1914 1/42	Тридцать шесть бляшек золотых, штампованных, круглых — человеческое лицо в фас, кругом бугорки; наверху и внизу — по дырке (сходны с №№ 1/14 и 1/40)	Диаметр 0,01	Некоторые слегка фрагментированы. На большинстве — темная или красная патина

ИЗ ИНВЕНТАРНОЙ ОПИСИ
БЫВШЕГО ЭЛИНО-СКИФСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ЭРМИТАЖА.
Приднeпровье. Т. II

№ п/п	Старый инв. номер	Описание	Размеры (в м)	Сохранность
1645	Дн 1914 1/43	Подвеска золотая зерновидная полая с колечком наверху	Длина без кольца 0,022, вес 0,6 г	Подвеска слегка помята и слегка патинизирована
1646	Дн 1914 1/44	Сосуд деревянный шаровидный с двумя ручками	Диаметр 0,09	Склеен, поломано горлышко и дно
1647	Дн 1914 1/45	Два фрагмента деревянных шаров с резными поясками	Ширина 6,6 см	Сильно покоробились
1648	Дн 1914 1/46	Стержень деревянный точёный	Длина 7,4 см	Сломан на две части
1649	Дн 1914 1/47	Обломок коробочки деревянной цилиндрической	Диаметр 4,2 см, высота 3,3 см	Сильно покоробилась
1650	Дн 1914 1/48	Пять обломков деревянных госок	Длина 0,07–0,13 м	
1652	Дн 1914 1/49	Четыре обломка пластинок костяных, резных	Длина 2–9 см	
1653	Дн 1914 1/50 Бз 1502	Две трубочки золотые рубчатые	Длина 2,9 см, вес 0,6 г	Патинизированы, немного помяты

Далее в инвентарной описи идёт перечисление находок из кургана в селе Верхний Рогачик, раскопанного Н. И. Веселовским в 1914 г.

Глава .II.

ПЕРВЫЙ МОРДВИНОВСКИЙ КУРГАН:
НОВОЕ
О СТАРОМ ОТКРЫТИИ

ОБ ИЗУЧЕНИИ МОРДВИНОВСКОГО КУРГАНА В 1914 Г.

В 1914 г. был исследован Первый Мордвиновский курган в Днепропетровском уезде Таврической губернии. В результате раскопок был обнаружен уникальный комплекс находок, которые пропали во время Второй мировой войны. Полевая документация также считалась полностью утраченной. Единственным источником информации о раскопках долгое время была небольшая статья Н. Е. Макаренко, опубликованная в журнале «Гермес» в 1916 г. (Макаренко 1916).

Однако в Научном архиве ИИМК РАН сохранилась полевая фотосъемка исследований Мордвиновского кургана в 1914 г., а также дневник с черновыми планами и обмерами. Документы позволяют в какой-то степени восстановить обстоятельства раскопок, лучше понять логику деятельности исследователей, процесс их работ, оценить применявшуюся в ходе исследований методику. Среди фотоматериалов содержатся изображения находок как *in situ*, так и полученные уже в результате кабинетной съемки в Санкт-Петербурге.

Место исследований

Археологов пригласил заняться раскопками сам хозяин усадьбы Чёрная долина (Чернянка), где располагался курган, — граф А. А. Мордвинов¹. Он же предоставил необходимые для производства раскопок средства (Макаренко 1916: 268). Впоследствии Н. Е. Макаренко особо подчеркивал роль

1 Мордвинов Александр Александрович (1887–1950) — граф, крупный ялтинский гомовладелец и благотворитель, правнук выдающегося государственного деятеля адмирала Н. С. Мордвинова (1754–1845) и сын шталмейстера Высочайшего двора графа А. А. Мордвинова (1843–1891). С началом Первой мировой войны вступил 11.08.1914 г. солдатом во французский Иностраннный легион. В конце 1914 г. вернулся в Россию, а в августе 1915 г. отправился во Францию по поручению Главного военно-технического управления российской армии. В 1918 г. служил в авиационном подразделении Иностранного легиона. Остался жить в Париже, где и скончался (Мордвинов 2014).

графа в организации исследований 1914 г., указывая что работы прошли удачно во многом «благодаря просвещённому содействию графа А. А. Мордвинова, имя которого будет стоять отныне в ряду первых имён, способствовавших делу всестороннего научного исследования курганов в России» (Макаренко 1916: 269). Его имя, действительно, вошло в археологическую науку вместе с названием кургана, изученного в 1914 г. Впрочем, предложение графа произвести археологические изыскания на его земле не было удивительным. Он не раз жертвовал Херсонскому музею древности для пополнения его коллекций. До 1914 г. в его имении Чёрная долина уже неоднократно проводились раскопки курганов при поддержке и с полного одобрения землевладельца. Дело в том, что с 1907 г. управляющим имением стал Д. Ф. Бурлюк — отец художника-футуриста Д. Д. Бурлюка. Все члены семьи Бурлюков обладали незаурядными творческими способностями и имели разносторонние увлечения (Лившиц 1989: 323–325). Отец успешно занимался экспериментами в сельском хозяйстве. В период его управления имение Чернянку даже демонстрировали специалистам как пример образцового хозяйства и внедрения новых технологий в сельскохозяйственную деятельность (Дяченко 2007). Переехав туда, Д. Ф. Бурлюк заинтересовался древней историей Тавриды и археологическими раскопками. Известно, что Бурлюки несколько раз дарили в Херсонский музей монеты и иконы южнорусского стиля (Черников 2012: 224, 269, 303). С момента их появления в имении А. А. Мордвинова основатель и директор Херсонского музея В. И. Гошкевич (рис. 1) регулярно производил там разведки и раскапывал курганы, активно вовлекая в археологическую деятельность и семью Бурлюков. Работы велись с разрешения графа Мордвинова, находки передавались в Херсонский музей. Открытый лист на исследования памятников, находящихся на частной земле, тогда получать не требовалось, поэтому никаких отчётных документов об этих раскопках в Императорскую археологическую комиссию, где концентрировался основной археологический архив Российской империи, не поступило.

И всё же некоторые сведения об этом имеются в публикациях. В 1908 г. в газете «Южное утро» сообщалось, что «произведенные г. Гошкевичем систематические разыскания древностей по пескам левого побережья Днестровского устья в местности, которую «отец истории Геродот» называет Гилеей, дали в результате обильную коллекцию предметов каменного века, греко-скифского периода, так называемого готского стиля и времен последующих кочевников, населявших нашу окраину» (Черников 2012: 162). В 1910 г. в Херсонский музей ознакомиться с собранием находок из раскопок на о. Березань приехал профессор Копенгагенского Университета К. Ф. Кинг², побывав перед этим в Петербурге для осмотра коллекций Эрмитажа. Вместе с В. И. Гошкевичем они отправились в Днепропетровский уезд Таврической губернии, в имение графа Мордвинова, где в течение нескольких дней занимались раскопками курганных погребений (Костенко 2015: 74).

2 Karl Frederik Kinch (1853–1921) — датский учёный, специалист в области классической филологии и археологии. Занимался раскопками памятников на о. Родос. В 1910 г. приехал в Россию для ознакомления с результатами археологических исследований на о. Березани.

Рис. I.
В. И. Гошкевич (слева),
Б. В. Фармаковский
(в центре),
Н. И. Репников (справа),
Л. А. Мусеев (сзади),
1912 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. О. 2731/32

ОБ ИЗУЧЕНИИ
МОРДВИНОВСКОГО КУРГАНА
в 1914 г.

Вот как описывала это событие газета «Родной край» 11 июня 1910 г.: «На следующий день экскурсанты выехали в Днепропровский уезд, в имение гр. А. А. Мордвинова, где, по распоряжению управляющего этим имением Д. Ф. Бурлюка, их уже ждали рабочие, чтобы немедленно приступить к раскопкам могил.

Проф. Кинг внимательно следил за ходом работ, которыми распоряжался В. И. Гошкевич. Вскрытие первой могилы продолжалось в течение трёх дней: могила оказалась такой глубокой, что землю из неё пришлось вытаскивать ведрами; работа поэтому шла медленно. Только к концу третьего дня добрались до погребения. Человеческие кости обнаружались не в могиле, а в большой нише, высеченной в стене. Скелетов было два, при них найдены бронзовые стрелы с сохранившимися ещё древками, раскрашенными полосками жёлтого и красного цветов. Найдено было также железное копьё также с остатками древка, одна костяная стрелка и железный нож с костяной рукояткой, лежавший в куче костей быка, — остатки тризны. К сожалению, могила оказалась ограбленной: ход, по которому проник в неё грабитель, виден был в своде ниши. Этот грабитель, быть может, современник погребённой четы, сложил в кучу оба скелета: так они и были найдены. В таких могилах при покойниках нередко были зарыты золотые украшения, и грабитель знал, что он делал. Погребение относится, по определению г. Гошкевича, к эпохе сарматской, не позже II в. по Р. Хр.» (Известия... 1910: 89).

В 1911 г. В. И. Гошкевич с Бурлюками вскрыли крупный скифский курган. В 1912 г. братья Бурлюки самостоятельно исследовали около четырёх десятков курганных насыпей, а В. И. Гошкевич — катакомбное погребение в сарматском кургане. Художник Д. Д. Бурлюк выполнял зарисовки и чертежи, которые хранятся сейчас в фондах Херсонского краеведческого музея. Находки также поступили в этот музей (Дяченко 2007).

Упоминания о раскопках в имении Мордвинова есть и в воспоминаниях русских поэтов Велимира Хлебникова и Бенедикта Лившица. В 1910-х гг. в Чернянке одним из основоположников футуризма в России Д. Д. Бурлюком было создано поэтическое содружество «Гилея» (Лившиц 1989: 310–347), собравшее представителей русского авангарда, приезжавших сюда творить и «соприкоснуться с образцами архаического искусства» (Ворон [Скляднева] 2019: 105). Один из участников объединения, Б. Лившиц, писал, что «время, утратив грани, расслаивалось в Чернянке во всех направлениях» (Лившиц 1989: 322). Атмосфера усадьбы давала вдохновение молодым талантам «осуществлять эстетическую революцию» (Лившиц 1989: 333), Чернянка стала «точкой пересечения координат, породивших то течение в русской поэзии и живописи, которое вошло в их историю под именем футуризма» (Лившиц 1989: 340). Кроме В. Хлебникова и Б. Лившица, здесь бывали и другие представители русского авангарда — поэт В. Маяковский, живописцы Н. Гончарова и М. Ларионов (Ворон [Скляднева] 2019).

Идея образцовых раскопок

В 1914 г. раскопки Первого Мордвиновского кургана возглавил известный знаток южнорусских древностей профессор М. И. Ростовцев — «энергичный противник старых приёмов раскопок» (Макаренко 1916: 269; рис. 2). В своей монографии, посвященной античной декоративной живописи на юге России, он неслестно высказывался о методах исследований археологических памятников и даже сравнил результаты раскопок тогдашних археологов с работой кладоискателей: «по мере сил <...> командированные из Петербурга археологи старались исполнить требования научного расследования, но тут они действовали только как хорошие чиновники, не вполне ясно отдавая себе отчёт, для чего это нужно и что из этого можно вывести».

При таких условиях системы в работе в Керчи и на Боспоре не было и не могло быть. Определённых научных задач не ставили. Разрешения определённого вопроса не добивались, копали, чтобы найти «вещи», по возможности «золотые». Это искание «золотых вещей» пагубно отразилось на отношении ко всему остальному, ко всему антуражу этих вещей, и главным образом к сооружениям, где эти вещи находились» (Ростовцев 1914: 3).

Серьёзной критике подверглись и раскопки кургана Солохи, проведённые известнейшим археологом, членом ИАК Н. И. Веселовским в 1912–1913 г., в результате которых были открыты уникальные произведения скифского искусства. М. И. Ростовцев обращался в ИАК с рекомендацией исследовать такое важное по своему историческому значению погребальное сооружение «на снос» с подробной фиксацией слоёв (Зуев 1997: 69). Однако раскопки кургана Солохи мало чем отличались от предыдущих работ Н. И. Веселовского. Об этом свидетельствует и письмо Н. Е. Макаренко к Л. А. Мацулевичу от 12 апреля 1933 г.: «В 1914 году во время раскопок моего Мордвиновского кургана я два раза был на руинах Солохи, представляющей печальное зрелище. Был в самой могиле, проходил коридором, облазил все «мины», проложенные Н. В. в толще насыпи. Установил то, что было не замечено, или точнее, не отмечено в отчёте Н. В. Сделал несколько фотографических снимков. Собирался приехать ещё не один раз, дабы исполнить обмеры самой могилы, пробитой исследователем сверху, через потолок, так как он боялся пройти коридором, боялся обвала, который не совершился и через большой промежуток времени до 1914 г., когда я там был, и вследствие этого испортил всю картину. Собирался обмерить и коридор. Категорически уверяю, что ни коридор, ни могила (камера) не соответствуют приложенным к отчётам рисункам. Последние сделаны, очевидно, на глаз, причём этот глаз не схватил ни форм, ни пропорций. Говорю это не потому, что хочу очернить память покойного, а исключительно имею в виду восстановить истину. К моему великому огорчению, благодаря наступившим событиям, я лишён был возможности повторить тогда свою поездку в виду отсутствия... передвижения... Приехавши в Петербург, я говорил и о необходимости дополнительных изысканий в Солохе, и о всех отмеченных обстоятельствах. Многие поддержали моё мнение о необходимости дополнительных исследований. Но дело так и застряло» (Манцевич 1987: 6).

Рис. 2.
М.И. Ростовцев
в Керчи, 1910-е гг.
ФО НА ИИМК РАН,
отн. Q 308/19

Особенно остро ощущается трагизм ситуации, обрисованный в этих строках письма Н. Е. Макаренко о методике раскопок Н. И. Веселовского, учитывая судьбу графической документации работ самого Н. Е. Макаренко, сделанной во время исследований Мордвиновского кургана. Наличие профессионального топографа в экспедиции, присутствие измерительной техники на фотографиях, черновые обмеры и схемы в дневнике — всё указывает на безусловность изначального существования подробных чертежей. Сложно представить, чтобы археолог, подвергший столь строгой критике методику фиксации одного из основных исследователей скифских курганов Н. И. Веселовского при раскопках знаменитой Солохи, мог поступить похожим образом с документацией собственных работ. Тем не менее, чертежи этого кургана до сих пор не обнаружены, а пропали они почти сразу после раскопок. В Российском государственном архиве литературы и искусств среди материалов Н. И. Веселовского обнаружился любопытный документ под названием «Показание Петренко С. П. об утере чертежей раскопок кургана в имении гр. Мордвинова», датированный 23 марта 1916 г. В нем сообщается: «Мне нижеподписавшемуся керченскому мещанину Самуилу Петровичу Петренко доподлинно известно, что чертежи из раскопок, снятые на месте с кургана, исследованного в имении гр. Мордвинова в 1914 г., потеряны.

Утверждаю это, на основании того, что производитель работ Николай Емельянович Макаренко в течение второй половины 1914 г. дважды обращался ко мне письменно с просьбой поискать чертежей у меня, Петренко, так как в его вещах и присланных с места раскопок ящиков с древностями таковых не имеется.

Означенное свое показание могу подтвердить письменно» (РГАЛИ. Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 159).

Не секрет, что в XIX — начале XX века археология как наука в России только начинала развиваться. Раскопки курганов велись способами, которые сейчас мы бы сочли варварскими. Курганные могильники исследовались при помощи траншей и колодцев, что приводило к неизменной потере важной информации об устройстве насыпи кургана и истории его сооружения. М. И. Ростовцев предлагал усовершенствовать методику раскопок и исследовать насыпь кургана целиком, «на снос», с изготовлением на каждом этапе подробной чертёжной и фотодокументации и последующей подробной публикацией результатов раскопок. Идея образцовых показательных раскопок скифского кургана обсуждалась М. И. Ростовцевым и его учениками (Зуев 1997: 69). Наконец, в 1914 г. была совершена попытка реализовать её на практике в исследованиях Первого Мордвиновского кургана.

Это была чрезвычайно прогрессивная для того времени инициатива. Зная тщательность и педантичность, присущие всем предыдущим исследованиям М. И. Ростовцева, можно предположить, что и данный проект непременно был бы доведён до конца. Но в дело вмешались исторические обстоятельства. События Первой Мировой войны и вихрь последовавших за этим политических перемен нещадно перекроили судьбы и планы российских учёных, оставив многие важные научные начинания незавершёнными. Исследования Первого

Мордвиновского кургана также оказались неоконченными, а материалы, добытые во время первого года раскопок, неизданными...

Раскопки

Раскопки 1914 г. объединили команду блестящих в своём деле специалистов — археолога-художника Н. Е. Макаренко, археолога-историка В. В. Саханёва, топографа-геодезиста В. Я. Кожевникова и полевика-«надсмотрщика» керченского музея С. П. Петренко. Такой состав явно предполагал будущий успех проекта. Научное руководство работами осуществлял профессор М. И. Ростовцев, который, хотя и не находился на месте раскопок всё время, но приезжал туда на неделю в сентябре, чтобы проконтролировать ответственный момент открытия и разборки погребений.

На месте работами руководил

НИКОЛАЙ ЕМЕЛЬЯНОВИЧ МАКАРЕНКО (1877–1938)

(рис. 3; подробно о нём см.: Павловский 1913: 26–28; Макаренко 1992; 2006; Длужневская и др. 2009: 875; Жебелёв 2017: 412–413; Сотрудники... 2004: 102–104). К моменту исследований Мордвиновского кургана он уже был сложившимся специалистом и имел значительный опыт раскопок за плечами. Выходец из Полтавской губернии Н. Е. Макаренко получил художественное и археологическое образование в Санкт-Петербурге. Закончив Училище технического рисования барона Штиглица со званием художника, в 1902–1904 гг. он обучался в Петербургском Археологическом институте. Там же ему посчастливилось слушать лекции А. А. Спицына, которого он затем всю жизнь считал своим учителем (Кузьминых, Усачук 2010: 205). Именно А. А. Спицын с 1902 г. активно вовлёл Н. Е. Макаренко в процесс археологических исследований Императорской археологической комиссии. В это время в целях содействия и подготовки к областному археологическому съезду в Твери, Археологической Комиссией были организованы экспедиции в Новгородскую, Тверскую и Ярославскую губернии для исследования памятников в верховьях Волги — тогда ещё мало изученном районе. Н. Е. Макаренко, будучи уже слушателем Археологического института, принимал участие в этих работах в 1902–1903 гг. (Отчёт ИАК за 1902 г.: 113–115) и обследовал археологические памятники от каменного века до средневековья (Отчёт ИАК за 1903 г.: 122–126). В 1903 г. он вместе с Н. И. Репниковым занимался раскопками могильника Суук-Су в Крыму (Отчет ИАК за 1903 г.: 54), исследовал несколько курганов в Оренбургской губ. (Отчет ИАК за 1903 г.: 126–128). В течение всего петербургского периода своей жизни Н. Е. Макаренко активно сотрудничал с Императорской археологической комиссией. Многие из его исследований осуществлялись при финансовой поддержке Комиссии и были инициированы А. А. Спицыным.

В 1905 г. по поручению ИАК Н. Е. Макаренко обследовал Донецкое городище рядом с Харьковом и его окрестности, а также произвёл раскопки Верхне-Салтовского могильника и Салтовского городища в Харьковской губернии. В Воронежской губ. в том же году он изучал майданы и места интересных случайных находок (Макаренко 1906). В 1906 г. он обследовал древние

Рис. 3.
АСКАНИЯ-НОВА.
Н. Е. Макаренко
составляет описание
«каменной бабы» № I
на кургане 5.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 440/17

ОБ ИЗУЧЕНИИ
МОРДВИНОВСКОГО КУРГАНА
в 1914 г.

могильники и городища Полтавского края и работал в Черниговской губернии (Макаренко 1907).

В 1907 г. Н. Е. Макаренко стал членом Русского археологического общества, с этого времени он почти каждый год запрашивал разрешение на раскопки от имени РАО. О своих работах он регулярно докладывал на заседаниях Общества, публиковал результаты работ в изданиях РАО, а также передавал коллекции из раскопок в музей общества (Жебелёв 2017: 412–413).

В 1907–1909 гг. он продолжал активно работать по заданиям ИАК в юге России (Макаренко 1911), исследуя древности Екатеринославской и Воронежской губерний, в том числе Маяцкое городище и Мастогинские курганы с богатыми вещевыми комплексами, памятники Терской области. В эти и последующие годы Н. Е. Макаренко много сделал для изучения историко-культурного наследия своей родной Полтавщины. В 1910 г. ИАК профинансировала его раскопки в Томниковском могильнике Тамбовской губернии (Отчёт ИАК за 1909 и 1910 гг.: 190). В том же году он вместе с братьями Н. К. и Б. К. Рерихами произвёл изучение культурного слоя в новгородском Детинце и на Рюриковом городище под Новгородом (Макаренко 1913). Вплоть до 1918 г. Н. Е. Макаренко получал открытые листы в Археологической комиссии и продолжал вести археологические работы в разных местах России (см. Белова 2009).

Не стоит забывать при этом, что Н. Е. Макаренко был разносторонней личностью и археологические исследования составляли лишь одну из граней его трудовой и творческой деятельности. Одновременно он вёл активную художественную, преподавательскую и музейную работу. Художественные таланты Н. Е. Макаренко оказались чрезвычайно полезны для археологической науки. К 1912 г. им было исполнено более 2 тысяч рисунков с предметов древностей для различных археологических изданий, в первую очередь для тех, что готовились к публикации Русским археологическим обществом и Императорской археологической комиссией (Павловский 1913: 28). Работа в Императорском Эрмитаже с 1911 г. (Сотрудники... 2004: 102–104), несомненно, способствовала ещё более близкому знакомству Н. Е. Макаренко с хранящимися там богатейшими археологическими коллекциями. Благодаря его собственным усилиям эрмитажное собрание даже пополнилось ценными экспонатами. Так, в 1912 г. Н. Е. Макаренко был командирован Императорской археологической комиссией в село Малая Перещепина Полтавской губернии на место находки уникального клада серебряных и золотых предметов для выяснения всех обстоятельств, покупки вещей, разошедшихся по рукам местных жителей, и проведения раскопок. Позднее, клад был передан на хранение в Эрмитаж (Залеская и др. 1997). Предметы из раскопок Первого Мордвиновского кургана также поступили в Эрмитаж.

После 1919 г. жизнь и научная деятельность Н. Е. Макаренко уже была полностью связана с Киевом и Украиной, но все эти годы он поддерживал контакты со своими коллегами в Петрограде — Ленинграде, особенно с А. А. Спицыным (Кузьминых, Усачук 2010: 204–205). В 1926 г. он принимал участие в раскопках Б. В. Фармаковского в Ольвии как представитель Всеукраинского археологического комитета (Кузьминых, Усачук 2010: 196,

202; рис. 4). В 1920–1930-е гг. Н. Е. Макаренко внёс огромный вклад в изучение и сохранение культурно-исторического наследия Украины, продолжал заниматься археологическими исследованиями. Трагическая судьба учёного, попавшего под жернова политических репрессий, хорошо известна по многим публикациям (Білодід 1989; Макаренко 1992; 2006; Яцина 2018). В 1934 г. Н. Е. Макаренко стал единственным членом комиссии, не подписавшим акт об уничтожении Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве. В результате он арестовывался несколько раз, в 1938 г. был расстрелян.

ВСЕВОЛОД ВАСИЛЬЕВИЧ САХАНЁВ (1885–1940)

(рис. 5) также был одним из учеников А. А. Спицына. В августе 1904 г. его зачислили на историко-филологический факультет Петербургского университета. С октября 1910 г. он слушал лекции в Санкт-Петербургском археологическом институте. В 1913 г. после окончания Университета был оставлен при кафедре русской истории (Саханёв 2017). Несколько ранее на историко-филологическом факультете Петербургского университета благодаря инициативе А. А. Спицына был создан Археологический кабинет в виде отделения исторического семинария (Тихонов 2003: 74). Здесь со временем появились прекрасная археологическая библиотека, фотографические и вещевые коллекции для практических работ студентов. В этом научно-вспомогательном кабинете проходили занятия семинара по археологии, и В. В. Саханёв был среди самых активных его участников.

Важной составляющей работы кабинета стали студенческие экспедиции 1910-х гг., проводившиеся либо под руководством А. А. Спицына, либо при его ближайшем содействии. Они были направлены на воспитание молодой смены опытных археологов, которые обеспечили бы в дальнейшем успешное осуществление систематических раскопок в России. Впервые группа университетских слушателей под руководством А. А. Спицына произвела археологическое обследование 1910 г. в Лужском уезде Санкт-Петербургской губернии у д. Малый Удрай и д. Замошье. Вместе со своим преподавателем туда отправились А. В. Тищенко, К. В. Кудряшов, С. А. Дубинский, П. А. Садиков, В. А. Острогский, В. В. Саханёв и другие студенты (рис. 6). В результате были «раскопаны 24 кургана XI в., полуфинских-полурусских, весьма интересных своими обложениями из камня, которым подобные позднее были обнаружены под Ладогой»; «осмотрено и слегка тронуту оригинальнейшее, единственное в своём роде четырехугольное сооружение, облицованное камнем»; найдено городище раннего железного века, «раскопан старый удлинённый курган, интересно сооружённый»; «раскопано несколько маленьких курганов особого типа, встречающихся очень редко» (Спицын 1914: 94).

Курганы раскапывались студентами под наблюдением А. А. Спицына (Тихонов 2003: 77), который распределил каждому из них по 1–2 разнотипных кургана. После работ студенты самостоятельно составляли отчётную документацию. Рукописные документы подготовлены в свободной форме и отличаются друг от друга по качеству исполнения. Отчёт В. В. Саханёва написан рукой А. А. Спицына, видимо, со слов студента (Медведева, Соболев 2012). А. А. Спицын собрал студенческие сочинения, отредактировал и дополнил их, после чего

ОБ ИЗУЧЕНИИ
МОРДВИНОВСКОГО КУРГАНА
в 1914 г.

Рис. 4.
Н. Е. Макаренко (слева)
на раскопе в Ольвии,
1926 г.
ФО НА ИИМК РАН,
нег. II 19477

Рис. 5.
В. В. Саханёв (слева),
сёстры Верховские,
Н. Е. Макаренко
(справа) на раскопках
Мордвиновского
кургана в 1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 600/51

ОБ ИЗУЧЕНИИ
МОРДВИНОВСКОГО КУРГАНА
в 1914 г.

Рис. 6.
А. А. Спицын со своими
студентами и рабочими
на раскопках курганов
в Малом Удрае, 1910 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. О. 732/14

Рис. 7.
БОРИСОВСКИЙ
МОГИЛЬНИК.
Раскопки В. В. Саханёва,
1911 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 431/43

ОБ ИЗУЧЕНИИ
МОРДВИНОВСКОГО КУРГАНА
в 1914 г.

опубликовал в Известиях ИАК (Спицын 1914), указав под описанием каждого кургана имя студента, производившего раскопки.

В том же году В. В. Саханёв под руководством А. А. Спицына принял участие в раскопках Немировского городища. «Княгиня М. А. Щербатова обратилась к Председателю Имп. Археологической Комиссии с предложением провести на её средства исследование известного городища близ м. Немирова Брацлавского у., на земле крестьян д. Соловинец. Так как на городище уже открыты остатки жилищ времени Трипольской культуры, то Комиссия охотно отозвалась на любезное предложение кн. Щербатовой и командировала в 1910 г. в Немиров члена своего А. А. Спицына, который пригласил с собой на работы трёх своих университетских слушателей (П. А. Балицкого, В. В. Саханёва и К. В. Шероцкого) в расчёте передать им продолжение раскопок, так чтобы они могли идти непрерывно в течение всего лета. Раскопки были продолжены г. г. Балицким и Шероцким в следующем 1911 г.» (Отчёт ИАК за 1909 и 1910 гг.: 179–180).

По предложению А. А. Спицына и Разряда военной археологии и археографии ИРВИО в 1910 г. В. В. Саханёв пытался обнаружить место битвы на р. Калке (Жебелёв 2017: 530). В 1911–1913 гг. он производил уже собственные раскопки, предприняв исследования городища и могильника вблизи Геленджика рядом с имением «Борисово» с захоронениями V–XIV вв., ставшего одним из самых известных памятников Черноморской археологии. В 1912–1913 гг. ИАК было выделено финансирование на его работы, и в архив Комиссии поступили подробные отчеты (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1911 г. Д. 89. 1912 г. Д. 146; 1913 г. Д. 339). Материалы первых двух лет раскопок были опубликованы в Известиях ИАК (Саханёв 1914). Там В. В. Саханёв писал: «В течение двух лет (1911 и 1912) нам пришлось проводить лето в одном из уютнейших уголков северного побережья Кавказа и оба раза удавалось способствовать сохранению для науки, хотя бы отчасти, двух интересных памятников прошлой жизни богатого края» (Саханёв 1914: 76). Часть материалов из раскопок он передал в Археологический кабинет, там же хранились и его отчётные фотографии, которые поступили в архив Академии истории материальной культуры только в 1931 г., образовав вместе с другими документами кабинета фотографический фонд А. А. Спицына (ФО НА ИИМК РАН. Альбом Q 431; рис. 7).

«С момента основания Археологического кабинета библиотекой Кабинета безвозмездно заведовал А. В. Тищенко, а музеем В. В. Саханёв. Лишь в 1913 г. факультетом была учреждена должность хранителя Кабинета с вознаграждением 150 руб. в год (по 75 р. в полугодие), на которую назначен В. В. Саханёв» (Тихонов 2003: 241). В 1914 г. Археологический кабинет был выделен из состава Исторического семинара и увеличены средства на его содержание (Тихонов 2013: 580). Как уже неоднократно говорилось, в 1914 г. В. В. Саханёв вместе с Н. Е. Макаренко занимался раскопками Первого Мордвинского кургана.

Вполне очевидно, что археологическая карьера В. В. Саханёва развивалась довольно успешно, однако политические события в России и сложный характер исследователя внесли в неё свои коррективы. Его вспыльчивость, стремление

выделить собственные заслуги при изучении Мордвиновского кургана прекрасно демонстрирует письмо, направленное В. В. Саханёвым в Императорскую археологическую комиссию (см. главу I. 3).

Его близкий друг и однокашник А. В. Тищенко, талантливый ученик А. А. Спицына в начале Первой мировой войны ушёл на фронт и погиб в 1914 г. в боях в районе Августова. В 1915 г. В. В. Саханёв принял активное участие в подготовке сборника статей, посвященных его памяти (Тищенко 1916). В феврале 1915 г. у него произошел крупный конфликт со А. А. Спицыным, в результате чего он покинул свою должность хранителя Археологического кабинета (Тихонов 2013: 580). В ответ на упрек в превышении власти А. А. Спицын эмоционально описал эту ситуацию в письме С. Ф. Платонову:

«Я рад, как ребенок, что Саханёв ушёл. Он держался ко мне прямо вызывающим образом, ни в полушку меня не ставил. Мне не следовало его так баловать <...>

Отдавая книги, Саханёв мне сказал: «Я не очень нуждаюсь в Кабинете». Вот именно Кабинет-то никогда в нём не нуждался. Всё там сделано мною и Тищенко. Саханёв даже не дежурил. Книги он брал без учёта и недавно вернул груду их, взятых без всяких расписок. Казённый фонарь до сих пор у него на дому, и мы пользуемся Айналовским» (Тихонов 2003: 249).

Вскоре В. В. Саханев и сам ушёл на фронт добровольцем. Позже он напишет: «Смерть в бою близкого моего товарища по Университету Андрея Вячеславовича Тищенко, человека редких душевных качеств, явилась для меня последним толчком, побудившим принять окончательное решение поступить на военную службу. Тяжелая болезнь жены задержала меня в осуществлении моего намерения, но 24 марта 1916 г. я все-таки явился в 1-ую батарею Запасного Тяжелого Артиллерийского дивизиона, стоявшего в Царском Селе и избранного мною для начала моей военной карьеры» (ГАРФ. Р-5881. Оп. 2. Д. 613. Л. 1). В 1917 г. он был произведён в офицеры из вольноопределяющихся, служил в тяжелой артиллерии, затем активно участвовал в Белом движении. Жизненные принципы и патриотические настроения не могли позволить ему поступить по-другому. В своих воспоминаниях В. В. Саханёв прямо и решительно высказывается о своём отношении к новой власти: «Я ни физически, ни психически не принимал большевизма и ни в каких случаях не мог с ним сотрудничать. Я твёрдо знал, что они несут с собой гибель той духовной культуры, которой я готовился посвятить всю свою жизнь. Я верил, что с ними надо непрестанно бороться, пока они не захватили в свои руки всей России. Бороться же можно было только в армии, ибо подпольная борьба тогда была совершенно невозможна» (Пученков 2018: 206).

В 1920 г. он был эвакуирован из Крыма в Галлиполи вместе с остатками русской армии. Горькие строки, написанные В. В. Саханёвым об этом, нередко цитируются в работах исследователей Белого движения. «Белый офицер Всеволод Саханёв в 1931 году вспоминал о своём путешествии на транспорте «Сарыч»: «В трюме было множество народу. Спали вповалку очень тесно. Тут же помещались эвакуировавшиеся с частями женщины — семьи офицеров и сёстры милосердия. <...> Огромный транспорт был сплошь заполнен людьми. Спали

не только во всех трюмах, но и по всей палубе, так что между лежавшими оставались лишь узенькие дорожки для прохода. <...> Самым тяжёлым вопросом жизни на транспорте было питание. Почти ни одна часть не имела довольствия больше, чем на сутки. Между тем никаких запасов для питания людей на транспорте тоже не было. Первый день все были на собственном довольствии, то есть те, у кого, как у большинства людей нашей батареи, ничего не было, первый день ничего не ели. На второй день к вечеру было выдано по маленькой банке консервов на четырёх человек. Хлеба не было почти ни у кого, а выдано его также не было. <...> На третий день мы вошли в Босфор. Несмотря на общее угнетённое состояние и на голод, все высыпали на палубу, чтобы посмотреть на бесконечно красивую панораму не знающего себе соперников по красоте пролива. Я смотрел с совершенно особым чувством на знакомую картину, и только вид этих знакомых берегов пробудил во мне сознание совершившегося. До сих пор я все ещё продолжал жить в атмосфере гражданской войны. <...> Но когда я увидел так хорошо знакомую волшебную панораму Босфора, то понял, что ведь война окончилась, что надо думать о ближайшем будущем, надо что-то делать и как-то жить»» (Ушаков 2000).

Впоследствии В. В. Саханёв стал одним из авторов и редакторов книги «Русские в Галлиполи» (Баумгартен и др. 1923). Покинув Россию, он жил некоторое время в Болгарии, с 1923 г. обосновался в Праге, где ему удалось вернуться к научной деятельности. В. В. Саханёв состоял в различных научных организациях, преподавал в Русском народном университете и на Русском юридическом факультете Карлова Университета, был сотрудником Русского заграничного исторического архива (Жебелёв 2017: 531). Интересно, что в РЗИА вновь реализовался его талант фотографа, который был очевиден ещё в 1910-е гг., когда он занимался фотосъёмкой во время раскопок Борисовского могильника и Мордвиновского кургана. В 1935–1938 гг., помимо основной научной работы, В. В. Саханёв состоял в должности фотографа. В Пражский период он увлёкся историей и этнографией Карпатской Руси, занимался изучением народного искусства и деревянной архитектуры Закарпатья. Продолжил он и экспедиционную деятельность, организовав поездки на Подкарпатскую Русь, где исследовал деревянные храмы. Многие из описанных им церквей не сохранились, поэтому чертежи и описания храмов, сделанные в то время В. В. Саханёвым, сейчас стали уникальным источником информации о них (Луговой, Бородин 2006: 27).

САМУИЛ ПЕТРОВИЧ ПЕТРЕНКО (? — 1917?)

проживал в Керчи, на той самой Госпитальной улице, где в XIX веке было сделано немало удивительных археологических открытий, относящихся к эпохе Боспорского царства (рис. 8). Там располагался элитный участок некрополя IV–V вв. с подземными склепами (Шаров 2016: 125), нещадно грабившимися так называемыми «счастливчиками» в погоне за золотыми вещами. «Счастливчики» были поистине настоящим бедствием для государственной археологии. Так называли местных жителей, занимавшихся раскопками «на счастье», в надежде найти клад и продать его подороже торговцам или коллекционерам. По сути они являлись обычными грабителями — охотниками за сокровищами, которые переставали вести какую-либо хозяйственную деятельность, а добыча древностей

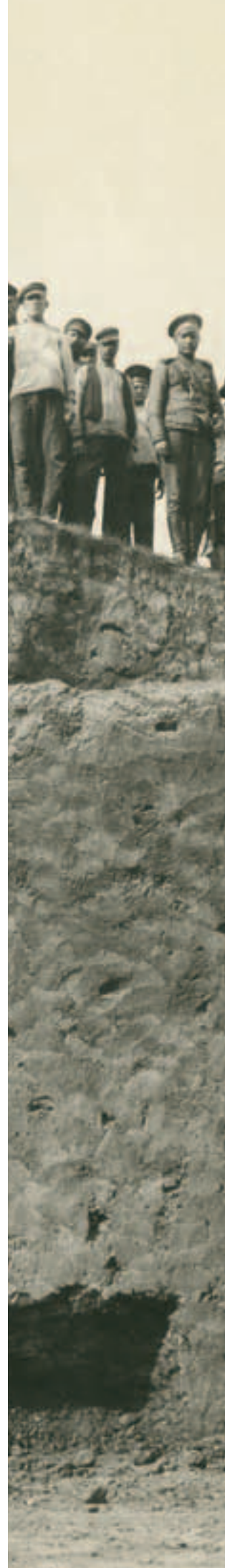

Рис. 8.
С. П. Петренко
(в центре) на раскопках
могильника Суук-Су
в 1905 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. О. 633/24

Рис. 9.
ПЕРЕД ВХОДОМ
В ДОМИК
ОЛЬВИЙСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ.
Слева направо:
Л. А. Мусеев,
Б. В. Фармаковский,
Н. И. Репников,
С. П. Петренко.
Фото В. Малько, 1906 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. О. 2730/76

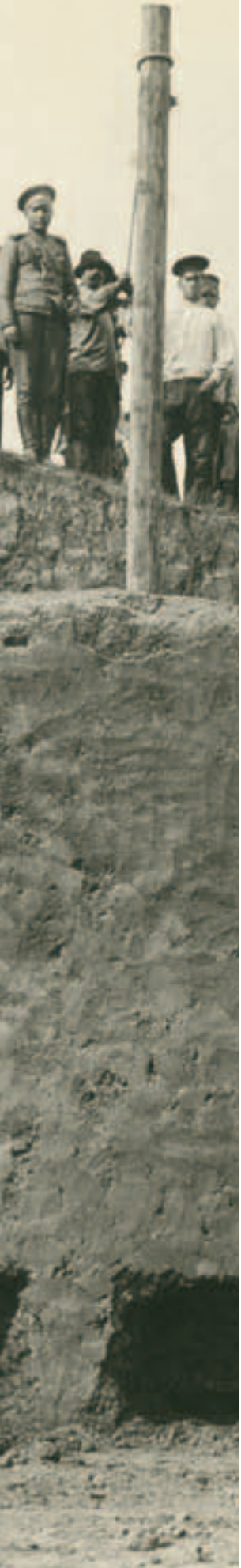
ОБ ИЗУЧЕНИИ
МОРДВИНОВСКОГО КУРГАНА
в 1914 г.

превращалась для них в основной источник доходов. Именно на Госпитальной ул. в 1904 г. был обнаружен такими «счастливчиками» склеп с богатейшим комплексом вещей в «готском» стиле (Виноградов 2009: 370), из-за которого, как предполагают, впоследствии был убит бандитами директор керченского музея В. В. Шкорпил (Федосеев 2002: 170). Проживание в эпицентре кладоискательской деятельности в Керчи не могло не обусловить сферу занятости многих жителей этого района. С. П. Петренко также не избежал этой участи и начал свою археологическую деятельность с карьеры «счастливчика». Но если большинство из «счастливчиков» так и оставались обычными грабителями археологических памятников, то С. П. Петренко удалось перейти от этой незаконной деятельности к государственной работе на благо археологической науки.

Из документов Комиссии, мы знаем несколько таких случаев успешного вовлечения кладоискателей в профессиональную археологическую деятельность в начале XX века на юге России. Кто-то из «счастливчиков» был нанят в качестве сторожа склепа с античной живописью в Керчи и честно выполнял свою работу, ещё некоторые отличились в процессе раскопок на Боспоре; по рекомендации директора керченского музея их приглашали работать и в другие экспедиции, проводимые Комиссией. С. П. Петренко оказался наиболее выдающимся в этом смысле «работником» керченского музея. Его имя постоянно мелькает на страницах документов Императорской археологической комиссии. Сначала он трудился в Керчи. О работе С. П. Петренко в 1900 г. на раскопках насыпи над склепом с остатками живописи инкрустационного стиля на участке нотариуса Фельдштейна упоминает М. И. Ростовцев, доследовавший его в 1905 г.: «...в 1900 г., как указывает руководивший в это время раскопками Петренко, ясно заметны были следы двух старых «казённых» раскопок на северной и южной сторонах. О раскопках 1900 г. <...> В. В. Шкорпил, со слов упомянутого Петренко, сообщает следующее (письмо от 23 мая 1912 г.): «Уже в 1900 г. был обнаружен склеп с фресками и сделана большая разведка, при которой достигли каменного саркофага, стоящего в заднем левом углу самой большой комнаты. Костяки найдены были разбросанными вокруг саркофага или каменного ложа. Среди костей попадались обломки простой глиняной посуды, обломки стеклянных шарообразных сосудов без ручек, бронзовый ключ, золотые листики от погребального венка. По сообщению Петренко, краски на стенах отличались при открытии склепа яркостью и сохранностью, особенно корзина с плодами, изображённая на левой стороне склепа. Тогдашний арендатор <земли> Непомнящий соскабливал со стен рельеф саркофага краску и, разбавляя её в воде, красил баркас» (Ростовцев 1914: 260). Кроме Керчи, С. П. Петренко привлекали к работам в Херсонесе, несколько раз он принимал участие в раскопках Ольвии в первые годы систематического исследования памятника под руководством Б. В. Фармаковского (рис. 9).

В 1907 г. в своей докладной записке председателю ИАК графу А. А. Бобринскому по поводу кражи артефактов, произошедшей на раскопе в Ольвии предыдущим летом, С. П. Петренко так описывает свою работу в музее: «...находился я безотлучно 18 лет в Музее Древности в качестве рабочего, а также надзирателем при раскрытии и <разборке кургана>, также <занимался> и наклейкой

разных найденных древних сосудов, а также приходилось быть прикомандированным в ночное время в обход, где рисковал своей жизнью. Да и в присутствии Вашего Сиятельства я производил раскоп...» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1906 г. Д. 3. Л. 232). Директор керченского музея В. В. Шкорпил тогда же дал ему весьма хорошую характеристику, в отличие от других надсмотрщиков он смог полностью за него поручиться: «Насколько я знаю П., я вполне уверен, что он не способен совершить такую подлость, тем более всё его и его семейства существование вполне зависит от Комиссии, от которой он почти круглый год получает пропитание, занимая то место надсмотрщика, то клейщика или простого рабочего» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1906 г. Д. 3. Л. 291). Записка С. П. Петренко и его характеристика, написанная В. В. Шкорпиллом, были рассмотрены на одном из заседаний ИАК и директору керченского Музея древностей было разрешено оставить его на службе при музее. После этого он командировался в различные экспедиции и работал на раскопках многих знаковых для российской археологии памятников. В 1907 г. С. П. Петренко участвовал в разведках и раскопках Н. И. Репникова в Крыму, в том числе в исследованиях базилики в Партените (Репников 1909а; 1909б). На фотографиях, сделанных во время этих работ, на груди Петренко красуется специальный знак «надсмотрщик Керченского музея», обозначающий, что он исполняет поручение музея (рис. 10). Имя Петренко встречается и на страницах отчета Н. И. Веселовского о раскопках знаменитого скифского кургана Чмырёва могила в 1909–1910 гг. Археолог приводит описание открытого во время предыдущих раскопок (1898 г.) конского погребения, составленное со слов участника работ С. П. Петренко (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1910 г. Д. 52. Л. 103). Со временем С. П. Петренко стал сам руководить рабочими на раскопе. Его активно привлекали и к камеральным работам (рис. 11), даже приглашали в Петербург для обработки коллекций и склейки керамики. Фактически он стал профессиональным техническим сотрудником археологических экспедиций ИАК. География его поездок тоже расширилась и уже не ограничивалась только югом России.

В 1909 г. надсмотрщик керченского музея С. П. Петренко был приглашен С. Ф. Ольденбургом в его первую Туркестанскую экспедицию для наблюдения за раскопками, но в самом начале заболел и вынужден был вернуться (Ольденбург 1914: 1; Попова 2008: 252). В 1911–1913 гг. он участвовал в археологических работах на Земляном городище Старой Ладоги под руководством Н. И. Репникова, с которым был хорошо знаком ещё со времён раскопок в Крыму. Здесь С. П. Петренко организовывал процесс работ и следил за рабочими, раскапывающими уникальный «мокрый» культурный слой с сохранившимися деревянными конструкциями (рис. 12).

К моменту раскопок Мордвиновского кургана в 1914 г. у него уже был огромный опыт раскопок. Не имевший специального образования, он превратился в блестящего практика-раскопщика, универсального помощника для начальника археологической экспедиции практически любого профиля. Не удивительно, что С. П. Петренко с удовольствием приглашали во многие экспедиции. Он владел техникой раскопок разных типов археологических

ОБ ИЗУЧЕНИИ
МОРДВИНОВСКОГО КУРГАНА
в 1914 г.

Рис. 10.
ГРУППА РАБОЧИХ,
ПРИНИМАВШИХ
УЧАСТИЕ В РАСКОПКАХ
БАЗИЛИКИ В ПАРТЕНИТЕ
в 1907 г. В центре стоит
С. П. Петренко, во втором
ряду четвёртый слева
сидит Н. И. Репников.
ФО НА ИИМК РАН,
отн. Q 455/61

Рис. II.
С.П. Петренко
за склейкой вазы
в Ольвии.
Фото В. Малько,
1905–1906 гг.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. О. 2730/104

ОБ ИЗУЧЕНИИ
МОРДВИНОВСКОГО КУРГАНА
в 1914 г.

Рис. 12.
С.П. Петренко (стоит
в центре) на раскопках
Земляного городища
Старой Ладоги в 1913 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отн. Q 220/66

памятников, прекрасно выполнял камеральную обработку находок. С. П. Петренко не сделал великих научных открытий, но его деятельность высоко ценили профессиональные археологи. Судя по всему, руководители экспедиций доверяли ему и часто на него оставляли раскоп в своё отсутствие. Работа и опыт таких умелых практиков и сейчас остаются весьма востребованными в производстве археологических раскопок. Видимо, по той же причине его призвали принять участие и в раскопках Мордвиновского кургана, где исследования планировалось провести на самом высоком методическом уровне (рис. 13). С. П. Петренко прослужил в Керченском музее 28 лет, его не стало в эпоху революционных потрясений в России (Емельянова, 2015, 2019).

Исследователи Мордвиновского кургана отнеслись к делу графической фиксации своих работ в высшей степени серьёзно. Для топографической съёмки местности и самого кургана был приглашен опытный военный топограф (Макаренко 1916: 268).

МИХАИЛ ЯКОВЛЕВИЧ КОЖЕВНИКОВ (1870–1942)

В 1890-х гг. он закончил Военное Топографическое училище, после чего служил в разных местах на благо российской картографии (Сергеев, Долгов 2001: 152). В науке М. Я. Кожевников прежде всего известен своими географическими и картографическими открытиями, сделанными во время северных экспедиций начала XX в. под руководством известного геолога И. П. Толмачёва. В честь заслуг М. Я. Кожевникова его именем названы несколько географических точек в Заполярье, которые были открыты в процессе этих экспедиций. В 1904–1906 гг. по заданию Императорского Русского географического общества экспедиция с его участием прошла маршрутом по северу Сибири с целью изучения бассейна р. Хатанги, побывала на необследованных в топографическом плане местах Енисейской губернии и Якутской области (рис. 14). Во время этого мероприятия в течение 13 месяцев по подсчетам М. Я. Кожевникова было сделано «пешком 99 вёрст, съёмкой с лодки — 854 вёр. и на оленях — 5306 вёр.», после чего целый ряд пробелов на карте России был заполнен (Кожевников 1910).

Несколько лет он также занимался топографической съёмкой территорий Санкт-Петербургской губернии и Финляндии (Сергеев, Долгов 2001:152). В 1906–1908 гг. каждый сезон с мая по сентябрь по поручению Главного гидрографического управления Морского Министерства М. Я. Кожевников выезжал для составления новых карт Мурманского берега. Он работал в сухопутной партии, которая состояла из начальника, двух производителей работ и 25 рабочих. Они вели съёмку прибрежной полосы и промеры дна, где это возможно было сделать с шлюпки или катера. Позднее М. Я. Кожевников с восторгом описывал комфортабельную обстановку полевого лагеря и вспоминал свою трёхлетнюю работу на Мурмане как один из самых приятных моментов службы. Однако дальнейшему пребыванию там помешало «сильное желание участвовать в работе Ленско-Чукотской экспедиции 1909 г.» (Кожевников 1911).

В 1909–1910 гг. М. Я. Кожевников вновь работал в экспедиции под руководством И. П. Толмачёва, в этот раз на Чукотке. Она была организована по инициативе Министерства торговли и промышленности для исследования

Рис. 13.
РАСКОПКИ
МОРДВИНОВСКОГО
КУРГАНА В 1914 г.
С.П. Петренко
расчищает вход
в катакомбу.
Фото В.В. Саханёва.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 600/11

Рис. 14.
ЧЛЕНЫ ЭКСПЕДИЦИИ
И МЕСТНЫЕ ЖИТЕЛИ
В с. ХАТАНГСКОЕ.
В центре
М.Я. Кожевников
(Кожевников 1910: 91)

возможностей создания Северного морского пути — кратчайшего морского пути между Европейской частью России и Дальним Востоком. Участники экспедиции проделали грандиозную работу по съёмке побережья Северного Ледовитого океана (Толмачёв 1911; Красникова 2014).

Во время обеих северных экспедиций М. Я. Кожевников и И. П. Толмачёв не ограничивались только географией и картографией, но и уделяли большое внимание описанию этнографических особенностей быта и обычаев местных жителей, фотографировали достопримечательности, собрали палеонтологическую коллекцию. Таким образом, участие М. Я. Кожевникова в раскопках Мордвиновского кургана было не первым его обращением к историческим наукам. По завершении работ Чукотской экспедиции планировалось подготовить монографическое издание полученных результатов. Однако начавшаяся война и затем революционные события помешали осуществлению этой публикации. Начальник экспедиции И. П. Толмачёв эмигрировал, но собранные им материалы остались в России (Красникова 2014).

После Чукотской экспедиции, к 300-летию восшествия на престол династии Романовых М. Я. Кожевников занимался составлением карты земельных владений Дома Романовых в XVI–XVII столетиях по опубликованным источникам (Кожевников 1913). Ещё одним интересным опытом работы топографа стало участие в подготовке к юбилейным торжествам по случаю 100-летия Бородинской битвы, где он производил рекогносцировку поля сражения, проверил последние изменения местности по сравнению с уже существовавшими к тому времени съёмками и нанёс на карту вновь выявленные остатки укреплений (Рычков, Сергеев 2008).

Ни в одной из опубликованных биографий топографа не упоминается участие М. Я. Кожевникова в археологической экспедиции 1914 г. И здесь архивные документы археологического архива дают возможность приоткрыть новую страницу его многогранной деятельности. Из материалов не удастся выяснить, каким образом капитан топографической службы М. Я. Кожевников оказался в экспедиции, но его самого можно увидеть на многих фотоснимках во время работы и на отдыхе (рис. 15). Из фотографий также становится ясно, что при раскопках Мордвиновского кургана он использовал мензулу и кипрегель — топографические инструменты, служащие для производства точных и подробных съёмок местности. Мензуральная съёмка подразумевала определение отдельных опорных точек (преимущественно вершин гор и холмов), или составление так называемой геометрической сети и съёмку подробностей, а также зарисовку рельефа местности (Брокгауз и Эфрон 1896: 91–92). Сохранившиеся экспедиционные фотографии зафиксировали этапы топосъёмки, на многих снимках запечатлен сам М. Я. Кожевников под геодезическим зонтом, выполняющий измерения (рис. 16). В черновом дневнике в дополнение к фотографиям содержатся данные промеров, геометрические сетки и отметки нивелировочных ходов (рис. 17). Методику снятия планов, выполнения обмеров и чертежей очень кратко описал Н. Е. Макаренко в своей отчетной статье (Макаренко 1916: 270). Все архивные документы свидетельствуют, что во время исследований использовалась именно мензуральная съёмка как наиболее точный способ фиксации

ОБ ИЗУЧЕНИИ
МОРДВИНОВСКОГО КУРГАНА
в 1914 г.

Рис. 15.
М. Я. Кожевников,
В. В. Саханёв
и Н. Е. Макаренко
на раскопках
Мордвиновского
кургана в 1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 600/49

Рис. 16.
М.Я. Кожевников
с измерительным
прибором перед началом
работ в 1914 г.
Фото В. В. Саханёва.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 600/48

ОБ ИЗУЧЕНИИ
МОРДВИНОВСКОГО КУРГАНА
в 1914 г.

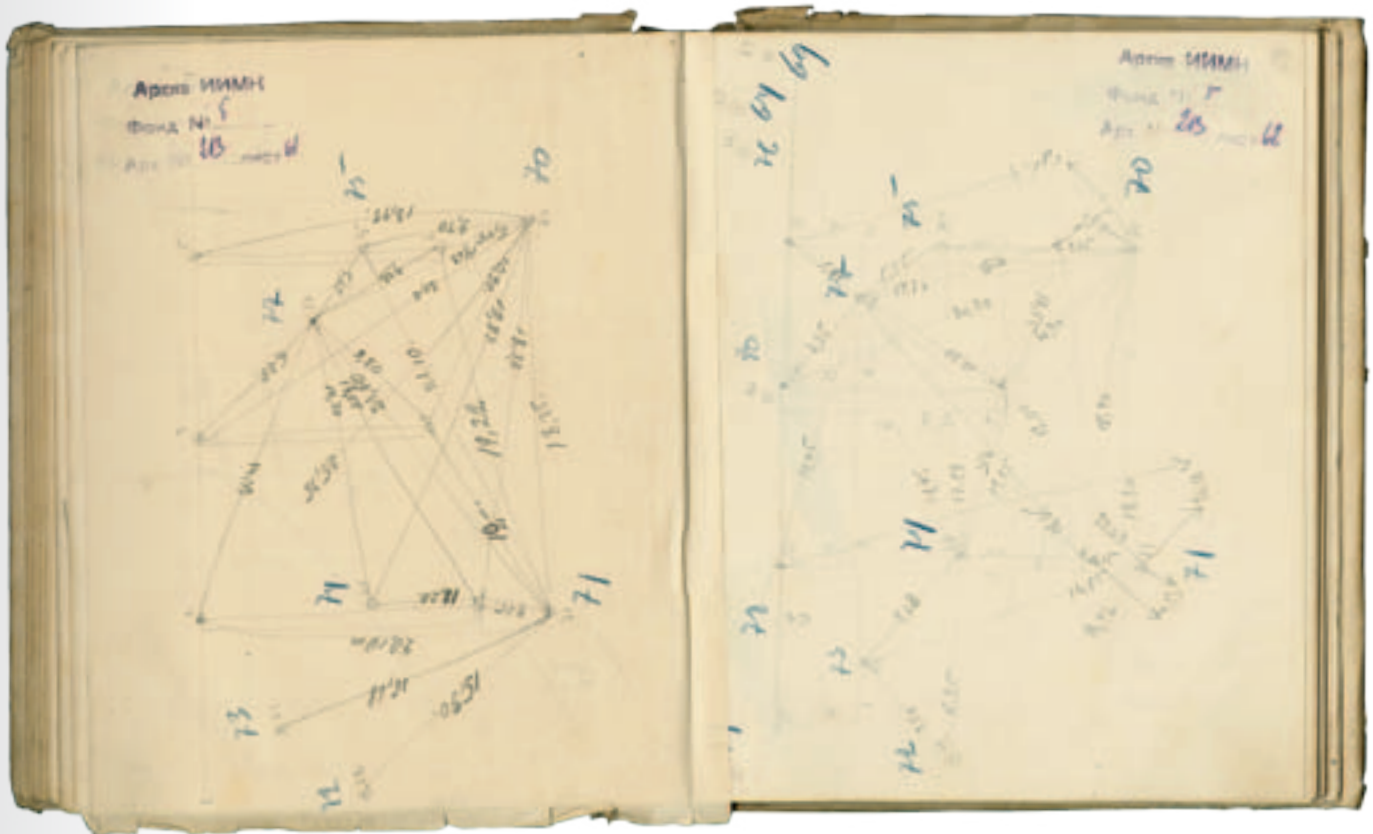

Рис. 17.
ФРАГМЕНТ
ПОЛЕВОГО ДНЕВНИКА
Н. Е. Макаренко
и В. В. Саханёва, 1914 г.
РО НА ИИМК РАН.
Ф. 5. Оп. 1. Д. 213. Л. 61
об. — 62

местности и строения кургана. Однако «несколько десятков точных чертежей», о которых писал Н. Е. Макаренко в 1915 г. (Макаренко 1916: 271), и «мензульные» планшеты, по всей видимости, не сохранились.

Сразу после раскопок Мордвиновского кургана М. Я. Кожевников отправился на фронт, где с сентября 1914 г. до осени 1915 г. состоял на службе Корпуса Военных Топографов при генерал-губернаторе Галиции. К этому моменту ему было присвоено звание подполковника. После революции М. Я. Кожевников продолжал работать по своей специальности в России. В первые годы советской власти он подвергся аресту, но был отпущен (Орлов 1995: 86). К 1922 г. М. Я. Кожевников состоял в Первом военно-топографическом отряде. С 1922 г. он занимался составлением карт Северного военно-топографического отдела, откуда в 1924 г. его уволили (Сергеев, Долгов 2001: 152). В 1930-х гг. М. Я. Кожевников работал картографом якутской секции Совета по изучению производительных сил АН СССР (Орлов 1995: 86). В это время он вновь обратился к материалам Чукотской экспедиции 1909–1910 гг. В 1932 г. они были использованы Академией наук при составлении карты Якутской АССР, для которой М. Я. Кожевников подготовил описание (Красникова 2012: 153). Исследователь скончался в Ленинграде во время блокады в январе 1942 г. Место его захоронения неизвестно (Щербakov 2004).

Архивные источники и газетные сообщения о ходе работ

В 1910-х гг. раскопки в имении Мордвинова, как уже говорилось, происходили без получения Открытого листа от Императорской археологической комиссии³, а только по согласованию с владельцем земли. В 1914 г. исследователи запросили официальное разрешение до проведения работ, что говорит о важности предполагаемых исследований и о том, что раскопки велись при участии Императорской археологической комиссии. 11 июня 1914 г. Н. Е. Макаренко составил в Императорскую археологическую комиссию отношение: «Честь имею покорнейше просить Археологическую Комиссию не отказать выдать мне открытый лист на право производства археологических раскопок в пределах Днепровского у. Таврической губернии». И этим же днём датируется резолюция: «выдать» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1914 г. Д. 339. Л. 1). Уже 13 июня 1914 г. действительному члену РАО, надворному советнику Н. Е. Макаренко был выдан требуемый Открытый лист со всеми сопроводительными документами (рис. 18–19).

3 Императорская археологическая комиссия была создана в 1859 г. Она стала первым и единственным государственным учреждением в дореволюционной России, контролирующим археологические исследования на государственных и общественных землях. С 1889 г. археологов обязали получать Открытые листы с последующим представлением отчёта о раскопках и информации о находках в Комиссию. В функции учреждения также входили распределение вещевых коллекций по музеям, сбор сведений о случайных находках и кладях, забота о сохранении памятников. К сожалению, раскопки на частных владениях не подлежали государственной регламентации (Подробнее о деятельности ИАК см. Императорская... 2009).

Газета «Южное слово» в выпуске от 8 июля 1914 г. так описывала предстоящие исследования: «Н. Е. Макаренко в текущем году совместно с профессором М. И. Ростовцевым предполагают раскопать Большой курган в Чернодолинском имении графа А. А. Мордвинова. В течение последних лет в этом имении уже велись раскопки для Херсонского музея бр. Бурлюками, отец которых служил управляющим имения, вскрыто было до 40 могильных насыпей; под ними оказались предметы самых разнообразных эпох, начиная от доисторической и кончая татарской. Предприятие профессора М. И. Ростовцева и Н. Е. Макаренко организуется в широких размерах, и раскопки будут продолжаться 2 лета, в 1914 и 1915 годах. Выбранный ими курган имеет до 4 саженьей высоты и бронирован камнем. Ввиду близости к нему царских скифских могил, вскрытых за последние десятилетия, то можно предположить, что и этот хранит под своею насыпью прах одного из владык Скифии с его богатствами; но с таким же вероятно можно думать, что в кургане погребены и доскифские бедняки — доисторические обитатели края» (Известия... 1915а: 60)

После завершения раскопок ни отчета, ни какой-либо полевой документации в Императорскую археологическую комиссию предоставлено не было. В печатном отчете ИАК только кратко указано, что Открытый лист выдан художнику Н. Е. Макаренко, который «под руководством профессора М. И. Ростовцева раскопал совместно с В. В. Саханёвым курган в имении графа Мордвинова» (ОАК за 1913–1915 гг.: 229). Почему так произошло, мы можем сегодня только гадать. В 1914 г. исследователи раскопали половину кургана и, вероятно, планировали закончить раскопки насыпи целиком в следующем году, после чего и предполагали представить полный отчёт о работе, а также подготовить публикацию. Однако начавшаяся Первая мировая война не позволила им это сделать.

Лишь скудные сведения о ходе работ содержатся в материалах переписки и финансовой документации ИАК. 7 августа 1914 г. Н. Е. Макаренко телеграфировал председателю ИАК графу А. А. Бобринскому из Каховки: «Открыта грабительская мина» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1914 г. Д. 339. Л. 4). 5 сентября датируется ещё одна телеграмма Н. Е. Макаренко графу А. А. Бобринскому: «<Во> вторник предполагаю открыть центральное погребение. Признаков грабежа пока нет. Буду рад Вашему присутствию. <О> приезде телеграфируйте Чернодолинское» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1914 г. Д. 339. Л. 5). Через пару дней профессору М. И. Ростовцеву было выделено 300 рублей на командировку в имение Чёрная Долина для наблюдения за раскопками кургана (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1914 г. Д. 339. Л. 6), а уже 16 сентября он отчитался о потраченных на поездку средствах. Ясно, что его пребывание на раскопках кургана было недолгим.

Уже в конце сентября столичная и местная пресса с восторгом рассказывала о грандиозных результатах проведённых работ. «Археологические раскопки в последнее время проводятся во многих пунктах Тавриды, но наиболее удачными являются теперь <исследования> «Чернодолинского» кургана в Днепропровском уезде. Раскопки эти, начатые ещё до войны, весьма энергично ведутся Н. Е. Макаренко и В. В. Саханёвым. Удалось уже обнаружить в этом кургане весьма оригинальное погребение скифского периода. В богатой гробнице

ОБ ИЗУЧЕНИИ
МОРДВИНОВСКОГО КУРГАНА
в 1914 г.

оказались погребёнными госпожа и её слуга. Найдено много ценных вещей: головной убор, серьги, ожерелье, браслеты и другие драгоценные вещи из золота и серебра. Помимо этого, найдены также шкатулка с вещами, а также много туалетных принадлежностей. Как утверждают местные археологи, все эти вещи имеют весьма важное значение для науки. Без сомнения, многие из этих вещей останутся в местных музеях. Как полагают руководители раскопок, должно сохраниться ещё много вещей скифского периода — V и IV веков до Рожд. Хр.» (Утро, 23 сентября; Петроградские ведомости 24 сентября; Свет, 27 сентября; Дон, 1 октября; Известия... 1915а: 60).

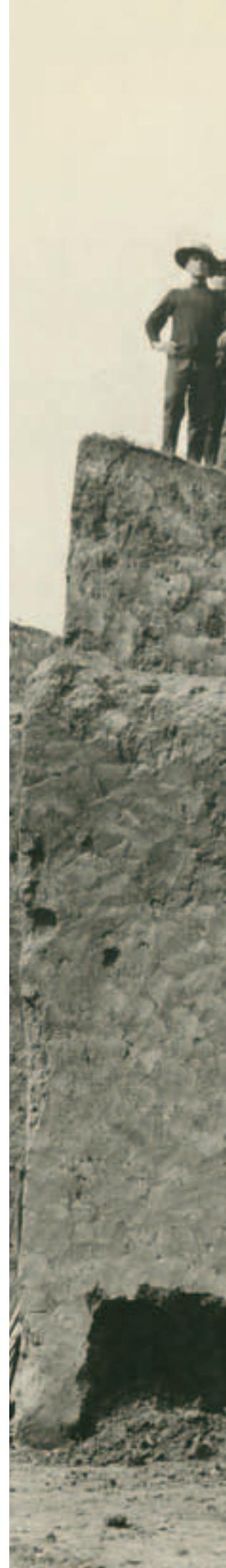
«Голос Руси» и «Колокол» в конце ноября — начале декабря также писали о раскопках Мордвиновского кургана: «Таврические археологи продолжают свою деятельность. Недавно группа местных археологов с членами местной архивной комиссии Н. Е. Макаренком и В. В. Саханёвым во главе произвели интересные раскопки кургана в Днепровском уезде. В результате этих раскопок обнаружено много интересных вещей, относящихся к V и IV векам <до> Р. Х. Вещи эти, по определению археологов, принадлежали скифскому народу и в области изучения его истории могут оказать значительную услугу. Наступившая зима приостановила раскопки. Однако, с наступлением весны предполагается работы по раскопкам возобновить с новой энергией».

Затянувшаяся Первая мировая война помешала планам археологов...

Судьба коллекции и полевой фотофиксации

Коллекция находок из Мордвиновского кургана, как было сказано выше, поступила в Эрмитаж, но перед этим прошла обработку в Императорской археологической комиссии, которая располагалась в здании Старого Эрмитажа. Это был стандартный путь поступления предметов из раскопок, к организации которых была причастна Комиссия, когда сначала находки изучались и фотографировались в ИАК и только после этого передавались на хранение в Эрмитаж. В археологической хронике важнейших событий за 1915 г., печатавшейся Императорской археологической комиссией, сообщалось: «В Императорской археологической комиссии началась разборка вещей, найденных при раскопках кургана в имении гр. А. А. Мордвинова в Таврической губ., недалеко от берегов Днепра. Раскопки производились минувшим летом специальной экспедицией, во главе которой стоял хранитель Эрмитажа Н. Е. Макаренко. Кроме того, в экспедиции принимали участие проф. М. И. Ростовцев, В. В. Саханёв и топограф генерального штаба Кожевников. В кургане было найдено боковое погребение молодой девушки 15–16 лет. Всё погребение было покрыто разными золотыми вещами. Среди вещей находятся, между прочим, такие, которые до сих пор не были известны. Судя по найденным монетам, погребение относится к V–VI векам до Р. Хр. По окончании разборки вещи поступят в Эрмитаж. Готовится к печати специальное издание с подробным описанием найденных вещей» (Известия... 1915б: 78).

3 февраля 1916 г. Н. Е. Макаренко сделал доклад «Первый Мордвиновский курган» о результатах работ на заседании Отделения древнеклассической,

византийской и западно-европейской археологии Русского Археологического Общества, проходившем под председательством академика Ф. И. Успенского. В обсуждении доклада приняли участие Л. А. Моисеев, К. К. Романов и М. И. Ростовцев (Записки... 1917: 315–316).

«Новое время», «Петроградские ведомости», «Правительственный вестник», «Речь» осветили состоявшееся заседание в своих февральских выпусках: «Н. Е. Макаренко сообщил о результатах раскопок крупного скифского кургана в имении графа А. А. Мордвинова в Днепропровском уезде Таврической губернии. Инициатором и душой дела был проф. М. И. Ростовцев, изыскавший и средства для осуществления намеченных археологических изысканий. Успеху дела способствовало также весьма просвещенное отношение владельца имения. Раскопки сопровождались обширнейшей коллекцией фотографических снимков (около 200), точных планов и разрезов исследуемого кургана. Среди находок при раскопках встречены бляшки, серьги, бубенчики, бусы, ожерелья и керамические изделия. Курган оказался разграбленным уже в давнее время. При обсуждении данного доклада проф. М. И. Ростовцев указывал на необходимость при раскопках курганов подходить к этим погребальным сооружениям, как к сооружениям архитектурным, изучая строение их в деталях и составляя дальнейшие, насколько возможно, топографические планы устройства курганов. Вместе с тем, по мнению, М. И. Ростовцева, на курганы надо смотреть и как на свидетелей исчезнувших давно погребальных обрядов» (Известия... 1916: 3).

22 апреля того же года Н. Е. Макаренко прочёл доклад на заседании Московского археологического общества. Доклад назывался «Раскопка кургана в Таврической губернии (Новые приёмы в исследовании курганов и насыпей)». По сообщению «Московских ведомостей», докладчик «изложил ход работ по раскопке огромного кургана в имении графа А. А. Мордвинова. Центральная камера оказалась разграбленной, зато боковые части кургана обнаружили погребения, давшие богатые вещи. В виду того, что раскопка кургана ещё не закончена, от определения даты кургана докладчик уклонился. Новый приём в исследовании кургана состоял в ведении параллельных траншей, что обеспечивает обнаружение боковых погребений» (Известия... 1916: 18).

В 1916 г. выходит и небольшая публикация Н. Е. Макаренко с предварительными результатами работ на Мордвиновском кургане в 1914 г. (Макаренко 1916; см. также главу I. 1), которая на долгие годы останется единственным источником информации о раскопках ценного археологического комплекса. В. В. Саханёв разразился в ответ на статью гневной рецензией. Она не была опубликована, но сохранилась в документах Императорской археологической комиссии (см. главу I. 3).

Фотографии, дневники и чертежи экспедиции считались полностью утраченными, однако это оказалось не совсем так. Материалы фотофиксации целиком сохранились в Научном архиве ИИМК РАН. В 1925 г. в архив Российской академии истории материальной культуры — преемницы ИАК — поступили фотоматериалы Петербургского (Петроградского) археологического института. Как известно, Археологический институт не был закрыт после революции,

ОБ ИЗУЧЕНИИ
МОРДВИНОВСКОГО КУРГАНА
в 1914 г.

в 1922 г. его присоединили к Петроградскому университету. Археологическое отделение университета первые годы работало на базе института и размещалось до 1925 г. в здании Археологического института на наб. реки Фонтанки, д. 22. Затем началось его реформирование, произошёл переезд в Главное здание университета, в то же время документация Археологического института стала поступать в различные архивные хранилища. В 1925 г. в фотоархив Академии истории материальной культуры было передано почти три тысячи негативов фотосъёмки с рукописей, текстов, гравюр, портретов, разных предметов древности, снимки из раскопок Успенского собора во Владимире 1880-х гг., альбом с видами Кракова и фотографии других городов Польши из коллекции бывшего Археологического института. Вместе с ними в архив попали и материалы фотосъёмки из раскопок в имении Мордвинова 1914 г. — 95 крупноформатных стеклянных негативов (ФО НА ИИМК РАН. Ф. 3. Инв. № 76999–77093). Интересно, что отпечатки к ним и дополнительная серия фотографий без негативов поступили в архив только несколько лет спустя. Эти фотоснимки были переданы археологом П. Н. Третьяковым в фотоархив ГАИМК в октябре 1931 г. из Археологического кабинета А. А. Спицына в Санкт-Петербургском университете после смерти учёного. В настоящее время 127 отпечатков (ФО НА ИИМК РАН. альбомы Q 434–438, Q 600) хранятся в личном фотофонде А. А. Спицына. Описи фотоматериалов были составлены сотрудницей фотоархива К. М. Назаровой в 1936 г. (фотофонд А. А. Спицына, отпечатки) и в 1939 г. (фотофонд ПАИ, негативы). Снимки удалось атрибутировать по фотоописи из дневника Н. Е. Макаренко и В. В. Саханёва, также поступившего в архив Академии вместе с документами А. А. Спицына и хранящегося теперь в его личном рукописном фонде (РО НА ИИМК РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 213; рис. 20). В дневнике, помимо сведений о фотографиях, содержатся и различные черновые записи о раскопках и обмерах Первого Мордвиновского и других курганов, сделанные карандашом. Возможно, именно этот дневник упоминает Н. Е. Макаренко в статье в «Гермесе» (Макаренко 1916: 271). Фотосъёмку во время работ производил В. В. Саханёв, и у него это получилось просто прекрасно. По-видимому, фотоальбомы хранились в Археологическом кабинете до их передачи в Академию, так как на момент раскопок В. В. Саханёв состоял в должности хранителя кабинета (Тихонов 2013: 580). Совершенно очевиден высокий профессионализм исполнения фотографической съёмки. Снимки отражают различные этапы работ, а также дают представление о сделанных находках. Ценную часть коллекции представляют редкие снимки самих исследователей (Н. Е. Макаренко, В. В. Саханёва, С. П. Петренко, М. Я. Кожевникова), как в процессе работы, так и во время отдыха (рис. 21–24). На некоторых снимках археологические находки подчёркнуты цветом (рис. 25). Цветная фотография уже была изобретена к тому времени, но не была столь широко распространена и доступна, чтобы археологи могли активно использовать её в своих работах. Поэтому исследователи и фотографы иногда раскрашивали отпечатки акварелью, чтобы усилить эффект реалистичности для зрителя. Еще в 1870-х гг. в Керченском музее таким образом достигали цветных изображений обнаруженных древностей. Подобные раскрашенные акварелью изображения часто

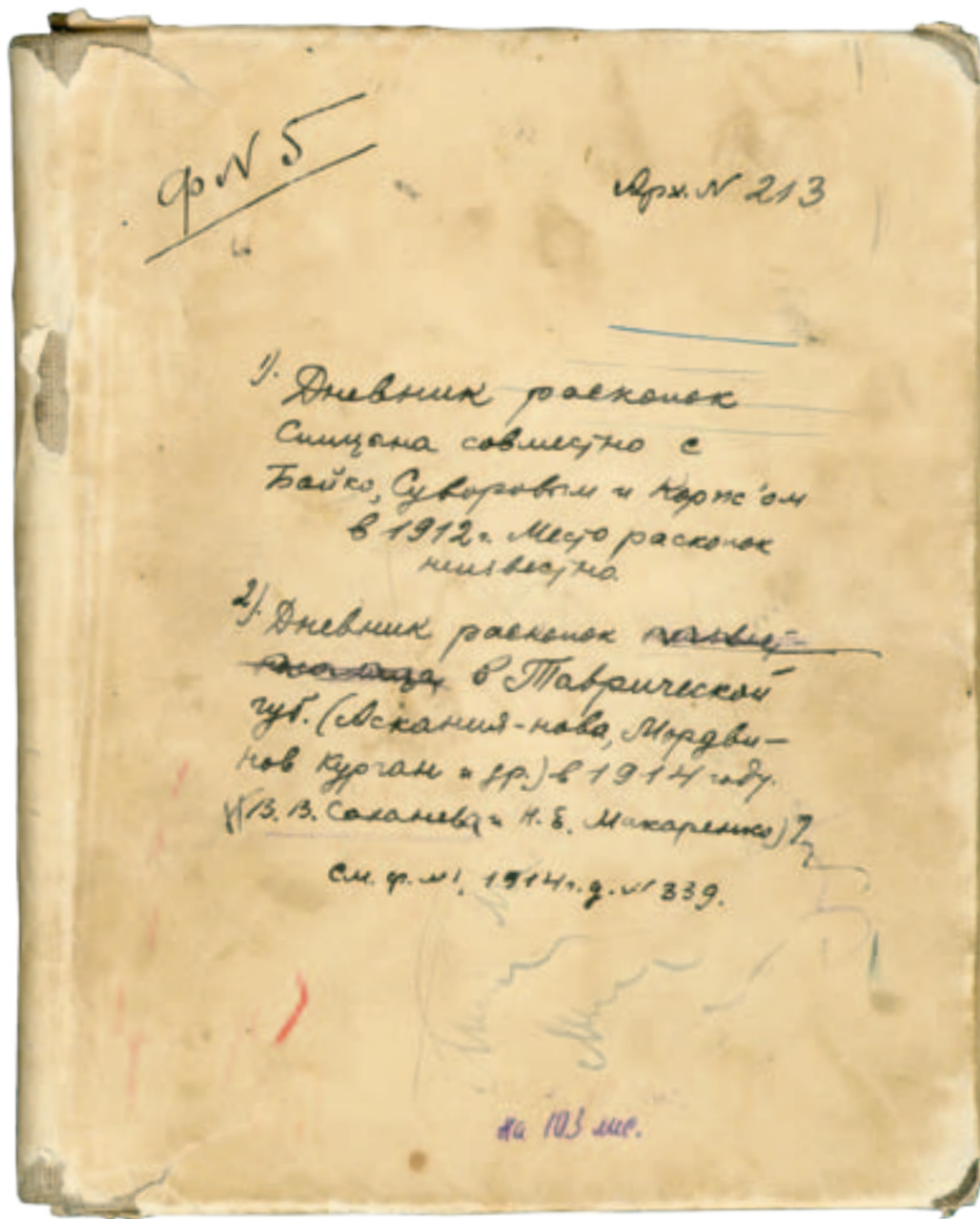

Рис. 20.
ОБЛОЖКА
ПОЛЕВОГО ДНЕВНИКА
Н. Е. Макаренко
и В. В. Саханёва, 1914 г.
ФО НА ИИМК РАН.
Ф. 5. Оп. 1. Д. 213

Рис. 21.
НАЧАЛО РАСКОПОК
МОРДВИНОВСКОГО
КУРГАНА В 1914 г.
На переднем плане
стоит С. П. Петренко,
справа сидит
Н. Е. Макаренко.
Фото В. В. Саханёва.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 600/29

Рис. 22.
НАЧАЛО РАБОТ.
Стоит с прибором
М. Я. Кожевников
(слева), сидит
Н. Е. Макаренко,
стоит С. П. Петренко
(в центре).
Фото В. В. Саханёва.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 434/4

Рис. 23
Н. Е. Макаренко
и В. В. Саханёв
на раскопках
Мордвиновского
кургана в 1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 600/27

ОБ ИЗУЧЕНИИ
МОРДВИНОВСКОГО КУРГАНА
в 1914 г.

Рис. 24.
М. Я. Кожевников,
Н. Е. Макаренко и дети
Верховские на раскопках
Мордвиновского
кургана в 1914 г.
Фото В. В. Саханёва.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 600/50

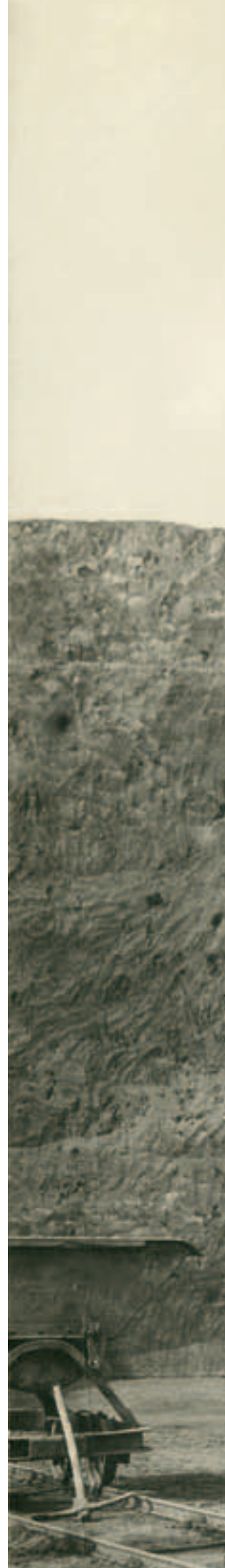
Рис. 25.
РАСКОПКИ
МОРДВИНОВСКОГО
КУРГАНА В 1914 г.
Погребение боковой
гробницы.
Фото В. В. Саханёва.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 600/15

ОБ ИЗУЧЕНИИ
МОРДВИНОВСКОГО КУРГАНА
в 1914 г.

попадают в Отчетных альбомах ИАК и подчас почти не отличаются с первого взгляда от рисунков. С 1890-х гг. встречаются уже целиком раскрашенные снимки раскопов и окружающих их ландшафтов. В фотоальбоме снимков из раскопок Первого Мордвиновского кургана 1914 г. раскрашены отдельные фотографии, чтобы более точно передать контекст находок, а также выделить и подчеркнуть цвет и структуру материала, из которого состояли конструкции погребения и были исполнены ценные находки. Все эти детали терялись при печати на чёрно-белой фотографии. Если учесть, что Н. Е. Макаренко прекрасно рисовал, то можно предположить, что эта работа была проделана им самим в процессе подготовки снимков к итоговой публикации.

Как и планировалось, фотографии, сделанные в процессе раскопок в имении Мордвинова, подробнейшим образом зафиксировали каждый этап полевых работ, стратиграфию и планиграфию раскопок. Вне всякого сомнения, фотоальбомы предназначались для иллюстративного сопровождения будущего полевого отчёта. Это подтверждается и в статье самого Н. Е. Макаренко (Макаренко 1916: 272). Там же он указывает количество сделанных снимков, благодаря чему мы можем совершенно точно сказать, что в Фотоотделе архива ИИМК РАН хранится практически вся серия фотографий, сделанных во время раскопок 1914 г.

Наличие столь мощного фотографического комплекса позволяет с уверенностью утверждать, что в процессе работ производилась не только фотофиксация, но и изготавливались планы, чертежи, рисунки, писались дневники. Возможно, часть каких-то полевых материалов Н. Е. Макаренко хранил у себя и забрал с собой в Киев, собираясь впоследствии сделать более подробную публикацию. Но даже в условиях отсутствия рукописной отчётной документации, сам по себе фотографический комплекс имеет уникальное источниковедческое значение для исследования Мордвиновского кургана.

ОБ АМФОРАХ ИЗ ПЕРВОГО МОРДВИНОВСКОГО КУРГАНА И ХРОНОЛОГИИ ЭТОГО ПАМЯТНИКА

К нам обратился наш старинный друг и коллега Ю. А. Виноградов с просьбой идентифицировать по фотографии амфору из погребения слуги в Первом Мордвиновском кургане, который раскапывался Н. Е. Макаренко в 1914 г. Сам сосуд не сохранился, но его фотография хранится в архиве ИИМК РАН (рис. 1). Особый интерес всей этой истории придаёт тот факт, что непосредственным вдохновителем и инициатором этих раскопок был М. И. Ростовцев (Зуев 1997: 69), 150-летие которого отмечается в 2020 г.

Как известно из единственной существующей публикации результатов раскопок Первого Мордвиновского кургана в 1914 г., в его Центральной гробнице амфоры были найдены в двух катакомбах с захоронениями слуг, непо потревоженных грабителями. По конструкции Центральная гробница Первого Мордвиновского кургана аналогична Центральной гробнице Чертомлыка и представляла собой большую глубокую прямоугольную входную яму с четырьмя катакомбами по углам. В одной из этих катакомб найдена одна амфора «обычного типа» и «такие же амфоры» (количество не указано) найдены в другой (Макаренко 1916: 271). Можно предполагать, что все сосуды, найденные в 1914 г. в захоронениях слуг, были однотипными, что характерно для наборов тары в захоронениях высшей скифской знати. По-видимому, на представленной фотографии изображена амфора из той камеры, где был найден один сосуд. Согласно

Рис. 1.
АМФОРА
В юго-западной катакомбе
главной гробницы.
Фото В. В. Саханёва, 1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 600/22

Рис. 2.
АМФОРНЫЕ НАХОДКИ
из раскопок
Первого
Мордвиновского
кургана в 1970 г.

ОБ АМФОРАХ
ИЗ ПЕРВОГО МОРДВИНОВСКОГО КУРГАНА
И ХРОНОЛОГИИ ЭТОГО ПАМЯТНИКА

подписи к фотографии, это юго-западная катакомба. Также известно, что одна из ограбленных «царских» катакомб Н. Е. Макаренко по каким-то причинам осталась нераскопанной (Ростовцев 1925: 423).

Итак, амфора, найденная в 1914 г. в юго-западной катакомбе, на фотографии представлена в неудачном ракурсе, лежащей на боку горлом к фотографу. Сосуд, очевидно, крупный, горло высокое, практически цилиндрическое, ручки поставлены строго вертикально, тулово почти коническое. Можно было бы предположить, что перед нами образец хорошо известных хиосских колпачковых амфор IV в. до н. э. Однако, ножка, хотя и плохо видимая на фотографии, тем не менее, очевидно, иной профилировки, чем у хиосских амфор (Монахов 2003: 20 сл., табл. 11, 12). Она имеет явное расширение с острым ребром, никакого колпачка не просматривается. В данном случае нет сомнений, что это амфора так называемого типа Солоха II, как их называли раньше, и которые относительно недавно были надёжно идентифицированы как тара известнейшего в античности островного винодельческого центра — Пепарета.

В 1970 г. Каховская экспедиция Института археологии АН УССР под руководством А. М. Лескова провела доисследование Мордвиновского кургана. Хотя это доисследование и не было особо результативным, тем не менее, была выявлена структура насыпи кургана, повторно открыта впускная боковая гробница и таким образом была установлена её конструкция, описание которой отсутствует в публикации Н. Е. Макаренко (Макаренко 1916: 271). Также в 1970 г. была полностью исследована Центральная гробница чертомлыцкого типа с четырьмя камерами по углам обширной входной ямы. Ещё раз повторим, что одна из камер по каким-то причинам в 1914 г. осталась неисследованной (Ростовцев 1925: 423). Как установил А. М. Лесков, эта катакомба тогда осталась лишь частично вскрытой (Лесков и др. 1970: 1–4). Также в 1970 г. был исследован грабительский ход, шедший из северо-западной полы кургана в Центральную гробницу, подтверждено наличие крепиды и кольцевого рва кургана. Результаты раскопок Первого Мордвиновского кургана 1970 г. опубликованы лишь в самом общем виде (Лесков 1974: 45–54; Лесков 1981: 154–158; 2019: 228–233). В настоящее время С. В. Полин в рамках совместного украинско-немецкого проекта «Курганы Украины» готовит полную публикацию материалов раскопок более 200 скифских курганов из раскопок Каховской — Херсонской экспедиции А. М. Лескова в 1968–1972 гг. и, в том числе, Первого Мордвиновского кургана.

В процессе подготовки этой публикации были полностью обработаны коллекции находок А. М. Лескова. Среди них имеются фрагменты двух амфор из недоисследованной в 1914 г. северо-восточной камеры Центральной гробницы (рис. 2, 1–6), а также фрагменты амфоры из камней крепиды кургана (рис. 2, 7–9), что представляется важным для характеристики сосудов из Первого Мордвиновского кургана и определения его датировки.

1. Амфора из северо-восточной камеры Центральной гробницы имела достаточно нежное тесто и полностью расслоилась от избытка грунтовой влаги. От неё сохранились только полный «развитой» грибовидный венеч с прилегающей незначительной частью горловины и ножка. Под венцом сохранились

остатки прилепов ручек. Поверхность амфоры светло-терракотовая, тесто хорошо отмученное, мелкодисперсное, обильно насыщенное мельчайшими золотистыми частицами. Внешний диаметр венца 16,8 см, высота 2,3 см, диаметр горловины под венцом 11,5 см (рис. 2, 1, 3). Ножка короткая, кубаревидная, с закругленной пяткой с маленькой неглубокой выемкой в центре снизу (рис. 2, 2, 4).

Амфора относится к типу «Солоха-I» с «развитым» грибовидным венцом. Как выяснилось за последние десятилетия, сосуды данного типа производились на Самосе, Родосе, Наксосе, Паросе, в Великой Греции и Сицилии, на Косе, Книде и Пепарете (Монахов 1999: 242–243). Пик их производства и распространения приходится на вторую — третью четверти IV в. до н.э. (Мозолевский, Полин 2005: 324–327; Полин 2014: 558–559). Наша амфора относится к «геленджикскому» варианту I-B продукции Книда по С. Ю. Монахову. Амфоры этого варианта в комплексных находках неизвестны. По косвенным данным С. Ю. Монахов датировал их серединой — третьей четвертью IV в. до н.э. (Монахов 2003: 102–103, табл. 71–6), что отчасти подтверждается нашими материалами.

2. Фрагмент амфоры Пепарета из северо-восточной камеры Центральной гробницы представляет собой крупный обломок горловины с венчиком и частью ручки с местом прилепа. Ручка овальная в сечении. Поверхность внутри светло-красная, снаружи скрыта белесым ангобом. Тесто плотное, с примесью мелкого белого песка. Диаметр венчика 12 см, размер сечения ручки 4,8 × 2,8 см (рис. 2, 5–6). Амфора относится к «солохинскому» или, скорее, к «чертомлыкскому» варианту сосудов Пепарета, выпускавшихся в пределах конца первой — третьей четвертей IV в. до н.э. (Монахов 2003: 97–99, табл. 67–69; Монахов и др. 2019: 150–154).

3. Амфора из крепиды Первого Мордвиновского кургана представлена двумя фрагментами венчика с развитым грибовидным венцом. Внутренняя поверхность светло-терракотовая, внешняя покрыта белым ангобом. Тесто более грубое, чем у амфоры из Центральной гробницы, с примесью большого количества мелкого песка и с обилием мельчайших золотистых блесток. Внешний диаметр венчика 18,2 см, высота венчика 2 см, диаметр горловины под венцом 12,4 см (рис. 2, 7–9). По-видимому, и эта амфора является продукцией Книда «геленджикского» варианта, в котором подобная «уступчатая» профилировка нижней поверхности грибовидного венца встречается довольно часто, и в различных вариантах (Монахов 2003: табл. 71, 1–2, 5, 7).

Кратко повторим информацию об этих амфорах. История локализации амфор Пепарета достаточно непростая. Античный Пепарет, ныне о. Скопелос, находится к северу от о. Эвбея, неподалеку от побережья Фессалии. С древности и до недавнего времени остров жил в основном за счет виноделия. Монетная чеканка Пепарета эпохи классики отражала эту специализацию, там фигурировали эмблемы, прямо связанные с виноделием: «Дионис», «тирс», «гроздь», «лист плюща», сосуды для вина и т. п. (Anson 1910: pl. I, 43, 44; IX, 538). Слава пепаретского вина нашла отражение и в нарративных источниках — об этом писали Софокл, Аристофан, Демосфен, Плиний Старший. Очевидно,

ОБ АМФОРАХ
ИЗ ПЕРВОГО МОРДВИНОВСКОГО КУРГАНА
И ХРОНОЛОГИИ ЭТОГО ПАМЯТНИКА

что Пепарет был одним из наиболее крупных (наряду с Фасосом, Хиосом, Лесбосом) импортёров вина, которое в керамической таре вывозилось во все районы Причерноморья. При этом Пепарет, точно также, как Хиос и Лесбос, не вводил у себя практику систематического клеймения тары.

Локализация, или идентификация пепаретских амфор произошла после того, как во второй половине 1980-х годов И. Гарлан совместно с М. Пиконом и А. Дульгери-Интцесилоглу открыли, а затем и частично раскопали остатки трёх свалок амфорных мастерских с массой битой продукции и керамическим браком на о. Скопелос (Doulgeri-Intzesiloglou, Garlan 1990: 368 ff.; Garlan 2000: 48 ff., fig. 24; Амперер, Гарлан 1992: 20). Это открытие дало основание для локализации керамической тары Пепарета. Сравнив найденные на свалках фрагменты амфорных венцов и ножек с соответствующими профильными частями целых неатрибутированных сосудов, авторы высказали предположение, что продукцией Пепарета являются хорошо известные в археологии конические амфоры IV в. до н. э. так называемой группы Солоха II. Морфологический анализ фрагментов пепаретских амфор из мастерских и целых сосудов из причерноморских раскопок, показавший единство всей группы, был подкреплён результатами физико-химического анализа образцов глин, который в целом подтверждает гипотезу об отнесении амфор типа Солоха II к продукции Пепарета (Picon 1990: 390 ff.).

Все находки на о. Скопелос, как, впрочем, и аналогичные сосуды, обнаруженные за его пределами, датируются IV в. до н. э., тара предшествующего и последующих столетий остаётся нам неизвестной. При этом абсолютное большинство зафиксированных пепаретских амфор найдено в Северном Причерноморье, а с учётом того, что многие из них обнаружены в хорошо датированных комплексах, появились объективные основания детализировать многие характеристики, в частности, удалось выделить два последовательных варианта: «солохинский» и «чертомлыкский» (Монахов 2003: 96 сл., табл. 67–70). Остаётся выяснить, к какому из вариантов относятся амфоры из Мордвиновского кургана из раскопок Н. Е. Макаренко 1914 г. и А. М. Лескова из раскопок 1970 г. Для этого необходимо выяснить контекст находок таких амфор.

В рамках «солохинского» варианта выделяется, по меньшей мере, три фракции с фактической ёмкостью более 20, 16,7–19,0 и 15,0–16,3 литра. Такие амфоры в различных комплексах надёжно синхронизируются по другим группам керамической тары, особенно клеймёной (гераклейской, фасосской, синопской), а также по чернолаковой и краснофигурной керамике. Таких комплексов на сегодняшний день накопилось достаточно много. Рассмотрим основные из них без детализации.

Прежде всего, это *Елизаветовский курган 76* (Монахов 1999: 185, табл. 70), *курган Солоха* (Монахов 1999: 239, табл. 98) и *кораблекрушение у Портителло* (Gill 1987: 17 ff.; Eiseman 1987: 50, fig. 4; Lavall 1998: 22 ff.; Монахов 1999: 243, табл. 99). В первом из них вместе с пепаретской найдена гераклейская амфора с клеймом раннего фабриканта Архестрата, что даёт основание относить комплекс к 390-м годам. Впускное погребение кургана Солоха, где присутствовало 8 или 9 таких амфор, по всему комплексу сопутствующего материала,

в том числе и чёрному лаку, относят к 380-м годам. Этим же временем датируется материал из Портичелло.

Большой набор пепаретских амфор (8 экз.) происходит из тризны *Змеиного кургана* на Юз-Обе. Здесь весь материал датируется по набору фасосских клейм магистратов Аристомена, Лавра и Леогена в пределах первой половины 380-х годов (Монахов и др. 2016: 39, рис. 3, 4).

Весьма важной была находка в надёжном хронологическом контексте первых пятнадцати лет IV в. до н.э. пепаретской амфоры с двумя круглыми энглифическими клеймами с буквами «Ф» — в нижней части горла и «Е» — на ножке в *яме №2/1983 года на херсонесском городище* (Монахов 1999: 239, табл. 97; Монахов и др. 2017: 31, рис. 9). Симптоматично, что клеймо «Ф» того же штампа встречено в комплексе *кургана у с. Богдановка* в контексте с гераклейскими клеймами конца 390-х годов (Монахов 1999: 211, табл. 86; Полин 2014: 246–252, рис. 179).

Ещё одним хорошим комплексом является *склад 1966 года на площади 109 в Пантикапее*, где пепаретская амфора встречена совместно с хиосскими, а также клеймёнными фасосскими и гераклейскими самого начала IV в. до н.э. (Монахов и др. 2020).

Недавно в том же Пантикапее открыт огромный комплекс из сотен амфор разных центров (Фасос, Гераклея, Менда, Хиос, Пепарет), который по гераклейским и фасосским клеймам датируется тем же самым временем, что и предыдущий (Толстиков, Ломтадзе 2016: 475, рис. 9, 1, 11, 1).

В пределах первых двух десятилетий IV века надёжно датируется пепаретская амфора «солохинского» варианта, обнаруженная в хорошем контексте в котловане 1987 года под центральным зданием *басилеи Спартокидов в Пантикапее* (Толстиков, Ломтадзе 2001: 429, табл. II, 1).

380–370 гг. до н.э. уверенно датируются две пепаретские амфоры из *кургана №4 никонийского некрополя* (Монахов 1999: 313 сл., табл. 134). Примерно к тому же времени относятся такие амфоры из комплекса *склада 1990 года на «усадебке Литвиненко»*, где они синхронизируются с клеймёнными гераклейскими (Монахов 1999: 336 сл., табл. 145).

Хорошую хронологическую привязку даёт *комплекс ямы №271 из Никония*, где вместе с тремя пепаретскими амфорами встречена фасосская с клеймом магистрата Мииска, деятельность которого уверенно датируют в пределах первой половины 360-х годов (Монахов 1999: 299, табл. 125; Tzocher 2016: tabl. 2).

Таким образом, пепаретские амфоры «солохинского» варианта совершенно надёжно датируются в пределах первой трети IV столетия, не позднее.

«Чертомлыкский» вариант амфор Пепарета получил название по находке в тризне скифского царского кургана Чертомлык, где найдено 7 целых и фрагменты не менее 47 амфор Пепарета (Полин 1991: 366, табл. 2; 2014: 441, рис. 385, 1, 5–8; Монахов 2003: 99, табл. 69). Находки «чертомлыкского» варианта пепаретских амфор значительно менее многочисленны, чем амфор предшествующего варианта. В числе таковых можно назвать амфоры из *Гаймановой Могилы*, где найдены 4 целых и фрагменты 10 амфор Пепарета,

ОБ АМФОРАХ
ИЗ ПЕРВОГО МОРДВИНОВСКОГО КУРГАНА
И ХРОНОЛОГИИ ЭТОГО ПАМЯТНИКА

и кургана № 4 у с. Садово. По данным С. Ю. Монахова, такие амфоры также имеются в фондах Симферопольского музея и Ольвийского заповедника (Монахов 2003: 99, табл. 69, 4–5; 70, 1–2; Бидзиля, Полин 2012: 174–178, кат. 1, 12, 1, 14–16, 1, 21–23, 1, 27–28, 1, 30, 324–326, рис. 458–461). Самый крупный на сегодняшний день комплекс пепаретских амфор «чертомлыкского» варианта представлен грузом корабля «Змеиный-Патрокл», затонувшего у острова Змеиный (Левка). В составе груза этого корабля насчитывается 824 амфоры Икоса (по А. И. Терещенко, Пепарет — I), 77 амфор Пепарета (по А. И. Терещенко Пепарет — II) и одна амфора с развитым грибовидным венцом (по А. И. Терещенко Пепарет — III). По многочисленной и разнообразной чернолаковой керамике из состава груза судна, имеющей аналогии на Афинской Агоре среди керамики 380–325 гг. до н. э., исследователь датировал груз в пределах 350–325 гг. до н. э. (Терещенко 2013а; 2013б: 74–82, рис. 4, 1, 3, 4; 6; 7). Однако, в составе чернолаковой керамики преобладали килики «the light-walled cup-skyphos» трёх размеров, составлявших целую партию (Терещенко 2013б: 79–80, рис. 7, 8–10). По материалам Афинской Агоры такие килики датируются в пределах 420–350 гг. до н. э. Однако, уже во второй четверти IV в. до н. э. такие сосуды представляли большую редкость. Считается, что во второй четверти IV в. до н. э. килики данного типа полностью вытеснены канфарами (Sparkes, Talcott 1970: 110–111, №№ 580–611). Это наблюдение подтверждают и канфары с тонкими и утолщенными венчиками в составе груза корабля «Змеиный-Патрокл» (Терещенко 2013б: 79, рис. 7, 1, 4), которые по своим приземистым пропорциям относятся к ранним разновидностям и датируются тем же временем (Полин 2014: 354–255, 315–316 — здесь литература вопроса). Таким образом, датировка груза корабля «Змеиный-Патрокл» ограничивается второй четвертью IV в. до н. э. и не выходит за пределы 350 г. до н. э.

Первоначально «чертомлыкский» тип амфор Пепарета датировался в пределах 350–320 гг. до н. э. (Монахов 2003: 99). Однако, уточнение датировки Гаймановой Могилы в пределах 390/380–350 (Бидзиля, Полин 2012: 508–511; Полин 2014: 289–292) указывает на появление «чертомлыкского» типа амфор Пепарета ещё во второй четверти IV в. до н. э. Датировка самого Чертомлыка представляется наиболее оптимальной в пределах 350–340 гг. до н. э. (Полин 2014: 449). В огромной тризне Александропольского кургана, датирующейся в пределах 340–330 гг. до н. э., среди 479 амфор 15-ти различных типов, тара Пепарета отсутствует полностью, что, возможно, свидетельствует о прекращении её изготовления или поступления в Северное Причерноморье ещё до конца третьей четверти IV в. до н. э. (Полин, Алексеев 2018: 320–322). Таким образом, в целом датировка «чертомлыкского» типа амфор Пепарета может определяться в пределах 360–330 гг. до н. э.

Находки амфор Пепарета в скифских курганах Северного Причерноморья встречаются сравнительно нечасто и, как правило, происходят из курганов скифской знати самых разных уровней, вплоть до царского. В курганы рядовых скифов такие амфоры попадали крайне редко. Основная масса находок амфор Пепарета сосредоточена в Нижнем Поднепровье. Единичными находками эти

амфоры представлены в курганах Нижнего Подонья, Крыма и Северо-Западного Причерноморья¹.

Что касается амфор с развитым грибовидным венцом из Первого Мордвиновского кургана, то, как отмечено выше, они принадлежат к «геленджикскому» варианту I-B амфор Книда по С. Ю. Монахову. Такие амфоры в комплексных находках неизвестны и по косвенным данным были датированы серединой — третьей четвертью IV в. до н. э. (Монахов 2003: 102–103, табл. 71, б). По сопровождающим амфорам Пепарета эта датировка может быть распространена и на вторую четверть IV в. до н. э. Амфоры с развитым грибовидным венцом различных центров производства являются ещё более редкой, нежели амфоры Пепарета, находкой в скифских курганах Северного Причерноморья². Такие сосуды встречаются преимущественно в курганах скифской знати всех уровней вплоть до царского и при этом, как ни странно, в нескольких рядовых курганах конца первой — третьей четверти IV в. до н. э. В курганах они представлены единичными экземплярами, за исключением Солохи.

Для уточнения датировки амфор и, соответственно, Центральной и впускной гробниц Первого Мордвиновского кургана чрезвычайно важны весьма разнообразные по составу наборы нашивных золотых бляшек, найденных в обеих гробницах в 1914 г. Как показал А. Ю. Алексеев, наборы этих бляшек полезны

- 1 Солоха, курганы №3 у с. Богдановка, №4 в уроч. Носаки, №7 группы Первомаевка-III, №5 группы Первомаевка-V, №№9 и 10 у с. Малая Лепетиха, Толстая Могила, №18 у с. Львово, Гайманова Могила, №№13, 15 и 22 Золотобалковского могильника, погребение №2 у с. Наглиманское, курганы №№14/1909 г., 19/1911 г., 38/1975 г., 76/1977 г., 92/1977 г., 129/1983 г. у ст. Елизаветовской, №1 у с. Ольгино, №№1 и 5 у г. Каменка-Днепровская, №1N (№10) у с. Аджигол (Солончаки), №92 у с. Выводово, №29 группы Чертомлык-III, №9 у с. Кут, №№3 и 21 у с. Новая Маячка, Вишневая Могила, №№13 и 14 у с. Гюновка, №№7 и 16 у пгт Верхний Рогачик, №13 у с. Новое Запорожье, Сахнова Могила (№29), №4 у с. Ильинка, №1 группы Испановых могил, №2 группы Чередниковой Могилы, №32 у г. Оргжоникугзе, №4 группы Садово-II, №56 группы Широкое-II, №7 у с. Мирное, №№1, 7 и 14 группы Вильна Украина-I, 2-й Мордвиновский курган, №3 у с. Чернянка, №№45, 62 и 84 группы Мамай-гора, №18 у с. Крыловка, №4 у с. Богачевка, №4 у с. Червоное, №2 у с. Чкалово, Плоская Могила, Чертомлык, №3 у с. Дудчаны, Желтокаменка, Водяна Могила, Соболева Могила, Краснокутский курган, №12 у с. Владимировка, №4 группы Садово-II, №70 группы Широкое-II, могильник Благовещенка, Страшная Могила, №2 группы Чкалово-II, Чертомлыцкая Близица, №10 у с. Лупарево, №1 группы Каменка-III, Беш-Оба-IV (Полин 2014: 244, 247, 257, 261, 262, 272, 275–276, 288, 291–293, 296, 299, 301, 303, 307, 308–309, 315–316, 333, 336, 341, 345–346, 350, 350–351, 354, 356, 361, 370–371, 374, 377, 379, 384, 387, 392, 394–395, 398, 411, 413–414, 418–421, 435, 441, 450, 453, 464–465, 478, 480, 487, 510, 524, 533, 536, 538–539, 543–544, 572, 574, 587–588).
- 2 Солоха, К. 9 у с. Малая Лепетиха, К. 22 Золотобалковского могильника, 5-й Пятибратний курган, К. 92 у с. Выводово, К. 4 могильника Дивизия, К. 14 у с. Гюновка, КК. 7 и 10 у пгт Верхний Рогачик, К. 2 группы Чередниковой Могилы, К. 1 у с. Лезгезино, К. 1 у с. Владимировка, КК. 15 и 138 могильника Мамай-гора, Плоская Могила, Чертомлык, Водяна Могила, К. 8 группы Чередниковой Могилы, Краснокутский, Александропольский и Рыжановский курганы, КК. 1/1937 г., 7 и 11 группы II Никопольского курганного поля, К. 33 группы Широкое-II, могильник Благовещенка, Николаевский курган (Новый Водопой), К. 1 у с. Владимировка, Страшная Могила, К. 5 у с. Юровка, К. 6 у с. Малая Терновка, К. 5 у г. Оргжоникугзе, курган Беш-Оба-IV, К. 7 у с. Кременевка (Полин 2014: 244, 272, 296, 302, 336, 341, 351, 354–355, 374, 386, 399, 412, 414, 435, 441, 464, 466, 487, 498, 503, 530, 533, 535, 536, 538–539, 565, 586–591).

ОБ АМФОРАХ
ИЗ ПЕРВОГО МОРДВИНОВСКОГО КУРГАНА
И ХРОНОЛОГИИ ЭТОГО ПАМЯТНИКА

для установления, прежде всего, относительной хронологии скифских царских курганов. По его данным обе гробницы Первого Мордвиновского кургана по наборам бляшек входят в одну группу с наборами из основной гробницы кургана Верхний Рогачик, основной (мужской) гробницы Мелитопольского кургана, составляющих группу IV скифских царских курганов по А.Ю. Алексееву, которая, в свою очередь, тесно связана с группами II (Чертомлык, Куль-Оба, Толстая Могила, Башмачка VI, Цимбалка, Большая Близница — склеп 1, Носаковский IV, 1), III (Чмырева Могила 2 и 1, Шульговка I) и V (Деев курган, Верхний Рогачик 2, 8-й Пятибратний, Денисова Могила, Большая Близница — склеп 4, Рыжановка) (Алексеев 1984: 69).

Конкретные аналогии бляшкам из Центральной гробницы Первого Мордвиновского кургана мы найдём в Центральном склепе и Северной могиле Огуза, курганах Кара-Тюбе, Курджипис и Верхний Рогачик, Деевом, 8-м Пятибратнем и Бердянском курганах, гробнице № 1 кургана № 4 в урочище Носаки, в погребениях № 1 курганов №№ 13, 15 и 22 могильника Золотая Балка, женской гробнице Мелитопольского кургана, Северной № 1 и Южной № 4 гробницах Гаймановой Могилы, Центральной гробнице Александропольского кургана, Бабиной Могиле, в Малом Огузе, Шульговке, Толстой Могиле, Желтокаменке, Башмачке, Чертомлыке, Денисовой и Татьяниной могилах, Геремесовом кургане, курганах № 9 возле Малой Лепетихи, № 92 у с. Выводово, № 11 группы БОФ возле г. Орджоникидзе. Все эти курганы датируются от 380–370 гг. до 340–330 гг. до н.э. (Монахов 1999: 287, 296, 354, 368–369, 397, 405–406; 2003: 64–65, 68, 93–94; 2018: 332; Полин 2014: 179, 258, 268, 272, 279, 291–292, 294, 297, 335, 432, 434, 449, 454, 475–477, 484, 487, 499).

Аналогии бляшкам из боковой гробницы Первого Мордвиновского кургана мы находим практически в тех же курганах, что и для бляшек из Центральной гробницы, что указывает на теснейшую близость датировок обеих гробниц. Это Деев курган, Куль-Оба, Шульговка, Бабина Могила, Огуз, Гайманова Могила, Татьяна Могила, Александрополь, Чертомлык, Верхний Рогачик, Мелитопольский курган, курган № 4 в уроч. Носаки, Ташенак. Все эти курганы относятся к тому же хронологическому интервалу.

Для Центральной и впускной гробниц Первого Мордвиновского кургана определяющими являются бляшки монетного типа, подражающие монетам Филиппа II Македонского и бляшки с изображением скифа с ритонном, предстоящим перед богиней с зеркалом. Именно в Первом Мордвиновском кургане бляшки, подражающие монетам Филиппа II Македонского, представлены максимально широко. Датируются они в пределах второй — начала третьей четверти IV в. до н.э. (Полин, Алексеев 2018: 303–305). В тех же пределах датируются и бляшки с изображением скифа с богиней.

Всё сказанное позволяет отнести амфоры Пепарета из Первого Мордвиновского кургана к «чертомлыкскому» варианту и датировать их широко в пределах 360–330 гг. до н.э., скорее, всё-таки серединой IV столетия.

ГОЛОВНОЙ УБОР ДЕВУШКИ ИЗ ПЕРВОГО МОРДВИНОВСКОГО КУРГАНА

Головной убор девушки, погребённой в неразграбленной катакомбе Первого Мордвиновского кургана (рис. 1), как об этом писал автор раскопок Н. Е. Макаренко, «по-видимому», имел коническую форму и был «покрыт круглыми золотыми бляшками» (Макаренко 1916: 271). Вот и всё, что стало известно в научной литературе об этом интереснейшем предмете. Правда, три типа украшавших его золотых бляшек с профильным изображением мужских бородатых голов (о них см. статью А. Е. Терещенко в данном издании — глава II. 5)¹ репродуцированы автором публикации (Макаренко 1916: 271, рис. 5), но в тексте это никак не оговорено.

Сразу отметим, что все немногочисленные исследователи, упоминавшие эту «шапку», согласились с мнением Н. Е. Макаренко относительно её формы (см. Ростовцев, Степанов 1917: 91; Ростовцев 1925: 423; Лесков 1974: 53; Клочко 1993: 28, 31 сл., рис. 1; Яценко 2006: 73, 92)². С. А. Яценко в своей фундаментальной монографии соотнёс её с выделенным им I типом головных уборов пазырыкцев Алтая³. Эти шапки, которые носили представители обоих полов, изготавливались из шерстяных тканей, войлока, кожи и замши и могли на макушках иметь украшения в виде коней, быков или орлов (Яценко 2006: 89–92).

- 1 По мнению Ю. А. Виноградова, эти бляшки украшали не саму шапку, а наброшенное на неё или, скорее, прикреплённое к ней покрывало. Наличие здесь этого предмета, характерного для облачения скифских аристократок, представляется в высшей степени вероятным. Однако, по нашему мнению, и сам колпак был украшен каким-то количеством бляшек.
- 2 Лишь М. И. Ростовцев высказал предположение, что форма рассматриваемого головного убора представляет собой вариант фригийского колпака (см. ниже).
- 3 Н. Н. Головченко, пытаясь скорректировать типологию С. А. Яценко и неправомерно ссылаясь на его авторитет, пишет о находках головных уборов «в погребальных камерах (sic!) Мордвиновского (sic!) кургана» (Головченко 2011: 74).

Рис. 1.
ГОЛОВНОЙ УБОР
из боковой гробницы.
ФО НА ИИМК РАН,
нег. III 13230

Рис. 2.
ЗОЛОТАЯ ПТИЧКА,
венчавшая головной
убор.
ФО НА ИИМК РАН,
нег. II 37858

Гораздо более оригинальным, чем бляшки, украшением этого кожаного головного убора является не упомянутое Н. Е. Макаренко в его статье золотое скульптурное изображение птички с распростёртыми крыльями (рис. 2; см. Описание находок из кургана — глава I. 5, № 1608), которое явно венчало эту «шапку» (Шауб 2020б). Полая внутри птичка, вероятно, некогда была заполнена специальным составом (смолой), разложение которого привело к её деформации (причина которой иначе не понятна, поскольку, по словам Н. Е. Макаренко, останки хозяйки этого головного убора в погребальной камере не были засыпаны землёй и вообще как-либо потревожены (Макаренко 1916: 271).

Птичка первоначально была представлена сидящей на (или, скорее, в) овальном предмете, от основания которого отходят четыре⁴ отростка, на конце каждого из которых висит диск. Аналогичный диск был прикреплен и к клюву птички (см. Описание находок из кургана — глава I. 5, № 1609)⁵. В этом основании, имевшем вид розетки, имеются отверстия, через которые оно соединялось с материалом головного убора. Нет сомнений в том, что перед нами изображение некоего фантастического цветка с плодами.

Поскольку в известных нам работах, посвящённых изображению птиц в скифской тюретике, мордвиновская птичка не фигурирует (см. Королькова 1998; Гаврилюк и др. 2001; Лифантій 2015; Бабенко 2016)⁶, а близких ей аналогий обнаружить не удалось, мы разослали её фото специалистам-орнитологам, между которыми разгорелась дискуссия по поводу её идентификации⁷. Однако все они сошлись в одном: это изображение птицы хищной породы⁸.

Образы реальных и фантастических птиц играли видную роль в религиозно-мифологических представлениях практически всех древних народов, а также очень часто фигурировали в их изобразительном искусстве (Иванов, Топоров 1982а; 1982б). В качестве украшения головных уборов изображения птиц гораздо более редки.

Символическое значение этих изображений явно неоднозначно. Так, фигурки орлов венчали головные уборы кельтских богов и героев (Megaw, Megaw 2001: fig. 288, 290). У кельтов встречаются и бронзовые шлемы (несомненно,

4 Все авторы, описывавшие это украшение, единодушно говорят о трёх отростках, однако в Описании находок из кургана отмечено (Описание находок из кургана — глава I. 5, № 1609), что их было 4 (1 отломан). Это подтверждает и фотография колпака, на которой отросток с диском виден в левой её части.

5 Подобные диски нередко сопровождают ювелирные изображения фантастических крылатых хищников в скифском искусстве; например, на серьгах (височных подвесках) из Рыжаниновского кургана (Ростовцев, Степанов 1917: табл. VI, 8), а также на аналогичных украшениях из впускного погребения 2 кургана 18 с. Колбино в Воронежской обл., относящегося к третьей четверти IV в. до н. э. В. И. Гуляев считает всех этих зверей «крылатыми пантерами» (Гуляев 2018: 113, рис. 7 и 8).

6 Образ птицы в искусстве и мифологии ранних кочевников Алтая исследован не менее основательно (см., например: Кубарев, Черемисин 1984; Черемисин 1997; 2009).

7 За участие в этой дискуссии особую благодарность хочется выразить орнитологу, кандидату биологических наук, с. н. с. ЗИН РАН М. Ю. Марковцу и зоологу В. Н. Свимионшвили.

8 М. И. Ростовцев считал её голубем (Ростовцев, Степанов 1917: 91).

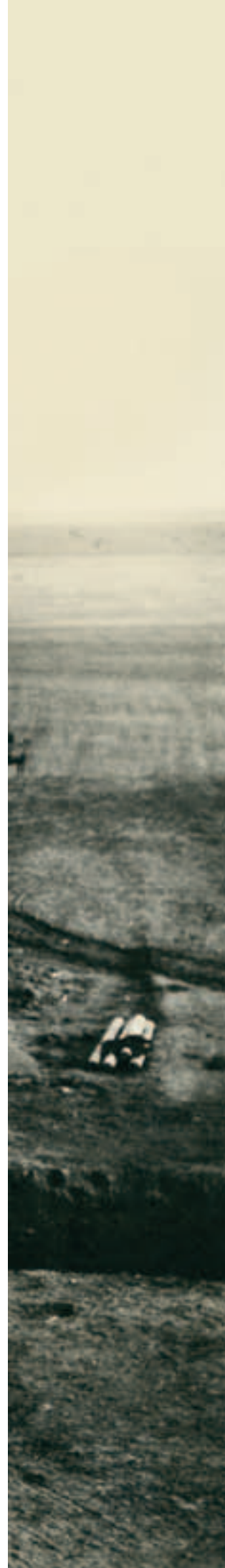
ГОЛОВНОЙ УБОР ДЕВУШКИ ИЗ ПЕРВОГО МОРДВИНОВСКОГО КУРГАНА

ритуального назначения) со скульптурным навершием в виде хищной птицы⁹. Здесь семантика птицы явно связана с индоевропейскими представлениями о (царской) власти, которые нашли отражение в преданиях таджиков и памирцев о том, что царём мог стать человек, на чью голову садилась птица (см. Яценко 2006: 92). Вероятно, аналогичные идеи ассоциировались и с очень схожим по своей композиции с мордвинским колпаком головным убором из Алушайтена, который относится к культуре лоуфаней — южных соседей пазырыкцев (Яценко 2006: 92, рис. 58. 2)¹⁰.

Как уже сказано, аналогов мордвинской птичке в Скифии нет¹¹. В то же время птицы здесь часто фигурируют на таких важных ритуальных (шаманских) предметах, как навершия (Шауб 2011: 129–130). Древки с подобными навершиями выступали в скифской культуре в качестве моделей мирового древа, которые обеспечивали связь между мирами (Переводчикова, Раевский 1981), чему, как медиаторы, в немалой степени должны были способствовать представленные здесь птицы. Среди персонажей, венчающих навершия IV в. до н. э., птицы, по авторитетному мнению Л. И. Бабенко, «составляют репрезентативную группу» (Бабенко 2016: 99)¹². Аналогичную функцию могли выполнять и птицы, представленные на таких знаковых культовых предметах, как Чертомлыкская ваза и пектораль из Толстой Могилы.

В Скифии также часто встречаются изображения водоплавающих птиц («уточек») на серьгах и подвесках. Таковы, к примеру, серьги из кургана у деревни Новосёлки (Петренко 1978: табл. 13), из Чмырёвой могилы (Петренко

- 9 Например, таков шлем, украшенный крупным реалистическим изображением хищной птицы с распёртыми крыльями, найденный на территории Румынии (Чумешты) в могиле III в. до н. э. (Harding 2007: 128–129, рис. 6.5).
- 10 В. К. Фёдоров в числе прочего сопоставляет головной убор из Алушайтена (Алушайтена), состоящий из конической золотой пластины с фигурами горного козла и волка (?) и навершия в виде фигурки орла (черт грифона мы, в отличие от автора, в этом образе не находим), с материалами Филипповки и обнаруживает здесь близкие соответствия всем редким и своеобразным «звериным» образам этой «золотой шапки». Таким образом, по мнению автора, находит подтверждение предположение Е. В. Переводчиковой о наличии в стилистике зооморфно украшенных изделий из Филипповки признаков китайской изобразительной традиции (через посредство ранних кочевников Оргоса и носителей пазырыкской культуры Алтая (Фёдоров 2019).
- 11 По мнению М. И. Ростовцева, «птички того же характера и той же техники, может быть, также составлявшие часть головного убора, найдены были в дер. Цветна Чигириринского уезда (см. Отчёт ИАК за 1896 г.: 89, рис. 355) и в боковом погребении кургана Огуз (см. Ханенко, Ханенко 1902: табл. V, 484). С ними Н. Е. Макаренко правильно сближает птичек, венчающих диадему Новочеркасского клада» (Ростовцев, Степанов 1917: 91, прим. 1). Однако первая из этих птичек явно водоплавающая («уточка»), которая, скорее всего, представляла собою украшение подвески. Что касается другой, несомненно, хищной (клюв её загнут), то, судя по прямоугольной подставке со стержнем, на которой она помещена, её фигурка едва ли могла служить украшением головного убора. О птичках на диадеме из «Новочеркасского клада» (курган Хохлач) см. ниже.
- 12 Подобные навершия, увенчанные птицами, обнаружены в курганах Чертомлык, Краснокутский, Гайманова Могила, Александрополь, Каменская Близница, Бабина Могила, Малая Лепетиha, а также (случайные находки) в Лысой горе и с. Марьянское (Бабенко 2016: рис. 5, 1–14).

1978: табл. 12), из кургана у села Волчанское (Запорожье) (L'or des steppes 1993: № 59); те же птицы тончайшей работы представлены на ожерелье из Деева кургана (Онайко 1970: табл. XXXVI, 457).

Здесь же нужно вспомнить о популярности образов водоплавающих птиц на разнообразных предметах погребального инвентаря скифской «царицы», похороненной в кургане Куль-Оба, которая, судя по всему, исполняла жреческие функции (Шауб 2017а: 306 сл.). Украшение в виде утки на конце имело уникальное серебряное веретено, которое одновременно служило и её ритуальным скипетром (Шауб 2018). Вряд ли случайным является и тот факт, что скульптурные золотые утки представлены на двух ювелирных украшениях, которые явно принадлежали той же «царице»: булавке (Дюбрюкс 2010: 106, рис. 232) и предмете неясного назначения (Там же: 124, рис. 317), который, как и булавка, мог украшать её головной убор. Утки, охотящиеся на рыб, также изображены на культовом серебряном круглодонном сосуде (Там же: 105, рис. 227). А другие водоплавающие птицы (гуси или лебеди) представлены среди персонажей живописных религиозно-мифологических композиций, украшающих доски ее саркофага или ложа (Дюбрюкс 2010: 115, рис. 262; Шауб 2018: 106) и, несомненно, связаны с идеей возрождения (Шауб 2007б: 4 сл.; 2008: 103 сл.). Однако не следует забывать, что мордвиновская птица не водоплавающая, а хищная. Это явно не случайно. О скрытых в этом образе смыслах можно только гадать¹³, но он никак не может быть воплощением плодородия (Клочко 1993: 31). Вероятнее всего, в соответствии со своей сущностью, хищник в представлении скифов, как и прочих народов древности, должен был ассоциироваться с мужским началом. В то же время, фантастический цветок с условно переданными плодами — символ женский¹⁴. В соединении хищной птицы и цветка (что противоречит её характеру и лишний раз подчёркивает символичность композиции), можно видеть стремление наглядно передать интуицию единения противоположностей¹⁵, поэтому нет сомнений в том, что мордвиновский колпак, увенчанный этой композицией и обшитый бляшками с изображениями явно хтонических мужских персонажей, воплощал некий важный ритуально-мифологический образ. В высшей степени вероятно, что это был образ Миро-

13 О культе хищных птиц в Средней Азии (см. Симаков 1998); о религиозно-мифологическом значении орла у народов Сибири (см. Штернберг 1936).

14 Образ цветка соотносится с главными аспектами человеческого существования: рождением, жизнью, смертью. Ассоциируясь с природной цикличностью, он воплощает в себе также идею возрождения.

15 Здесь можно видеть проявление характерного для менталитета скифов стремления к соединению противоположностей, что напоминает китайскую концепцию инь-ян. Если в даосизме, сохранившем многое из древних верований и аграрных культов, принцип инь-ян, который основывается на представлении о мире как взаимном сопряжении противоположных сущностей, кристаллизовался в знаменитом знаке, то у скифов подобная интуиция, вероятно, нашла отражение и в системе «зооморфных превращений», и в изображениях сцен терзания, и в монструозных образах (Шауб 2017б).

ГОЛОВНОЙ УБОР ДЕВУШКИ ИЗ ПЕРВОГО МОРДВИНОВСКОГО КУРГАНА

вого древа¹⁶ (об этой универсальной религиозно-мифологической концепции см.: Топоров 1980: 398–406; 2010а; 2010б).

Возможно, в оформлении этого головного убора подразумевался прежде всего распространённый вариант мирового древа — дерево жизни, поскольку «в отличие от тех разновидностей мирового дерева, которые прежде всего моделируют космическое устройство <...>, дерево жизни актуализирует мифологический образ жизни во всей полноте её смыслов», причём «в восходящей линии жизни особенно выделяется максимальная стадия роста — цветение и плодоношение» (Топоров 2010б: 315–316).

Нужно помнить, что при осмыслении многогранного образа мирового древа «важнейшее символическое «развёртывание» смыслов даёт семантическое соответствие «дерево-жизнь» (Нам 2016: 88). «Обычным способом обозначения его трёхчленности является отнесение к каждой из трёх частей дерева особого класса животных. С верхней частью дерева (ветви) связываются птицы, со средней частью (ствол) — обычно копытные..., в более поздних традициях — человек, а с нижней (корни) — змеи, лягушки, мыши, рыбы, бобры, выдры, медведи, иногда фантастические чудовища хтонического типа» (Топоров 2010а: 217–218). В нашем случае ствол дерева представляет цветок с плодами, а в качестве «чудовищ хтонического типа» выступают бородатые персонажи, представленные на золотых бляшках.

Как известно, в переднеазиатском искусстве, оказавшем воздействие на формирование изобразительного искусства скифов, дерево жизни ассоциировалось с богиней плодородия и выражало идею возрождения жизни (Кузьмина, Сарияниди 1982: 23).

Не исключено, что и сама девушка воплощала мировое дерево (примеры подобных представлений известны; см., например, Топоров 2010а: 318–319). Эту ассоциацию подчёркивает не только её головной убор, но и её ожерелье, которое состоит из 13 золотых пронизей, где в рельефе представлен один и тот же хтонический персонаж — бородатый, крылатый, со звериными ушами и растительными побегими вместо ног, что является несомненным эквивалентом змеиности (Шауб 2008; см. также главу II. 4). Знаменательно, что с обеих сторон эти пронизи фланкируют золотые треугольные пластины с рельефным изображением стилизованного дерева.

Кстати, образ дерева в традиционной системе мировоззрения народов Сибири полисемантивен и «раскрывается в трёх основных смысловых сегментах: 1) мировое дерево как основной структурообразующий элемент космической модели; 2) дерево жизни, воплощающее концепцию мироздания как животворного начала; 3) шаманское дерево как центральный символ шаманской идеологии, раскрывающий идеи шаманского дара, шаманского посвящения

16 А. С. Клочко предположила такую возможность, однако без должной аргументации и недопустимо считая хищную птицу символом плодородия (Клочко 1993: 31). Усмотрев в этом колпаке головной убор невесты, исследовательница в то же время отнесла его к категории детских вещей, что особенно странно, учитывая возраст его хозяйки, которой было уже не менее 15–17 лет (Клочко 1993: 28).

и шаманского пути» (Нам 2016: 95). Кроме того, «единый образ Мирового дерева мог дробиться на отдельные сегменты, соответствующие сферам мироздания» (Нам 2016: 90).

Образ мирового дерева, несомненно, был воплощён в целом ряде головных уборов скифо-сакского мира. К ним, к примеру, относятся такие вещи, как знаменитый кулах «принца» или, скорее, «принцессы» (Исмагилов 1995; Яценко 2006: 341) из кургана Иссык (Акишев, Акишев 1980)¹⁷, головной убор, обнаруженный в 2008 г. в женском погребении № 15 могильника Ханкаринский дол в Северо-Западном Алтае (пазырыкская культура) (Дашковский, Усова 2009, 2010), а также шапка женского персонажа, представленного на паре золотых поясных блях с изображением сюжета «всадники под деревом» из Сибирской коллекции Петра I (V–III вв. до н.э.). Головной убор сидящей под деревом женщины, по мнению А. С. Яценко, здесь изображена богиня (Яценко 2006: 93), «представляет собой цилиндрическую шапку с рельефно выступающей планкой на боку и с очень высоким стержнем наверху. Косы подняты наверх и, возможно, привязаны или иным способом прикреплены к стержню головного убора» (Грязнов 1961: 22–23, 25, рис. 10 а, б)¹⁸, причём всё это сооружение явно не случайно переплетено с ветвями дерева. Ассоциацию с деревом вызывает также конструкция и оформление высоких свадебных колпаков казахов — саукеле (Акишев, Акишев 1980: 15, рис. 1, 4). Все эти ассоциации неудивительны, поскольку семантическая связь волос и растительности самоочевидна.

Изображения деревьев и сидящих на них птиц, наряду с цветами-пальметками и дисками, представлены на золотой короне, которая была найдена в женском погребении № 6 бактрийского правящего рода на холме Тилятепе в Северном Афганистане (I в. до н.э. — I в. н.э.). В соседнем мужском погребении № 4 обнаружена золотая модель дерева с ветвями, отходящими в четыре стороны, к концам которых подвешены диски (Кузьмина, Сарияниди 1982: 19–22, рис. 1; 2). Изображения птиц (хищных), деревьев, среди которых в центре явно присутствует Мировое дерево, а также бюст Великой богини представлены на знаменитой диадеме сарматской царицы (жрицы), погребённой в кургане Хохлач (Засецкая 2011: 21 сл., илл. 3–19).

Считается, что сюжет дерева с птицами (а также стоящими по его сторонам копытными животными) мог быть заимствован кочевниками евразийских степей из Ирана. Этот сюжет был особенно популярен в начале I тыс. до н.э., в эпоху расселения ираноязычных племен, в искусстве Северного Ирана,

17 Погребённый в кургане Иссык молодой человек (17–18 лет) был облачён в расшитую золотом парадную одежду и имел высокий конической формы богато украшенный головной убор. В композиции его золотых орнаментов, среди которых фигурируют изображения птиц и две пары глиняных птичьих крыльев «была запечатлена картина организованного космоса: три сферы, сквозь которые прорастает солнечное Мировое дерево...» (Акишев, Акишев 1980: 14). Коррекция реконструкции этого кулаха (Кисель 2011: 212) не влияет на понимание семантики его украшений как воплощения идей, отражающих концепцию Мирового древа.

18 Во всех своих основных деталях головной убор женщины, представленной на бляхах, подобен женскому головному убору из пятого пазырыкского кургана (Грязнов 1961: 23, рис. 12).

ГОЛОВНОЙ УБОР ДЕВУШКИ ИЗ ПЕРВОГО МОРДВИНОВСКОГО КУРГАНА

как известно, оказавшего определённое воздействие на формирование скифского изобразительного искусства. В переднеазиатском искусстве древо жизни ассоциировалось с богиней плодородия и выражало идею возрождения жизни (Кузьмина, Сарияниди 1982: 23).

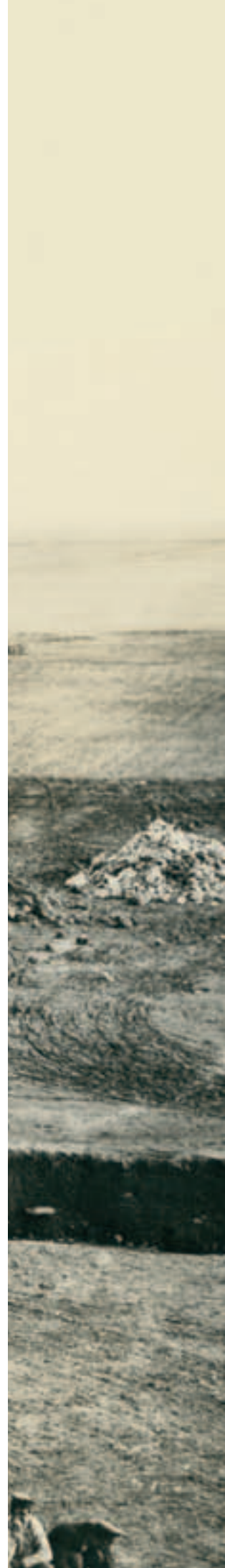
Следует отметить, что диадемы царей-жрецов от Шумера до сарматов украшались изображением более или менее стилизованных деревьев, причём иногда на вершине и ветвях этих деревьев представлены птицы. К примеру, такие украшения мы видим и на диадеме из Усть-Лабинского могильника (Акишев, Акишев 1980: 24, 25, рис. 5, 12), а также на самом сложном из известных нам головных уборов скифо-сакского мира — иссыкском кулахе, который явно был греческой инсигнией (Акишев 1984: 42)¹⁹.

Головные уборы с изображениями птиц и доминирующей орнитоморфной символикой заслуживают специального рассмотрения. Птица, её крылья или перья «на коронах везде были связаны с идеей божественной инвеституры и ролью царя-жреца как посредника между людьми и миром богов» (Акишев, Акишев 1980: 27). Так, золотые изображения крыльев украшали «тиары» скифских правителей (Чертомлык)²⁰. А к украшенному золотыми орлиными крыльями иссыкскому головному убору восходят так называемые «орлиные короны», известные в Хорезме, Парфии, Согде, у кушан и сасанидов (Акишев, Акишев 1980: 26). Судя по всему, орнитоморфная символика на царских коронах иранцев отражала концепцию фарна (божественной благодати). «В образе птицы спускается на царя сверху хварн, но орлиная корона означала и способность владыки к полёту, поднимавшему его над народом ...» (Акишев, Акишев 1980: 28, 29). Но с полётом ассоциировались и действия шаманов во время камланий; их шапки (нередко конические) часто украшались птичьими перьями, которые помогали достичь неба и общаться с духами (Акишев, Акишев 1980: 31). Эти духи, равно как и духи-помощники шамана, часто представлялись в облике птиц.

Возвращаясь к скифским «тиарам», следует вспомнить Г.И. Боровку, который полагал, что они были не столько обиходными, сколько культовыми головными уборами (Боровка 1921). Соглашаясь с этим мнением, К. А. и А. К. Акишевы пишут: «Для мифологического сознания и, следовательно, для художественно-образного строя древнего искусства ценностно только сакрализованное. Сакрализован мог быть и обычный головной убор, но тогда он должен был впоследствии приобретать особые отличительные признаки, выделяющие его из числа других. Естественно, что с развитием идеологии в первую очередь должны были сакрализоваться все атрибуты, связанные с властью

19 К. А. и А. К. Акишевы считают, что головной убор, как и вообще весь костюм из Иссыка, напоминает запечатлённые на ряде рельефов колпаки и одеяния жрецов хеттов (Акишев, Акишев 1980: 19).

20 Украшенные стилизованными изображениями деревьев золотые короны ванов корейского государства Силла (I в. до н. э. — VII в. н. э.) надевались на колпак, на котором изображалась пара крыльев, предназначенных, как свидетельствуют китайские источники, для полёта правителя в иной мир (Акишев, Акишев 1980: 26–27).

(царской и религиозной): они становились регалиями» (Акишев, Акишев 1980: 18). Те же авторы отмечают, что громоздкие неудобные головные уборы, подобные иссыкскому, веками сохранялись исключительно в консервативной сфере, став не только принадлежностью свадебного обряда, но и ритуальным атрибутом сибирских, казахских, киргизских, среднеазиатских и монгольских шаманов (Акишев, Акишев 1980: 22).

Мордвиновский головной убор наряду с другими украшениями погребённой свидетельствует о том, что при жизни она была жрицей²¹. В связи с этим предположением отметим, что Лукиан (Skyth. 1) назвал скифских жрецов «носящими священную шапку», а у индоиранцев атрибутами жрецов был специальный головной убор (Смирнов, Кузьмина 1977: 57). Ритуальный головной убор, несомненно, являлся и главным атрибутом скифских жриц (Шауб 2017а: 296).

Мы уже отмечали, что мордвиновский колпак, украшенный скульптуркой птицы, для мира европейской Скифии является уникальным. Правда, изображения хищных птиц украшали головные уборы боспорянок, которые нашли упокоение в курганах Большая Близница, Карагодеуашх, Первый Трёхбратний. Эти представительницы местной знати явно были жрицами (Шауб 2007а: 102, 382; 2011: 85, 322; 2017а: 312–315, 318–321)²². Но упомянутые изображения оттиснуты на золотых бляшках, и украшали они «шапки» иного типа, чем мордвиновская.

Гораздо более схожи с мордвиновским колпаком головные уборы с объёмными украшениями в виде птиц, найденные в погребениях горноалтайских кочевников (Полосьмак 2001: 143 сл.). Скульптурная птица украшала и ритуальный головной убор саргатской жрицы, похороненной в Шикаевском кургане IV–III вв. до н. э. (Потёмкина 2005; 2007: 146 сл.). Однако этот убор в отличие от рассматриваемого имел форму калафа, а украшавшая его птица — длинные ноги.

Образ птицы, как уже частично говорилось, играет исключительно важную роль в шаманизме²³. У многих народов Сибири шаманское облачение даже является олицетворением птицы и имеет целый ряд орнитоморфных черт. Изображения птиц, которые считались воплощениями духов-помощников шамана, часто украшали его головной убор (Элиаде 2014: 112–113 и др.).

Что касается головного убора, то придаваемое ему чрезвычайно важное значение подтверждается также древними наскальными рисунками эпохи бронзы, на которых шаман одет в колпак, который явно виден, тогда как остальные атрибуты, указывающие на его достоинство, могут отсутствовать (Элиаде 2014: 345). По этой причине для определения функции мордвиновского

21 О критериях выделения жреческих погребений см. Шауб 2017а: 295–299.

22 В Павловском кургане, где была похоронена жрица, на одном из её перстней была изображена хищная птица (Шауб 2017а: 306), семантика которой явно соотносится с подобными образами на бляшках.

23 О древней связи шамана и птицы в религиозных представлениях, а также об орнитологической символике его наряда см. Kirchner 1952: 255 ff.).

ГОЛОВНОЙ УБОР ДЕВУШКИ ИЗ ПЕРВОГО МОРДВИНОВСКОГО КУРГАНА

колпака особенный интерес представляют наиболее близкие ему аналогии — головные уборы эвенкских шаманов, украшавшиеся не только изображениями птиц (из меди), но и металлическими «масочками» (Прокофьева 1971: 34–36, рис. 25). Это сходство позволяет предполагать, что головной убор из Первого Мордвиновского кургана принадлежал шаманке.

Относительно орнитоморфной символики, которую нередко имели женские головные уборы, нужно отметить, что в мифологическом сознании сам женский образ часто ассоциировался с птицей (Фрэзер 1980: 177, 391–392, 468), а подобные шапки подчеркивали это особо²⁴. В.А. Кисель отмечает, что некоторые из них носили такие характерные названия, как «кокошник» и «сорока» у русских, «крылатый чепец» у немцев, «летающая шапка» у тувинцев. Тот же автор, напоминая, что пазырыкские «парики» декорировались птичьими фигурками, а многие подобные «этнографические» уборы — перьями, пишет: «Обычно исследователи трактуют такие элементы как обереги, символы верхнего мира и маркеры высокой статусности. Безусловно, это так, однако следует обратить внимание на знаки, отмечающие хищных птиц (налобная эмблема из Аржана в виде стилизованной головы орла (?), перья филина и сокола, каракалпакские бляшки кыран — «хваткая, добычливая ловчая птица»). За ними, очевидно, скрывается образ сексуального партнера, жениха (ср. у русских Финист-ясный сокол — чудесный супруг). К тому же наличие в костюме невесты или молодухи обозначения агрессивной птицы могло подразумевать символическое терзание, т. е. намекать на половой акт» (Кисель 2011: 215).

В своей недавней публикации В.А. Кисель добавляет к собранным им материалам головной убор представительницы уюкско-саглынской культуры конца III–II в. до н. э. в Туве (могильник Догээ-Баары 2, курган №33), который, по его мнению, «тоже имел нечто подобное, например, султанчик из перьев». По мнению исследователя, весь погребальный костюм этой женщины «соответствовал свадебному наряду, который также отмечал замужнюю представительницу древней кочевой культуры Тувы, родившую первенца и ставшую полноправной хозяйкой семейства» (Кисель 2018: 124).

Конечно, многообразие форм «птичьих» женских головных уборов (и контекстов их бытования) допускает различные трактовки их значения. Однако, перечисляя аспекты семантики головных уборов в традиционных культурах, В.А. Кисель забывает о таком важном аспекте как ритуальный, который, учитывая оформление как головного убора, так и прочих элементов костюма погребённой в Мордвиновском кургане, здесь, на наш взгляд, несомненно, доминирует.

В заключение нужно сказать следующее. Все исследователи, упоминавшие мордвиновский головной убор в своих работах, как уже говорилось, приняли интерпретацию Н.Е. Макаренко, который, охарактеризовал её форму как «по-видимому, коническую». Только М.И. Ростовцев оговорился, что нельзя

24 По словам культуролога Я.В. Чеснова, «птичья символика головного убора — всемирно распространенная черта» (Чеснов, 1998: 227).

исключать и того, что форма рассматриваемого головного убора представляет собой вариант фригийского колпака (Ростовцев, Степанов 1917: 91)²⁵. Этот головной убор, отличительной чертой которого является загнутая вперёд верхняя часть, характерен для иконографии таких божеств, как фракийская Бендида²⁶, фригийские Аттис, Мен, иранский Митра и, вероятно, Парис²⁷, иранский Митра. Следует особо подчеркнуть, что во фригийских колпаках нередко изображались спутницы Великой богини — амазонки (Шауб 2007а: 349; 2011: 296)²⁸, а также служители Диониса (или его фрако-фригийского варианта Сабазия), пляшущие окласму (Шауб 2007а: 393; 2011: 331). В упрощённых колпаках этого типа нередко фигурируют на апулийских краснофигурных погребальных вазах такие важнейшие персонажи фракийской религии и мифологии, как Бендида и Орфей. Так, на кратере из Лувра в подобном головном уборе изображена Бендида (Пенкова, Конова 2013: 14, рис. 1)²⁹ — «исконная Великая Богиня» Фракии (De Vries 1984: 318), а на кратере из Национального Археологического музея Таранто — Орфей (Пенкова, Конова 2013: 16, рис. 4). В обоих случаях украшения этих колпаков напоминают гребень грифона, но — немаловажная деталь — головной убор Орфея снабжён ещё и крыльями. Если мордвиновская шапка имела покрывало, что почти несомненно³⁰, то оно могло ритуально-магически исполнять роль крыльев³¹.

Учитывая схожую с фракийской форму мордвиновского головного убора, а также тесную связь с Великой Богиней Фракии как дионисийского Орфея, так и самого Диониса — древнего фракийского божества растительности и плодородия (De Vries 1984: 318), с которым явно ассоциировались бородастые головы на украшавших этот убор бляшках, можно думать о наличии здесь фракийской религиозной составляющей. К тому же выводу склоняет и перекликающееся с образами дионисийских «демонов» на бляшках обличье божества, которое

- 25 М. И. Ростовцев так аргументировал своё предположение: «Верхушка головного убора в Мордвиновском кургане <...> найдена была свалившейся и лежащей на некотором расстоянии от верхнего ряда бляшек. Кроме того, цветок лежал низом вверх. Цветок этот, несомненно, нашит был на материю или кожу, но притом мог завершать только острую верхушку какого-либо конического предмета. Все это заставляет думать, что интересующий нас цветок увенчивал кожаную тиару типа Немруг-гага и Карагодеуашха, т. е. тиару, приближающуюся по форме к персидской *хидарис орви*, так называемой фригийской шапке, т. е. с остриём, несколько наклоненным вперёд. Этим наклоном вперёд и объясняет то положение, в котором найден был цветок с птичкой».
- 26 О фригийском колпаке как характерном атрибуте фракийской Артемиды Бендиги; см.: (Seiterle 1979: 11)
- 27 О наличии в образе троянского царевича черт древнего фригийского хтонического божества см. Шауб 1993б.
- 28 О Великой богине в облике амазонки на боспорских пелуках см.: Schefold 1934: 148–149; Шауб 1993а.
- 29 В скульптуре и терракоте Бендига изображалась в классическом варианте фригийского колпака — с сильно загнутым вперёд верхом; то же самое относится к изображению Орфея в мозаике.
- 30 См. прим. 1.
- 31 У Ферекида Сиросского губ, на который наброшено покрывало, подаренное Хтонию Засом-Зевсом, именуется крылатым (Pheresyd. 2 В 6–8 DK) (Брагинская 2011: 69, прим 57).

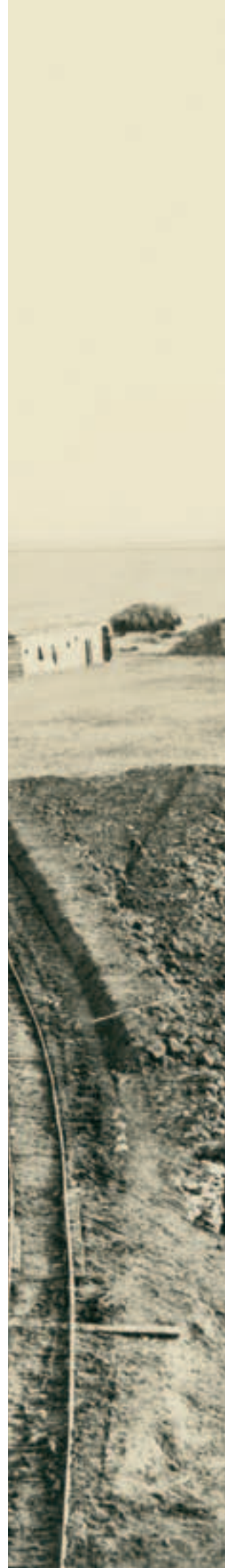
ГОЛОВНОЙ УБОР ДЕВУШКИ ИЗ ПЕРВОГО МОРДВИНОВСКОГО КУРГАНА

представлено на ожерелье хозяйки этого колпака. Об ожерелье мы поговорим отдельно (см. главу II. 4), а пока отметим, что мужские головы на бляшках можно интерпретировать и как изображения шаманских духов-помощников, и в качестве (равно сатира или человека) символа жертвы, приносимой Великой богине (см. Шауб 1987; 2007а: 89 сл.; 2011: 120). Наглядным воплощением этого аспекта культа Богини могут служить золотые бляшки из Куль-Обы и золотая пластина из кургана ст. Ивановской на Таманском полуострове; здесь представлена её змееногая ипостась, которая держит в одной руке короткий меч (или нож), а в другой — отрубленную бородатую голову³². Поскольку бляшки с изображениями мужских голов происходят из женских могил, можно уверенно предполагать, что погребённые в них скифские аристократки при жизни являлись служительницами культа Великой богини, который включал в себя почитание её паредра — умирающего и возрождающегося божества главным образом в облики сатира (Шауб 2019). Судя по тому, что среди украшений калафообразных головных уборов жриц, погребённых в Деевом и Рыжановском курганах, фигурировали изображения менад в экстатической пляске с ножом в одной руке и частью жертвенного животного в другой (Ростовцев, Степанов 1917: табл. VI, IX; Шауб 2011; рис. 103)³³, этот культ носил дионисийски-оргиастический характер. Отличительной чертой дионисийских культов, как известно, был экстаз — выход из себя и слияние с божеством, а также интуиция единства бога и жертвы (Иванов 1994: 26)³⁴. О том же могут свидетельствовать и находки в курганах Приднепровья изображений бородатых сатиров (силенов) (см.: Ростовцев 1925: 443, 444). Вероятно, с этими персонажами как-то связано глухое сообщение Геродота об обитавших в Скифии козлоногих существах (Hdt. IV, 25).

32 В последнее время были предприняты энергичные попытки оспорить интерпретацию всех элементов этого сюжета (Журавлёв, Новикова 2012: 80–97; Журавлёв, Новикова, Шемаханская 2014: 102–110; Стоянов 2013: 128–133). Полный глубокого сакрального смысла образ змееногой богини трансформировался у вышеупомянутых авторов в бесцветную «прорастающую деву», меч (нож) в «неразрезанную перемычку» между её рукой и гребнем грифона, бородатая голова — в маску. Здесь не место дискуссии, отметим лишь, что научная работа под лозунгом «ещё один миф в отечественной историографии голжен быть развеян» (Журавлёв, Новикова 2012: 84) настораживает, а сугубо формальный подход к сакральному памятнику — бесплоден. Кроме того, — и это главное — созданный греческим мастером визуальный образ в инокультурной среде не мог не подвергаться переосмыслению.

33 Подобные же менады, но в более эллинизированном виде фигурируют и среди золотых украшений калафа жрицы из погребения №4 кургана Большая Близнаца (Шауб 2007а: 340–341; 2011: 320–321, рис. 85). Эта композиция, так же как и набор терракот из того же склепа, связана с культом хтонического Диониса (Шауб 2007а: 340–341; 2011: 320–321).

34 В этом заключался, по характеристике Вяч. Иванова, «страстный характер» Диониса.

ЗОЛОТОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ

Золотое ожерелье (рис. 1), найденное на шее девушки, которая покоилась в неразграбленной гробнице Первого Мордвиновского кургана (Макаренко 1916: 272; рис. 6), состоит из 13 прямоугольных пластин-пронизей с одинаковым штампованным фасовым изображением крылатого мужского персонажа (божества). Ниже его бородатой головы, занимающей почти половину изображения, расположена перевёрнутая пальметка, из которой выходят завитки. С обоих концов украшения расположены треугольные пластины, на которых отгиснут растительный сюжет. К каждой из прямоугольных пластин припаяны поочерёдно то по две, то по одной петельке, к которым через колечко прикреплены с помощью аналогичных петель одинаковые продолговатые профилированные амфоровидные подвески¹.

Мужская голова ожерелья наряду с большой окладистой бородой имеет по обеим сторонам небольшие выступы, которые можно трактовать и как звериные уши, и как рожки. При всей своей стилистической оригинальности эта голова своими звероподобными чертами иконографически схожа одновременно как с изображениями силенов и сатиров, так и (в меньшей степени) с типом речного божества. Если последний был популярен лишь на монетах Ольвии IV–III вв. до н. э. (Борисфен)², то изображения спутников Диониса, будучи чрезвычайно распространены на Боспоре, часто встречаются и в Скифии. Однако сходство с ними персонажа на мордвиновском ожерелье ограничивается

1 Аналогичные, но более рафинированные подвески характерны для ожерелий, созданных греческими мастерами в IV в. до н. э. (Грач 1986; Саверкина 2001). Возможно, отнюдь не случайно подобные подвески украшали также и верхние части ритуальных головных уборов скифских жриц; см., например, «калафы» из Деевского и Рыжановского курганов (Ростовцев, Степанов 1917: табл. VI, VII, IX).

2 Изображения Ахелоя, широко распространённые в греческом искусстве, в Северном Причерноморье единичны. К примеру, его можно видеть на золотых подвесках к ожерелью конца V — начала IV в. до н. э. из одного из пантиканейских курганов (Калашник 2014: 78).

Рис. 1.
ЗОЛОТОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ
из боковой катакомбы
Мордвиновского
кургана.
ФО НА ИИМК РАН,
нег. III 13229

только головой, что, однако, при его идентификации является решающим фактором.

Симметричные завитки в нижних углах изображения говорят в пользу того, что рассматриваемое божество ассоциировалось с растительностью. На эту же связь недвусмысленно намекает и перевёрнутая пальметка под его бородой.

Обе эти черты свойственны божеству, изображение которого в мультиплицированном виде украшает золотую диадему «царицы», погребённой в кургане Куль-Оба. В то же время растительные побеги вместо ног, выходящие из перевёрнутой пальметки, наряду с крылатостью, роднят эти мужские персонажи со змееногой богиней, представленной на золотых бляшках из того же кургана.

На кульобской диадеме (Шауб 2007а: рис. 34), которая, вероятно, являлась частью женского головного убора — *пóлоса*, — изображён бородатый мужской персонаж с крыльями, ноги которого представляют собой растительные завитки, из которых также выходят протомы гиппокампов (Уильямс, Огден 1995. С. 142–143, илл. 85). Аналогичный персонаж представлен и на золотой пластине, украшавшей женский жреческий головной убор, обнаруженный в погребении 1 кургана № 8 у поселка Песочин близ Харькова (Бабенко, 2005, с. 122–123, фот. 12, рис. 16)³. Даже если прорисовка, приведённая в этой публикации, где «Владыка зверей» изображён безбородым, соответствует действительности (при этом, что в остальных деталях изображения мы имеем здесь полную аналогию с кульобским божеством), речь, безусловно, идёт о мужском персонаже⁴.

Судя по иконографической схеме, здесь представлен мужской аналог Владычицы зверей, наиболее распространённым вариантом которой в Северном Причерноморье была змееногая богиня, в чьём образе местное население почитало свое верховное женское божество (Шауб 1999). Этот двойник змееногой богини, которого можно условно назвать «Владыкой зверей» (Chittenden 1947: 89–144), скорее всего, мыслился как подчинённое ей божество, возможно, родственное тому персонажу, голову которого держит в руке богиня, изображённая на бляшках из того же кургана (Шауб 2007а: рис. 16, а), а также на золотой пластине из кургана близ ст. Ивановской (Шауб 2007а: рис. 19)⁵. Аналогичные головы представлены на большинстве боспорских монет IV–II вв. до н. э., а также на золотых бляшках, найденных в Феодосии и на Таманском полуострове,

3 Многие исследователи, не утруждая себя раздумьями над сложной проблематикой семантики подобных синкретических образов и не учитывая их популярность в варварской среде (см., например, Шауб 2007б; Гуляев 2013: 153), безоговорочно связывают их исключительно с греческой культурной традицией (Буйских 2006; Скржинская 2010; Журавлёв, Новикова 2012; Журавлёв и др. 2014: 102–110; Стоянов 2013; ср. Бабенко 2017: 37).

4 Если в своих ранних публикациях Л. И. Бабенко уверенно утверждал, что на песоченской диадеме представлено женское божество (Бабенко 2002: 60; 2005: 122–124), то после приведённых нами аргументов в пользу его бородатости (полной аналогии с диаемой из Куль-Обы (Шауб 2007а; 2007б)), этот исследователь пишет о невозможности точного определения пола изображённого н. э. ом головном уборе божества из-за состояния артефакта (Бабенко 2017: 37).

5 Далеко не полный перечень аналогичных бляшек и предметов с подобными изображениями, найденных в Северном Причерноморье, см. Шауб 2006.

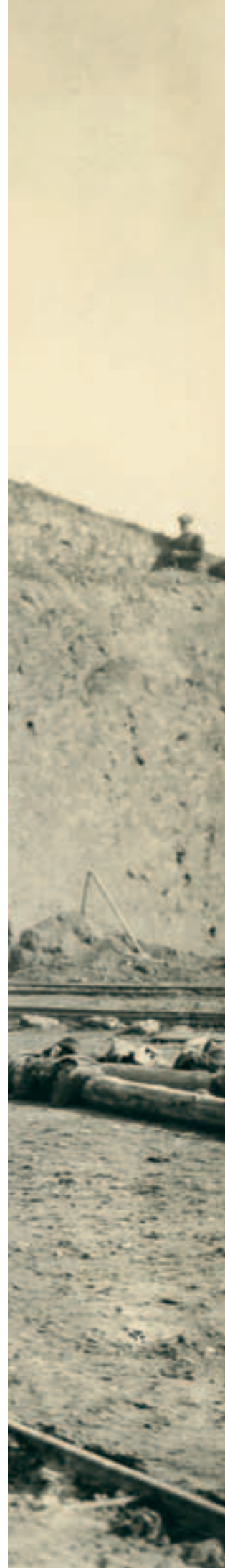
в том числе в кургане Большая Близница⁶ (Шауб 2007а: рис. 16, б–з). Золотые аппликации с изображением того же персонажа наряду с изображением змееногой богини украшали головной убор одной из жриц, чей прах покоился в херсонесском подстенном склепе (Шауб 2007а: рис. 60; 2011: 245–247). Существует целый ряд изображений, напоминающих «Владыку зверей», представленного на куль-обской диадеме. В Скифии — это её аналог, золотая диадема из Песоченского курганного могильника (Бабенко 2002; 2005: 122–124), на Боспоре (вероятно) — известняковый акротерий III в до н. э., хранящийся в Эрмитаже (Бессонова 1983: рис. 10, 3), во Фракии (Олинф) — бронзовая пластина IV в. до н. э. (Robinson 1941: 31, fig. 5, 16), в Афинах — синхронный ей мраморный трон (Möbius 1926: 51, Taf. 19). На эрмитажном памятнике «Владыка зверей» изображён обнажённым по пояс; нижняя часть его тела представляет собой композицию из листьев и растительных побегов; на его голове фригийский колпак с розеткой на конце, а по бокам — львиноголовые грифоны, которых божество держит за рога. На олинфской пластине нижняя часть тела «Владыки зверей» представляет собой листву аканфа, из которой симметрично выходят два львиноголовых грифона, рога которых божество держит в руках; вместо головного убора у него растительные побеги. «Владыка зверей» на афинском рельефе представлен облачённым в подпоясанное одеяние с короткими рукавами, нижняя часть которого переходит в композицию из листьев аканфа, вместо ног завершающуюся закрученными в спираль растительными побегами. Концы этих побегов божество держит в руках; на голове его полос.

В рассмотренных выше изображениях «Владыки зверей» исследователи видят «божество плодородия» типа Диониса или родственного ему фрако-фригийского Сабазия. Несомненно, черты этих божеств присутствуют в образе «Владыки зверей», хотя, на наш взгляд, вернее было бы в данном случае говорить о прадионисийской (в духе В. И. Иванова) сущности этого образа (Шауб 2011: 131). Однако попытка Ю. Устиновой (Ustinova 2005: 78) интерпретировать изображения такого рода в качестве бородатой андрогинной Афродиты внешне выглядит эффектно, но явно несостоятельна по целому ряду обстоятельств (Шауб 2011: 131–132).

О том, что подобные «прорастающие» бородатые персонажи с крыльями еще с архаической эпохи мыслились как божества, подчинённые малоазийской Великой богине, наглядно свидетельствует бронзовый канделябр VI в. до н. э., происходящий из «ориентализированного пограничья Восточной Ионии» (Hornbostel 1980: 23, Abb. 17). У основания стержня канделябра, который служит постаментом для крылатой богини, в перекрестье подставки из львиных лап в высоком рельефе представлена фигура бородатого божества с крыльями, выходящего из пышной пальметты.

В Северном Причерноморье существовали и другие изображения паредров Великой богини в иконографической схеме «Владыки зверей», помимо диадем

6 Здесь, в жреческом погребении №4, аналогичная бородатая голова фигурирует среди амулетов золотого ожерелья, которые в совокупности образуют некую «космограмму» (Шауб 2015).

из Куль-Обы и Песоченского могильника, а также эрмитажного акротерия. Так, на золотой ажурной накладке колчана из кургана Соболева Могила (Мозолевский, Полин 2005: табл. 17, 3; Шауб 2007а: рис. 35) представлен бородастый птицеподобный (крылатый, покрытый перьями, с птичьими лапами вместо ног) персонаж, стоящий на крылатых драконах⁷; рога этих монстров он держит в руках абсолютно таким же образом, как делают это божества, представленные н. э. митажном акротерии и пластине из Олинфа (Шауб 2011: 130–132).

Можно предположить, что ассоциация божества на мордвинском ожерелье с растительным миром подчёркивается сюжетом, оттиснутым на концевых треугольных пластинах ожерелья. Этот сюжет (стилизованное дерево)⁸ на пластинках, вероятно, был призван усилить эту символическую связь бородастого божества с растительностью, верховной хозяйкой которой считалась Великая богиня. Логично считать, что растительность считалась её воплощением (Гордцов 1926; Виноградов 2007; Шауб 2007б; 2011; 2016).

Как уже отмечалось при рассмотрении головного убора (глава II. 3), символика этого ожерелья служит дополнительным аргументом в пользу того, что погребённая в Мордвинском кургане девушка сама могла рассматриваться как инкарнация мирового древа. О полисемантической природе этого образа в традиционной системе мировоззрения народов Сибири речь уже также шла выше.

Более или менее напоминают голову божества на мордвинском ожерелье бородастые головы, представленные на золотых бляшках из царского кургана Огуз (Онайко 1970: № 500), а также на украшении конской сбруи из Чмырёвой могилы (Онайко 1970: № 428). На Боспоре подобные головы фигурируют на важнейших ритуальных предметах — золотой и серебряной фиалах, обнаруженных в Куль-Обском и II Семибратнем курганах (Артамонов 1966: рис. 53), здесь же были найдены и золотые бляшки с аналогичными головами (Артамонов 1966: рис. 46). Следует отметить, что на кульобской фиале бородастая голова (весьма своеобразного типа) органически сочетается с Горгоной — одним из воплощений Великой богини (Шауб 2007а: рис. 15, а–б; ср. Маразов 2001); напомним, что в том же кургане найдены бляшки, где представлен другой образ Богини — её змееногая ипостась с подобной бородастой головой в руке.

О том, что в облике греческих сатиров представлялось местное божество, которое имело большое значение в духовной жизни скифов, наглядно свидетельствует следующий факт: пантикапейские золотые монеты с изображением бородастой головы сатира служили украшениями перстней представительниц высшей скифской аристократии. Таковы, например, перстни из Рыжановки (Онайко 1970: № 809)⁹.

А. М. Лесков, вероятно, копируя текст Описи находок из кургана (см. главу II. 4, № 1632), называет представленный на медальонах ожерелья образ

7 Это, несомненно, не жрец или шаман, как считают Б. Н. Мозолевский и С. В. Полин (Мозолевский, Полин 2005: 351), но божество.

8 М. Ю. Трейстер видит здесь побегу лотоса (Трейстер 2006: 171, рис. 16), что не меняет сути ассоциаций и символики.

9 О том, что перстни могли служить греческими инсигниями, см. Шауб 2017а.

сиреной (Лесков 1974: 54)¹⁰, что совершенно невероятно из-за отсутствия у этого персонажа птичьих ног; кроме того, бородатыми, да и то изредка, сирены изображались в греческом искусстве лишь архаической эпохи¹¹. Н. А. Онайко увидела н. э. их медальонах изображение «крылатого божества, возможно, змееной богини с лицом сатира» (Онайко 1970: 104, № 159)¹². Действительно, симметричные завитки вместо ног у этого персонажа находят аналогии в изображениях змееной богини, представленной на серьгах из кургана у села Буторы (Петренко 1978: табл. 21, 7) и подвесках из кургана у Марьяновки Николаевской области (L'or des steppes 1993: № 60). Композиция на пронизях также напоминает центральное изображение на фракийской золотой пекторали IV в. до н. э. из погребения в Мезеке (Болгария); здесь, правда, речь идёт о женском образе (Gerassimowa-Tomowa 1984: Abb. 5).

В то же время, поскольку на нашем ожерелье представлен бог, можно ещё раз вспомнить о происходящей с территории той же Фракии (Олинф) золотой пластине, на которой изображено бородатое божество с растительными завитками вместо ног. Как уже отмечено выше, схожи с этим персонажем также бородатые божества, представленные на мраморном троне жреца из Афин и н. э. митажном акротерии. Следует заметить при этом, что головной убор последнего по форме напоминает колпак девушки, которой принадлежало рассматриваемое ожерелье. Но наиболее близкой аналогией божеству мордвинского ожерелья являются идентичные изображения мужских персонажей на золотых диадемах из Куль-Обы и Песоченского (Бабенко 2002: 60; 2005: 122–124; 2017: 37), причём необходимо отметить, что в обоих случаях эти украшения происходят из женских погребений. Отличие божества мордвинского ожерелья от всех приведённых аналогий заключается в отсутствии у них звериных черт (ушей или рожек), а также полоса. В то же время зубчатая диадема, которую можно разглядеть на голове этого божества, напоминает «корону» бородатого бога, представленного на боспорских золотых бляшках из Керчи (На краю ойкумены 2002: рис. 143–146)

Перевернутая пальметка, которая присутствует на изображении мордвинского божества, напоминает ту, которая фигурирует на изображении крылатой змееной богини, представленной на бляшках из Куль-Обы и кургана ст. Ивановской. При этом бородатая голова в руке богини, как и голова персонажа, представленного на вышеупомянутых диадемах, напоминает голову божества, образ которого запечатлён на пронизях из Мордвинского кургана. Таким образом, можно смело предполагать, что бог, представленный на рассматриваемом ожерелье, выступал как Владыка растительного (и животного) мира,

10 Явно опираясь на мнение А. М. Лескова, о сирене на ожерелье пишет автор статьи о Мордвинском кургане в украинской версии Википедии.

11 Справедливости ради можно вспомнить о существовании скифского изображения сирены неопределённого пола на золотой бляшке из Елизаветовского кургана (Калашник 2014: 201), но оно уникально, а главное, — имеет птичьи ноги.

12 Поскольку исследовательница ссылается на статью Н. Е. Макаренко, нет сомнений, что она не видела фото, хранящееся в архиве ИИМК РАН, а пользовалась только репродукцией ожерелья в этой статье (Макаренко 1916: рис. 6).

который мыслился в качестве паредра Великой богини. О том, что спутник Богини считался умирающим и возрождающимся, свидетельствует ближневосточная мифологема, которая на греческой почве нашла наиболее яркое воплощение в мифе о Дионисе (см., к примеру, Иванов 1994).

На иконографию и семантику персонажа, которого мы условно, по аналогии с одним из воплощений Великой богини — Владычицей животных — называем «Владыкой зверей» (Шауб 2007а: 153–156; 2007б; 2011: 130–132), несомненно, повлияли как представленная на черно- и краснофигурных вазах маска Диониса в окружении растительности, так и известные изображения того же бога выходящим из ствола дерева или в окружении виноградной лозы. Пробразом (притом, вероятно, не только иконографическим) подобных изображений Диониса и его маски стал сюжет «прорастающего» Осириса, Осириса в ветвях виноградной лозы (см. Топоров 2010б: 320).

Судя по находке в кургане Бабина Могила изображения «Владыки зверей» с птичьими ногами (Мозолевский, Полин 2005: 351, табл. 17, 3), это божество в Скифии могло иметь как фито- и терио-, так и орнитоморфные черты. Тесная ассоциация персонажа, представленного на ожерелье, не только с животным миром (звериные уши или рога и крылья), но и с растительностью (змеевидные закручивающиеся побеги вместо ног), позволяет предполагать, что он мыслился как божество, входящее в дионисийский круг.

В связи с вопросом о том, какому богу служила хозяйка рассматриваемого ожерелья, можно ещё раз вспомнить о фракийцах, у которых богини, почитавшиеся их женщинами, — Бендида, Котито, Артемида Браврония — воплощали аспекты одного и того же образа Великой богини — «древнейшего культа неолитической богини плодородия, владычицы жизни и смерти» (De Vries 1984: 318). При этом женщины в качестве жриц и прорицательниц играли главную роль и в почитании Диониса — древнего фракийского бога, который вообще принадлежал к женскому миру как божество, связанное с «репродуктивной растительной магией» (De Vries 1984: 318). Помимо того, он считался «женоподобным», т. е. андрогинным¹³. Дионис как бог плодородия выступал в качестве не только исконного сына, но и паредра Семелы — самой земли или богини, подобной греческой Гее (De Vries 1984: 318), что вполне соответствует взгляду, согласно которому инцестуозные связи обеспечивают особое плодородие (Топоров 2010б: 320).

Кстати, в изображении божеств дионисийского круга с растительными побегами вместо ног, что, как уже отмечено, было семантически равнозначно змеености, нет ничего неожиданного, поскольку Дионис не только считался богом растительности (и нередко изображался в виде маски в окружении побегов), но и мог превращаться в змея¹⁴.

Поскольку голова персонажа на ожерелье напоминает, как уже отмечено выше, один из типов сатиров, представленных на пантикапейских монетах, чья

13 Вероятно, подобное божество изображала двуполая статуэтка, недавно найденная в одном из богатейших фракийских жреческих (?) погребений III в. до н. э. (Фракийское золото 2013: 284)

14 Об этом и прочих ассоциациях Диониса со змеями см. Иванов 1994: 109 сл.

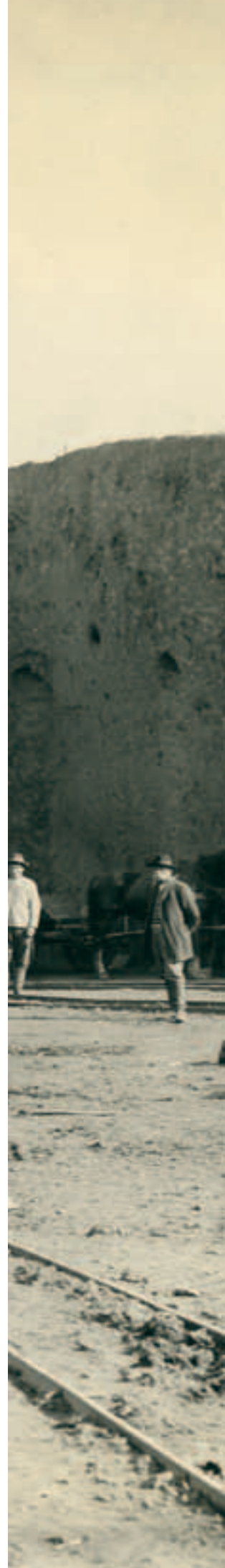
иконография пришла из Фракии, причём, скорее всего, вместе с дионисийской семантикой (Шауб 2019; Шауб, Терещенко 2021), фракийские коннотации рассматриваемого божества выглядят ещё более основательными. Согласно гипотезе М. И. Ростовцева, фракийский великий бог растительности, «который стал греческим Дионисом и который иногда фигурирует в виде бородатого силенна на монетах греко-фракийских городов» мог изображаться в виде головы бородатых силенов и безбородых сатиров на монетах Боспора с начала IV в. до н. э. (Rostovtzeff 1922: 80). Веским аргументом в пользу этого предположения является параллелизм двух аспектов представленного здесь божества (бородатого пожилого и юного безбородого) — черта, свойственная культу диморфного Диониса (Шауб 2007а: 200–2012). Очень многие элементы в образе этого бога и его культе свидетельствуют об их фракийском происхождении (Златковская 1967; 1968; 1981). Скорее всего, пришла из Фракии, причём явно вместе с дионисийской семантикой, и иконография представленных на боспорских монетах голов сатиров и силенов (Шауб 2019; Шауб, Терещенко 2021). Об этом заставляют думать найденные во фракийских курганах драгоценные предметы дионисийского культа (серебряные канфары), украшенные позолоченными изображениями аналогичных голов, поскольку хронологически эти артефакты предшествуют пантикапейским монетам с изображениями спутников Диониса (Фракийское золото 2013: 224, 236, 298; Шауб, Терещенко 2021).

Итак, если сопоставить декор двух наиболее значимых предметов облачения девушки, погребённой в неразграбленной гробнице Первого Мордвиновского кургана, — головного убора и ожерелья, — то можно сделать следующие выводы.

Украшения обоих предметов имели перекликающуюся символику. Птице, венчавшей «шапку», соответствует крылатость божества на ожерелье; цветку — растительные черты этого персонажа; его бородатости — аналогичное обличье «демонов», представленных на украшавших этот колпак бляшках. Семантическое сходство этих украшений явно не является случайным, что позволяет говорить о взаимосвязи обоих предметов, об их комплексе, и, таким образом, о ритуальной функции не только головного убора, но и ожерелья. К этому нужно добавить и тот факт, что в состав убранства девушки, погребённой в Мордвиновском кургане, входили золотые серьги со скульптурными изображениями козлиных голов (Макаренко 1916: 272)¹⁵, которые явно ассоциировались как с божеством на ожерелье, так и с персонажами на бляшках головного убора. В этой связи отнюдь не случайной выглядит также присутствие в кургане золотых бляшек с изображением Афины и Горгоны (Макаренко 1916: 272, рис. 6)¹⁶, в которых скифы видели воплощения своей Великой богини (Шауб 1999).

15 В Греции козлы выступали в качестве ярко выраженных дионисийских животных (Кагаров 1913: 263–264) и одновременно священных животных таких наследниц Великой богини Эгеиды как Афина, Артемиды, Гера и Афродита (Кагаров 1913: 265–266).

16 Афина представлена на самых крупных из всех золотых бляшек, найденных в Мордвиновском кургане, причём она изображена не только в своём главном атрибуте — шлеме, но и с ожерельем на шее (которое, скорее, подходит Афродите).

Родство этой скифской Великой богини не только с фракийской Богиней-матерью, но и с малоазийско-греческой Матерью богов, проявляется как в принятии важных черт иконографии последней, так и в тесной ассоциации с дионисийским кругом¹⁷. Об этом наглядно свидетельствуют бляшки с изображением Богини и предстоящего ей скифа, который пьёт из ритона (см. Лесков 1974: рис. 37). Этот сюжет, отражает и поклонение Богине, и его культовую связь с дионисийством. Кроме того, эту ассоциацию подкрепляет наличие в составе погребального инвентаря девушки серебряного ритона¹⁸, — ярко выраженного мужского ритуального предмета (Виноградов 1993).

Всё вышеизложенное, на наш взгляд, является свидетельством тому, что погребённая в кургане девушка была жрицей характерного для скифов культа Великой богини и подчинённого ей мужского божества дионисийского круга, который мог выступать и в образе «Владыки зверей» (двойника змееной богини) на ожерелье, и в человеческом облики на бляшках, и в виде козла на серьгах. Если трудно однозначно утверждать, что этот культ пришёл в Скифию из Фракии, то можно смело предполагать, что на его развитие здесь оказывали воздействие фракийские культурные импульсы.

17 О характере этого культа см. Шайб 2020а.

18 Его изображение см. Лесков 1974: рис. 38.

МОНЕТОВИДНЫЕ НАШИВНЫЕ БЛЯШКИ ИЗ МОРДВИНОВСКОГО КУРГАНА

В IV в. до н. э. среди разнообразных нашивных золотых бляшек погребального убора в скифских курганах стали появляться бляшки с изображением мужских голов в профиль. По мнению М. И. Ростовцева, истоки многих сюжетов на золотых украшениях погребального костюма следует искать в монетной типологии Боспора. По этому поводу он писал: «Боспорская монета должна была произвести и произвела большое впечатление во всём соседнем греческом и варварском мире. <...> Естественно, что её стали воспроизводить и на нашивных бляшках, массами продававшихся в степи нашего Юга» (Ростовцев 1925: 445). Конечно же, речь здесь идёт в первую очередь о знаменитых боспорских статерах IV в. до н. э. с изображением сатиров. К сожалению, это замечание великого русского учёного превратилось в некую аксиому, и в результате во всех изображениях мужских голов в профиль стали видеть сатиров. Наиболее яркий пример тому мы видим в работе Н. А. Онайко: «В некоторых курганах <...> найдены круглые бляшки с изображениями: 1) бородатого сатира вправо; 2) бородатого сатира влево; 3) безбородого сатира вправо» (Онайко 1970: 48).

Однако ещё в конце XIX в. было высказано предположение, что некоторые бляшки являются подражанием монетам Филиппа II Македонского с изображением головы Зевса на лицевой стороне (Голстой, Кондаков 1889: 113; см. рис. 1, 1–3¹). В наши дни это наблюдение получило убедительную аргументацию С. В. Полина (Полин 2014: 177–178). Выпуск подобных бляшек, по расчётам этого исследователя, должен был приходиться на период с конца второй — начала третьей четверти IV в. до н. э. по 339 г. до н. э. (Полин 2014: 178). Как представляется, С. В. Полин совершенно прав, полагая изображения с бородатыми головами *вправо*, вне зависимости от качества рисунка,

1 Фотографии монет взяты из Интернет-ресурса «Монеты Боспорского царства. Каталог-архив» <https://bosporan-kingdom.com> и аукционного архива «acsearch.info» <https://www.acsearch.info/home.html>

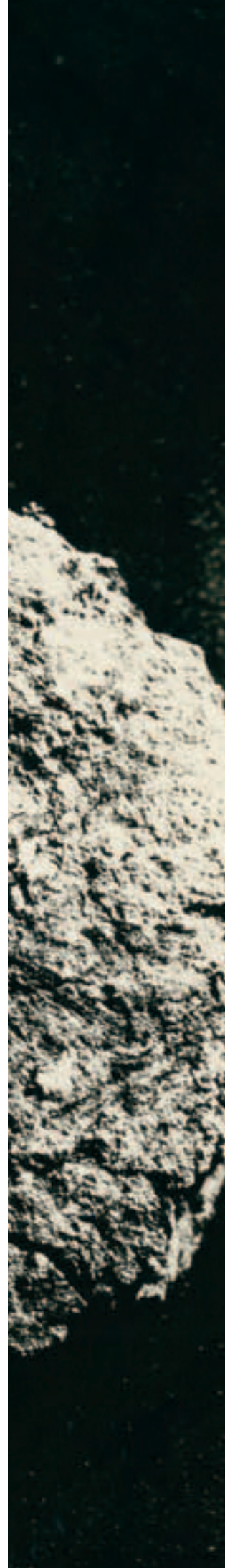

Рис. 1.
 МОНЕТЫ
 (1–4),
 ЗОЛОТЫЕ
 НАШИВНЫЕ БЛЯШКИ
 С ИЗОБРАЖЕНИЕМ
 МУЖСКИХ ГОЛОВ
 (5–18)
 и ЗОЛОТАЯ БЛЯШКА
 В ВИДЕ БОГИНИ
 СО ЗМЕЯМИ
 (19)

МОНЕТЫ:

- 1–3. Серебряные тетрадрахмы Филиппа II Македонского. 359–336 гг. до н.э.
4. Серебряная тетрадрахма, подражание чеканке Филиппа II Македонского. Выпускалась в период правления Филиппа III Македонского 323–315 гг. до н.э.

ЗОЛОТЫЕ
 НАШИВНЫЕ БЛЯШКИ:

5. Курган Таценак. Впускная Западная гробница. Начало второй четверти IV в. до н.э.
6. Никопольские курганы (коллекция Ханенко). IV в. до н.э.
7. Курган «Татьянина могила». Ок. середины IV в. до н.э.
- 8–9. Курган Чертомлык, «Центральная гробница». Возможно 350–345 гг. до н.э.
- 10–11. Нашивные бляшки. I-й Мордвиновский курган. 340–315 гг. до н.э.
12. Деев курган. 350–340 гг. до н.э.
13. Мелитопольский курган. В пределах 350–345 гг. до н.э.
14. Золотая Балка, курган № 22. Не позднее начала третьей четверти IV в. до н.э.
15. Курган малый Огуз. 350–340 гг. до н.э.
16. Новониколаевка, курган № 11. В пределах второй четверти IV в. до н.э.
17. 8-й Пятибратний (Елизаветовский) курган. Около 345 г. до н.э.
18. Курган «Татьянина могила». Ок. середины IV в. до н.э.
19. Курган Куль-Оба. Не позднее 350–340 гг. до н.э.

МОНЕТОВИДНЫЕ НАШИВНЫЕ БЛЯШКИ
ИЗ МОРДВИНОВСКОГО КУРГАНА

МОНЕТЫ:

1. Пантикапей. Статер, золото. М. б. 378–372/1 гг. до н.э.	12. Пантикапей. Обол, серебро. М. б. 340–335 гг. до н.э.
2. Пантикапей. Триобол, серебро. М. б. 378–372/1 гг. до н.э.	13. Пантикапей. Медь, дихалк (?). М. б. 327–319 гг. до н.э.
3. Пантикапей. Статер, золото. М. б. 355–350 гг. до н.э.	16. Пантикапей. Триобол, серебро. М. б. 361–356 гг. до н.э.
4. Пантикапей. Статер, золото. М. б. 319–310 гг. до н.э.	17. Пантикапей. Статер, золото. М. б. 358/357–355 гг. до н.э.
10. Пантикапей. Диобол, серебро. М. б. 387 или 384–378 гг. до н.э.	18. Пантикапей. Триобол, серебро. М. б. 346–340 гг. до н.э.
11. Пантикапей. Триобол, серебро. М. б. 372/1–362/1 гг. до н.э.	19. Пантикапей. Тетробол, серебро. М. б. 335–330 гг. до н.э.

ЗОЛОТЫЕ
НАШИВНЫЕ БЛЯШКИ:

5. 1-й Мордвиновский курган. 340–315 гг. до н.э.
6. Червонопереконский курган №5. Середина IV в. до н.э.
7. Курган малый Огуз. 350–340 гг. до н.э.
8. Мелитопольский курган. В пределах 350–345 гг. до н.э.
9. Происхождение неизвестно. Вторая половина IV в. до н.э.
14. Деев курган. 350–340 гг. до н.э.
15. Курган «Первый» у дер. Шульговка. Не ранее 330-х гг. до н.э.
20. Курган Огуз, «Северная могила». 350–340 гг. до н.э.
21. Находка 1853 г. на «холме близ нынешней Феодосии». Конец IV — начало III вв. до н.э.
22. Большая Близница, склеп №1. В пределах второй — третьей четвертей IV в. до н.э.

Рис. 2.
МОНЕТЫ
(1–4, 10–13, 16–19),
ЗОЛОТЫЕ
НАШИВНЫЕ БЛЯШКИ
С ИЗОБРАЖЕНИЕМ
ПРОФИЛЬНЫХ
(5–9, 14–15)
и ФАСОВЫХ
(20–22)
МУЖСКИХ ГОЛОВ

восходящими к македонской монетной типологии. Даже рисунок на одном из типов нашивных бляшек Мордвиновского кургана, который, казалось бы, вполне подходит под определение «голова сатира», в действительности изображает голову *человека*. На это указывает тот факт, что петля овальной формы, долженствующая обозначать ухо, практически демонстративно развернута по горизонтали, а не вытянута вперёд и вверх, как на пантикапейских монетах (ср. рис. 1, 11 и рис. 2, 1–4, 10–13). Точнее, здесь не столько подчёркивается человеческая природа персонажа, сколько демонстрируется то, что он не сатир.

На данный момент насчитывается почти два десятка погребальных комплексов, в которых были обнаружены нашивные бляшки «филипповского» типа:

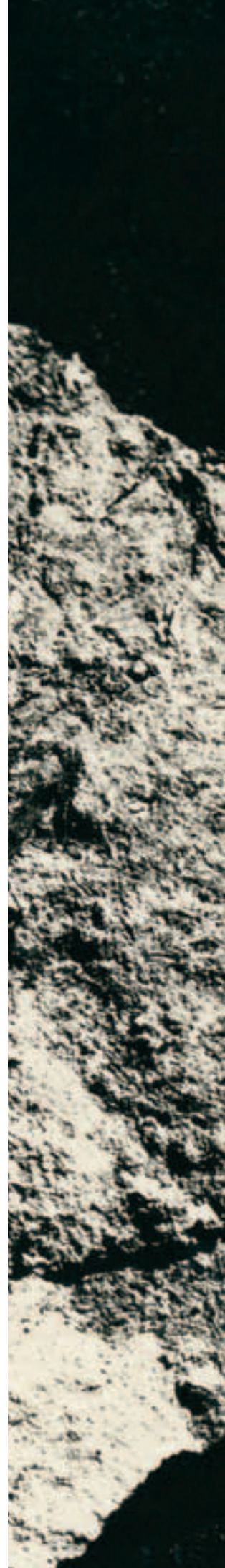
1. КУРГАН ТАЩЕНАК. ВПУСКНАЯ ЗАПАДНАЯ ГРОБНИЦА, с. Новониколаевка, Мелитопольский р-н, Запорожская обл. Начало второй четверти IV в. до н. э. (Полин 2014: 270, рис. 244, 6; см. рис. 1, 5).
2. КУРГАН ОГУЗ, «ЦЕНТРАЛЬНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ», пос. Нижние Серогозы, Херсонская обл. 350–345 гг. до н. э. (Полин 2014: 484, рис. 244, 1, 3).
3. *КУРГАН ОГУЗ, «СЕВЕРНАЯ МОГИЛА», пос. Нижние Серогозы, Херсонская обл. 350–340 гг. до н. э. (Полин 2014: 484, рис. 244, 2).
4. НИКОПОЛЬСКИЕ КУРГАНЫ (коллекция Б. И. и В. Н. Ханенко). IV в. до н. э. (Полин 2014: рис. 244, 4; см. рис. 1, 6).
5. *КУРГАН «ТАТЬЯНИНА МОГИЛА», с. Чкалово, Никопольский р-н, Днепропетровская обл. Ок. сер. IV в. до н. э. (Мурзін и др. 1993: 100; Полин 2014: рис. 244, 7–8; см. рис. 1, 7).
6. КУРГАН «ДЕНИСОВА МОГИЛА», окрест. г. Орджоникидзе, Днепропетровская обл. Ок. 330/325 — рубеж IV–III вв. до н. э. (Алексеев 2003: 277; Полин 2014: рис. 244, 9–10).
7. КУРГАН ЧЕРТОМЛЫК, «ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГРОБНИЦА», окрест. г. Орджоникидзе, Днепропетровская обл. Возможно, 350–345 гг. до н. э. (Полин 2014: 449, рис. 244, 11–12; см. рис. 1, 8–9).
8. *ПЕРВЫЙ МОРДВИНОВСКИЙ КУРГАН, окрест. г. Каховка, Херсонская обл. 340–315 гг. до н. э. (Алексеев 2003: 277; Полин 2014: рис. 244, 13–14, 17–18; см. рис. 1, 10–11). [Около середины IV в. до н. э. См. статью С. Ю. Монахова и С. В. Полина в этом сборнике].
9. *ДЕЕВ КУРГАН, пос. Нижние Серогозы, Херсонская обл. 350–340 гг. до н. э. (Полин 2014: 432, рис. 244, 19; см. рис. 1, 12).
10. *МЕЛИТОПОЛЬСКИЙ КУРГАН, ПОГРЕБЕНИЕ № 1. г. Мелитополь, Запорожский р-н. В пределах 350–345 гг. до н. э. (Полин 2014: 475, рис. 244, 20–21; см. рис. 1, 13).

МОНЕТОВИДНЫЕ НАШИВНЫЕ БЛЯШКИ
ИЗ МОРДВИНОВСКОГО КУРГАНА

11. КУРГАН №2, ПОГРЕБЕНИЕ №2, УРОЧИЩЕ НОСАКИ,
с. Балки, Васильевский р-н, Запорожская обл. Вторая половина IV в.
до н. э. (Болтрик 1998: 90; Бидзиля и др. 1977: 178, рис. 7, 16).
12. КУРГАН ВЕРХНИЙ РОГАЧИК, ВПУСКНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ,
Верхнерогачикский р-н, Херсонская обл. Ок. 330/325 — рубеж IV–
III вв. до н. э. (Алексеев 2003: 277; Полин 2014: рис. 244, 5).
13. ЗОЛОТАЯ БАЛКА, КУРГАН №22,
с. Золотая балка, Нововоронцовский р-н, Херсонская обл. Не позднее
начала третьей четверти IV в. до н. э. (Полин 2014: 180, 503, рис. 244,
22; см. рис. 1, 14).
14. ВЫВОДОВО, КУРГАН №92, ПОГРЕБЕНИЕ №1,
с. Выводово, Томаковский р-н, Днепропетровская обл. Конец второй —
начало третьей четверти IV в. до н. э. (Полин 2016: 71, рис. 2, 23).
15. *КУРГАН МАЛЫЙ ОГУЗ,
пос. Нижние Серогозы, Херсонская обл. 350–340 гг. до н. э. (Полин
2014: 476, рис. 244, 24–25; см. рис. 1, 15).
16. КУРГАН №8, ПОГРЕБЕНИЕ 1,
ПЕСОЧИНСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК,
с. Песочин, Харьковский р-н, Харьковская обл. Конец третьей /начало
четвёртой четверти — самый конец IV в. до н. э. (Бабенко 2005: 163,
рис. 7, 16; Полин 2014: рис. 244, 26–27).
17. НОВНИКОЛАЕВКА, КУРГАН №11,
с. Новониколаевка, Мелитопольский р-н, Запорожская обл. В преде-
лах второй четверти IV в. до н. э. (Полин 2014: 369, рис. 244, 28–29;
см. рис. 1, 16).
18. АЛЕКСАНДРОПОЛЬСКИЙ КУРГАН,
Солоньянский район, Днепропетровская обл. 340–330 гг. до н. э. (Полин
2014: 179, 499, рис. 244, 30–31).
19. 8-Й ПЯТИБРАТНИЙ (ЕЛИЗАВЕТОВСКИЙ) КУРГАН,
близ станицы Елизаветовской, Азовский р-н, Ростовская обл. ок. 345 г.
до н. э. (Полин 2014: 476, рис. 244, 32–33; см. рис. 1, 77).

При просмотре предлагаемой подборки мы сталкиваемся с одной из особенностей Мордвиновского кургана: здесь присутствуют «и добротные копии, и примитивные подражания в двух вариантах» (Полин 2014: 179; см. рис. 1, 10–11). Сходную картину мы наблюдаем только в Чертомлыке, правда, вторую разновидность бляшек должно охарактеризовать, скорее, как переходный тип от «добротных» к «примитивным» (рис. 1, 8–9). Как правильно заметил С. В. Полин, такая ситуация вполне однозначно указывает, что «степень стилизации вовсе не свидетельствует о более поздней датировке стилизованных изображений в сравнении с реалистичными» (Полин 2014: 179).

Как представляется, причину подобной разноросортицы можно объяснить следующим образом — скорее всего, такие вещицы находились не в свободной продаже, а производились под заказ. Тогда вполне вероятно, что в случае с Мордвиновским курганом «заказчики» оказались ограничены во времени

и были вынуждены обратиться ко всем, кто мог изготовить такого рода продукцию, невзирая на качество. Не исключено, что поделки низкого качества были сделаны скифскими ремесленниками. Впрочем, предлагаемая реконструкция событий не более чем гипотеза.

Вернёмся к фактической стороне исследования. Так, С. В. Полин причислил к «филипповскому» типу ещё один вид бляшек из Мордвиновского кургана — «голова бородатого мужчины влево» (рис. 2, 5), сочтя их просто зеркальным подражанием (Полин 2014: 179)². В свою очередь, должны указать на ошибочность подобного определения.

Если согласится с интерпретацией С. В. Полина, то вызывает недоумение, что такого рода изображения (т. е. поворот головы влево) представлены одним единственным типом. Однако при ближайшем рассмотрении материала выясняется, что мордвиновская бляшка является всего лишь несколько более «окультуренной» версией бляшки из Червоноперекопского кургана № 5 (рис. 2, б), тип которой в свою очередь явно восходит к пантикапейской монетной типологии.

На сегодняшний день известны несколько типов бляшек, которые можно безоговорочно отнести к подражанию боспорской чеканке:

1. **«Голова бородатого сатура влево»**
(среди монет ближайшие аналогии см. напр. рис. 2, 1–4).
 - а) *ПЕРВЫЙ МОРДВИНОВСКИЙ КУРГАН,
окрест. г. Каховка, Херсонская обл. 340–315 гг. до н. э. (Алексеев 2003: 277; см. рис. 2, 5). [Около середины IV в. до н. э. См. статью С. Ю. Монахова и С. В. Полина в этом сборнике].
 - б) ЧЕРВОНОПЕРЕКОПСКИЙ КУРГАН № 5,
Красный Перекоп, ныне с. Вільна Україна, Каховский р-н, Херсонская обл. Сер. IV в. до н. э. (Лесков 1974: рис. 59; Полин 2014: 525–527³; см. рис. 2, б).
2. **«Голова бородатого сатура в венке влево»**
(среди монет ближайшие аналогии см. напр. рис. 2, 3, 4).
 - а) *КУРГАН МАЛЫЙ ОГУЗ,
пос. Нижние Серогозы, Херсонская обл. 350–340 гг. до н. э. (Полин 2014: 476; он же 2016: рис. 1, 5; см. рис. 2, 7).
 - б) *МЕЛИТОПОЛЬСКИЙ КУРГАН, ПОГРЕБЕНИЕ № 1.
г. Мелитополь, Запорожский р-н. В пределах 350–345 гг. до н. э. (Полин 2014: 475, рис. 244, 20–21; см. рис. 2, 8).
 - в) Происхождение неизвестно. Вторая половина IV в. до н. э. (Терещенко 2012: 132, рис. 3, б; см. рис. 2, 9).

2 В качестве дополнения отметим, что в монетном геле Македонского царства присутствуют и такого вида монеты (см. рис. 1, 4). Однако их выпуск относится к 323–315 гг. до н. э.

3 Конкретно о кургане № 5 у С. В. Полина информации нет, но учитывая его датировку для других погребений этого могильника, решено взять за основу середину IV в. до н. э.

3. **«Голова безбородого сатура в венке вправо»**
(среди монет ближайшие аналогии см. напр. рис. 2, 11).
- а) КУРГАН КАМЕНСКАЯ БЛИЗНИЦА,
с. Каменка, Апостоловский р-н, Днепропетровская обл. Третья четверть
IV в. до н. э. (Андросов, Мухопад 1987: 65, рис. 5; Полин 2014: 500).⁴
4. **«Голова безбородого сатура вправо»**
(среди монет ближайшие аналогии см. напр. рис. 2, 10, 12, 13).
- а) *ДЕЕВ КУРГАН,
пос. Нижние Серогозы, Херсонская обл. 350–340 гг. до н. э. (Полин
2014: 432; см. рис. 2, 14).
- б) КУРГАН «ПЕРВЫЙ» У ДЕР. ШУЛЬГОВКА,
ныне Новониколаевка, Мелитопольский р-н, Запорожская обл. Не ранее
330-х гг. до н. э. (Алексеев 2006: 46; см. рис. 2, 15).
5. **Фигурные бляшки «голова борогатого сатура в фас».**
Строго говоря, данная разновидность не подпадает под категорию моне-
товидных бляшек, тем не менее, истоки этого образа, несомненно, берут
начало в пантикапейской чеканке (см. рис. 2, 16–19).
- а) *КУРГАН ОГУЗ, «СЕВЕРНАЯ МОГИЛА»,
пос. Нижние Серогозы, Херсонская обл. 350–340 гг. до н. э. (Полин
2014: 484; см. рис. 2, 20).
- б) НАХОДКА 1853 г.
на «ХОЛМЕ БЛИЗ НЫНЕШНЕЙ ФЕОДОСИИ».
Конец IV — начало III вв. до н. э. (Отчёт ИАК за 1875: 31; см. рис. 2, 21).
- в) БОЛЬШАЯ БЛИЗНИЦА, СКЛЕП № 1,
окрест. станции Вышестеблиевской, Краснодарский край. В пределах вто-
рой — третьей четвертей IV в. до н. э. (Полин 2014: 486; см. рис. 2, 22).
6. **«Рогатый львиноголовый грифон с крыльями,
стоящий на колесе».**
Этот последний тип — практически полная копия реверса пантикапей-
ских золотых статеров (рис. 2, 1, 3, 4, 17).
- а) *КУРГАН МАЛЫЙ ОГУЗ,
пос. Нижние Серогозы, Херсонская обл. 350–340 гг. до н. э. (Полин
2014: 476; он же 2016: рис. 1, 7).
- б) *КУРГАН «ТАТЬЯНИНА МОГИЛА»,
с. Чкалово, Никопольский р-н, Днепропетровская обл. ок. середины
IV в. до н. э. (Мурзин и др. 1993: 100, рис. 4, 9; Полин 2016: рис. 1, 9;
см. рис. 1, 18).

Как видим, Мордвиновский курган входит в небольшую группу памятников
(в списках они отмечены звёздочками), содержащих как «филипповские», так
и «пантикапейские» типы бляшек, что выделяет его среди остальных скифских

4 А. В. Андросов и С. Е. Мухопад, опубликовавшие этот вид бляшек, интерпретировали изо-
бражение как голову Диониса (Андросов, Мухопад 1987: 70).

курганов. Следует также обратить внимание на то, что из отмеченных нами шести погребений, где присутствует подобное смешение, четыре находятся сразу за, так сказать, «воротами» в Крым, в Херсонской области: это собственно Мордвиновский курган, Деев курган, Малый и Большой Огузы. В соседней Запорожской области — Мелитопольский курган и дальше всех на севере расположен курган «Татьянина могила» (Днепропетровская область).

Здесь совершенно отчётливо прослеживаются два потока культурного влияния на Скифию: с северо-запада (Македония) и юга (Боспорское царство). В связи с этим возникает закономерный вопрос — где же производились бляшки «филипповского» типа? Грубые подражания, как уже говорилось, могли изготавливаться самими скифами, но такие превосходные экземпляры, какие мы наблюдаем в Тащенаке (рис. 1, 5) явно сработаны в другом месте, и вряд ли это были пантикапейские мастерские. Согласно имеющейся у нас информации, в курганах, находившихся на территории Боспора Киммерийского, как и в ближайших к нему сопредельных землях, не было обнаружено ни одной бляшки, подражающей македонским монетам. Таким образом, можно вполне уверенно полагать, что хорошего качества бляшки «филипповского» типа производились, скорее всего, на западе, возможно, на территории Фракии.

Завершая наш краткий обзор по нашивным бляшкам погребальных уборов скифских курганов, можно сказать, что изображение мужских голов в духе македонской или боспорской монетной типологии обуславливалось не только модой, но и степенью связей скифов с этими государствами в определённые периоды. Спрос же на эти вещицы гарантировался самим характером религиозно-мифологических воззрений скифского общества, поскольку образ *мужской* головы (человека или сатира) символизировал сакральную жертву, взимаемую Великой богиней (см. Шауб 2007а: 89–99). Великолепной иллюстрацией данной гипотезы выступают фигурные золотые бляшки из Куль-Обы, изображающие змееногую богиню, которая держит за волосы бородатую голову (см. рис. 1, 19). Весьма любопытно, что все захоронения с бляшками с изображениями персонажей мужского пола в профиль, в которых удалось идентифицировать пол усопшего (в их числе и Первый Мордвиновский курган), — женские. Отсюда можно предположить, что могилы, в которых были обнаружены бляшки подобного вида (а среди таковых по нашему списку насчитывается уже 24 погребения), скорее всего, служили усыпальницами служительниц культа Великой Матери из семей скифской знати.

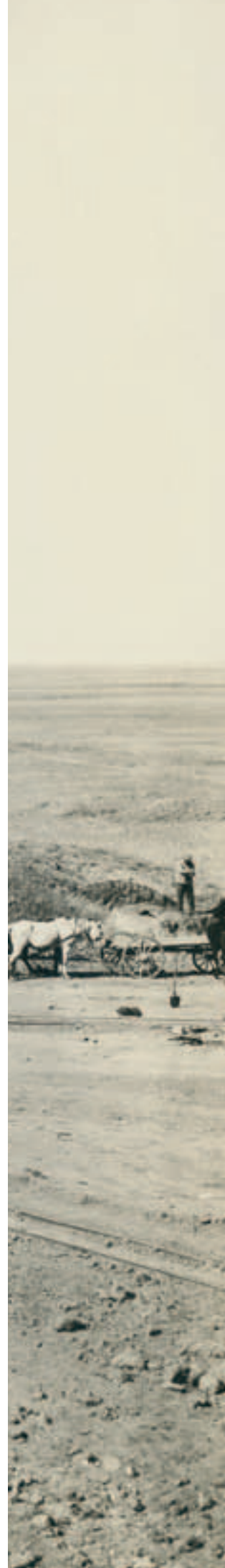
НАШИВНЫЕ БЛЯШКИ-АППЛИКАЦИИ И ДРУГИЕ УКРАШЕНИЯ ИЗ МОРДВИНОВСКОГО КУРГАНА

Нашивные бляшки.

Общеизвестно, что золотые бляшки-аппликации являются самой многочисленной категорией находок в погребениях скифской элиты (Алексеев 1986б: 64; Boardman 1994: 212; Фиалко 2003: 124). Эти находки важны для изучения самых разных аспектов материальной культуры кочевников: реконструкции костюма и погребального убранства, вопросов семантики, уточнения датировки комплексов и др. В Первом Мордвиновском кургане была обнаружена целая серия бляшек-аппликаций (Отчёт ИАК за 1913–1915 гг.: 229–243), они украшали одежду погребённых как в основных, так и в боковой гробницах¹. К сожалению, на основе имеющихся в нашем распоряжении данных трудно установить, какое количество аппликаций каждого типа можно соотнести с конкретными комплексами. Бляшки из основных, ограбленных гробниц (а также другие небольшие золотые украшения), были представлены на фотографии в предварительной публикации Н. Е. Макаренко (Макаренко 1916: 5); негатив этого снимка хранится в архиве ИИМК РАН (рис. 1).

Об аппликациях, найденных в боковой камере, мы можем судить по описанию, приведённому в статье Н. Е. Макаренко, а также на основании изображений, представленных на двух отпечатках с негативов из Научного архива ИИМК РАН. В оставшейся неограбленной боковой камере были обнаружены два женских костюма, девушки 15–17 лет и «служанки». Автор раскопок при этом отмечал, что «главный костюм <...> был богато украшен золотыми предметами. По-видимому, конический головной убор покрыт круглыми

1 В 2020 г. появилось предварительное сообщение Л. И. Бабенко о том, что в коллекции Харьковского исторического музея им. Н. Ф. Сумцова ему удалось выявить 27 бляшек, происходящих из Первого Мордвиновского кургана, которые, как и все прочие вещи из этого памятника, ранее считались утраченными (Бабенко 2020: 6). В статье, изданной в 2021 г. (Бабенко 2021) они были возвращены в научный оборот.

золотыми бляшками <...> Короткая верхняя одежда, в которой находилась покойница, обшита золотыми бляшками с изображением розеток, масок, зверей» (Макаренко 1916: 5–6). К сожалению, в эту публикацию автор не включил иллюстрации, на которых были бы представлены бляшки-аппликации из боковой камеры. Мы можем лишь предполагать, что некоторые разновидности бляшек из неё аналогичны тем, которые происходили из основных гробниц. Очевидно, это относится к бляшкам «... с изображением <...> масок, зверей», которые, вероятно, были близки представленным на рис. 1. В двух негативах из хранения Научного архива ИИМК РАН можно видеть бляшки, обнаруженные при расчистке погребения молодой девушки. На одном из них представлены мелкие бляшки с изображением человеческого лица в фас, возможно, стилизованной маски Медузы (рис. 2, 1), бляшки в виде розеток (рис. 2, 2) и прямоугольные бляшки с изображением сидящей на троне богини и стоящего перед ней скифа, а также бляшки в виде розеток (рис. 2, 3), на другом — запечатленные *in situ* остатки конического головного убора, украшенного бляшками круглой формы с изображением мужской головы в профиль (рис. 3). Венчала головной убор золотая фигурка птицы, сидящей на бутоне (Лесков 1974: 51, рис. 40; Клочко 1993: рис. 1).

Л. И. Бабенко недавно выделил среди материалов, возвращенных в Харьковский исторический музей им. М. Ф. Сумцова в 1944 г., аппликации с изображением мужской головы вправо и влево (Бабенко 2021: 52–53, 77, рис. 1, 2). Значительная часть бляшек из Первого Мордвиновского кургана, переданных в музей из Эрмитажа, происходила из неграбленного бокового женского погребения и, по-видимому, и приведенные в публикации соотносятся с материалами женского захоронения.

Стилистическая близость золотых бляшек-аппликаций из Мордвиновского кургана, как было справедливо отмечено в предыдущих главах работы, свидетельствует об их близких датировках, а, значит, позволяет предполагать, что основные и боковое захоронение кургана были совершены в пределах относительно короткого временного интервала. К сожалению, о художественных особенностях бляшек мы можем судить только по сохранившимся снимкам. На основании формы и представленных сюжетов бляшки из Первого Мордвиновского кургана можно разделить на четыре категории: 1) бляшки с антропоморфными изображениями; 2) бляшки с зооморфными изображениями; 3) розетки разных типов; 4) крестовидные бляшки, 5) треугольники, украшенные псевдозернью.

Бляшки из основных гробниц кургана.

I. БЛЯШКИ С АНТРОПОМОРФНЫМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ.

Они представлены несколькими разновидностями.

Ia.

Две круглые бляшки с изображением головы Афины (?) в шлеме (рис. 1, 24). На шее богини ожерелье из крупных бусин. По периметру «рубчик» и 4 отверстия для нашивания, 2 в нижней и 2 в верхней части бляшки. Несмотря на то, что изображения Афины широко представлены на изделиях греко-скифской

1/1

17919

Рис. I.
 БЛЯШКИ И МЕЛКИЕ
 ЗОЛОТЫЕ УКРАШЕНИЯ
 из центральной
 гробницы.
 ФО НА ИИМК РАН,
 нег. II 37857

Рис. 2.
ЗОЛОТЫЕ БЛЯШКИ
из боковой гробницы.
ФО НА ИИМК РАН,
нег. III 13228

Рис. 3.
ОСТАТКИ
ГОЛОВНОГО УБОРА
из боковой гробницы.
ФО НА ИИМК РАН,
нег. III 13230

торевтики (Грибкова 2008), точных аналогий изображению из Мордвиновского кургана обнаружить не удаётся. Наиболее близким является изображение богини на прямоугольной бляшке из кургана Огуз (Фиалко 2003: 125, рис. 1, 2). Можно также привести в качестве аналогии изображение головы Афины в шлеме на бляхе, украшавшей конскую упряжь из Александропольского кургана (Онайко 1970: табл. 25, кат. 429а).

16.

Круглые бляшки с изображением мужской головы в профиль. По краю бляшек — ободок из псевдозерни и отверстия для нашивания, по 3 или 4 на каждой (рис. 1, 15, 16, 19–21, 23, 25, 26). Судя по сохранившейся фотографии, такие бляшки украшали и головной убор девушки, погребенной в боковой камере (рис. 3). Среди бляшек с изображением мужской головы в профиль из Мордвиновского кургана можно выделить 3 варианта.

На бляшках первого варианта этого типа (рис. 1, 19, 23, 26) представлена голова бородатого мужчины вправо. У мужчины аккуратно расчесанная, хорошо проработанная прическа и небольшая борода. Вероятно, эти бляшки были изготовлены при помощи разных штампов. Детали хорошо проработаны; это самое «эллинизированное» изображение, выполненное в канонах греческого искусства.

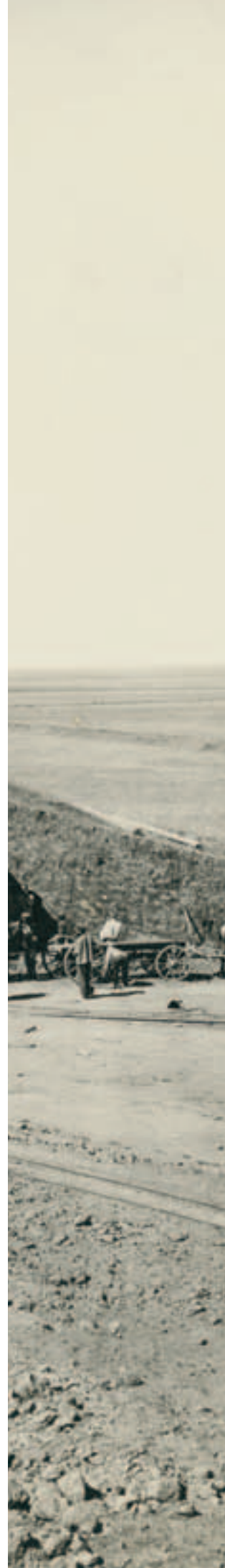
Ко второму варианту можно отнести бляшки с изображением мужской головы влево (рис. 1, 20, 21, 25). Эти экземпляры также были выполнены при помощи разных штампов. У мужчины, представленного на бляшках, длинная «струющаяся» борода, длинные волосы, переданные рельефными «валиками».

К третьему варианту можно отнести бляшки с изображением мужской головы вправо (рис. 1, 15, 16). По сравнению с двумя предыдущими вариантами изображение на них сильно стилизовано. У мужчины на бляшках большие овальные глаза и уши. Небольшая борода и волосы переданы узкими «рубчиками». Характер изображения, демонстрирующий схематичность, грубость передачи деталей, делает возможным предположение о негреческом производстве бляшек этого вида, возможно, выполненных в варварской среде в подражание популярной серии аппликаций.

Среди бляшек этой серии, известных по находкам в скифских курганах классического времени, этим изображениям нет близких аналогий. Похожим образом трактованы глаза и борода на бляшках с изображением мужской головы вправо из Деева кургана (Алексеев 2012: 238) и на бляшке из коллекции П. А. Маврогордато, хранящейся в Британском музее (Айсфельд 2014: рис. 18а)². Напоминают мордвиновские и сильно стилизованные изображения на бляшках из Александропольского кургана (Полин, Алексеев 2018: 564, кат. 112).

Специфический тип нашивных бляшек с изображением мужских голов (как бородатых, так и безбородых) получает распространение в Скифии

2 Считается, что она происходит из Ольвии, как и многие экспонаты из этой частной коллекции, однако близость изображения изображению на бляшке из Деева кургана (Айсфельд 2014: рис. 18б) даёт основание сомневаться в ольвийском происхождении находки.

приблизительно с 340–330 гг. до н. э. Отмечено, что подобные изображения «... в большинстве случаев <...> воспроизводят, иногда довольно точно, головы бородатых и безбородых сатиров с лицевой стороны монет Боспорского царства» (Алексеев 2012: 238). В качестве же «исходных образцов», вероятно, служили серебряные тетрадрахмы Филиппа II (Алексеев и др. 1991: 117). Круглые бляшки двух вариантов с изображением бородатой мужской головы вправо были обнаружены в северо-восточной камере кургана Чертомлык (Алексеев 1986: кат. 24; Алексеев и др. 1991: 250, кат. 212.22), кургане Татьяна Могила (Мурзин и др. 1993: 89–90, рис. 4, 5), Деевом кургане (Алексеев 2012: 238). Аппликация с изображением мужской головы вправо хранилась в коллекции Б. Н. и В. Н. Ханенко (находки из «Никопольских курганов», Величко, Полидович 2018: 142, кат. 3, рис. 1, 3). Бляшки с изображением мужской бородатой головы вправо двух вариантов происходят из Северной камеры кургана Огуз (Фиалко 2003: 130, рис. 1, 4, 5, кат. 4, 5); было установлено, что при изготовлении бляшек было использовано 8 разных штампов. Это, очевидно, свидетельствует о большой популярности бляшек этого вида. Наиболее стилизованный вид среди всех известных экземпляров этой серии имеют изображения на бляшках из Александропольского кургана (находки 1853 г.), где мужская голова представлена вправо (Полин, Алексеев 2018: 564, кат. 112, рис. 287, 112).

Круглые бляшки с изображением бородатой мужской головы влево встречаются гораздо реже. Кроме комплексов Мордвиновского кургана, они известны в материалах основного погребения гробницы 1 Мелитопольского кургана (Тереножкин, Мозолевский 1988: 87, рис. 95, 13). На мелитопольских бляшках на голове мужчины изображена «повязка с зубчатой обивкой» (диадема?). «Зубцы обивки направлены вверх и придают повязке вид короны» (Там же: 87).

Примечательно, что в погребениях Первого Мордвиновского кургана было встречено самое большое количество разновидностей подобных изображений по сравнению с другими известными нам погребениями скифской элиты. Интересно и то, что здесь были обнаружены бляшки, на которых мужская голова представлена влево (рис. 1, 20, 21, 25), что встречается достаточно редко. По-видимому, по крайней мере, 2 штампа, при помощи которых были изготовлены бляшки этих типов, известны лишь по материалам этого памятника.

1в.

Небольшие круглые бляшки двух типов с изображением лица в фас, по краям — рельефный ободок псевдозерни.

На первых, более крупных (рис. 1, 2, 4; 2, 1), представлены стилизованные изображения маски Медузы. По периметру рельефный валик, в верхней и нижней части по отверстию для нашивания. В Мордвиновском кургане такие бляшки входили в состав инвентаря как основных (или одного из них), так и неограбленного бокового погребения. Изображения Медуз часто встречаются в инвентаре «богатых» скифских погребений Северного Причерноморья. Бляшка, стилистически близкая мордвиновским, найдена в юго-западной камере Чертомлыка, в составе погребального инвентаря «северного воина»,

она принадлежала его головному убору (Алексеев и др. 1991: 170–172, кат. 78). Похожие бляшки происходят из центральной могилы кургана Кара-Тюбе (Болтрик 1993: 192, рис. 6). Ряд похожих по характеру изображения круглых и овальных бляшек происходит из северо-восточной камеры кургана (Там же: 248–249, кат. 212, 16–18). 29 похожих бляшек происходят из Северной могилы кургана Огуз (Фиалко 2003: рис. 1, 8). Похожая бляшка была найдена в кургане Денисова Могила (Мозолевский 1980: 133, рис. 68, 6).

Известны они и в аристократических комплексах Прикубанья. Бляшки с изображением женского лица, черты которого переданы в манере, сближающими их с мордвинскими, были обнаружены в мужском погребении, совершенном в каменном ящике в среднем кургане 1 на Васюринской горе (Власова 2010: 241–242, рис. 112). Небольшие бляшки с изображением головы Медузы происходят из женской гробницы кургана Карагодеуашх (Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894: табл. III, 2, 3), кургана у с. Ивановка (Анфимов 2011: 137).

Ко второму типу относятся 36 мелких бляшек с изображением человеческого лица в фас с крупными выпуклыми глазами и ртом (рис. 1, 1, 5). По краю — орнамент из псевдозерни, с боков пробиты дырочки для нашивания. Бляшки небольших размеров с изображением «личин» часто встречаются в погребальных комплексах скифской элиты классического времени. Такие бляшки были найдены в Северной могиле кургана Огуз (Фиалко 2003: 130, рис. 1, 7), Чертомлыка (Алексеев 1986: 70, кат. 39), гробнице 1 Мелитопольского кургана (Тереножкин, Мозолевский 1988: рис. 95, 10), при раскопках Александропольского кургана (Полин, Алексеев 2018: 563, кат. 107, рис. 287, 107) и в других комплексах.

II. БЛЯШКИ С ЗООМОРФНЫМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ

К ним относятся небольшие бляшки в виде сильно стилизованного кошачьего хищника («пантеры»), припавшего на задние лапы, происходящими из основных гробниц кургана (рис. 1, 6, 7). Они представлены двумя вариантами: на одном животное обращено вправо, на другом — влево. У хищников квадратные морды, уши и хвосты переданы в виде петель. Концы передних лап соединены и также образуют петлю. Вероятно, эти три петли служили для нашивания бляшек на основу. Передняя часть тела хищников покрыта рельефными вдавленными «точками», по-видимому, имитирующими пятна, ограниченные рельефными «поясками» в средней части туловища, передающими мускулатуру. Бляшки в виде «пантер» встречаются в инвентаре курганов скифской элиты. Они служили украшением одежды и женских головных уборов (Клочко 2000). Достаточно распространен и прием передачи пятен на теле «пантер» в виде округлых углублений. Таких животных можно видеть на золотом «конусе» из Братолюбовского кургана (Бессонова 2011: рис. 4, 1, 2), ажурной золотой бляшке из кургана 5 Архангельская Слобода (Бессонова 2011: рис. 5, 1), бляшке из Красноперекопского кургана (Лесков 1974: 69). По мнению С. С. Бессоновой, такие кружки на теле хищников, передающие пятнистые шкуры, подчеркивают их принадлежность к семейству кошачьих (Бессонова 2011: 55). По манере передачи фигуры животного бляшки из Мордвинского кургана близки к бляшкам,

представляющим «льва влево», из Александропольского кургана (Полин, Алексеев 2018: 566, кат. 107, рис. 288, 179). Ю. Б. Полидович поместил «пантер» из Первого Мордвиновского кургана в круг аналогий кошачьим хищникам на ажурных пластинках из Мелитопольского кургана (Полидович 2017: рис. 1).

III. БЛЯШКИ В ВИДЕ РОЗЕТОК РАЗНЫХ ТИПОВ

К этой категории относятся крупные бляшки в виде восьмилепестковых розеток и бляшки в виде «вихревых» розеток.

IIIa.

Бляшки в виде восьмилепестковых розеток были найдены как в материалах потревоженных грабителями центральных погребений (рис. 1, 8, 10), так и в составе инвентаря непотревоженного бокового женского захоронения (рис. 2, 2). В центре розетки — выпуклая полусферическая поверхность, обрамленная выпуклым пояском псевдозерни и гладким рельефным валиком, по краям — 4 отверстия для нашивания. Бляшки-аппликации в форме розеток достаточно часто встречаются в погребениях скифской элиты IV в. до н. э., где они служили украшениями погребальной одежды. Наибольшую близость мордвиновским аппликациям демонстрируют бляшки в форме восьмилепестковой розетки из гробницы 1 Мелитопольского кургана (Тереножкин, Мозолевский 1988: 94, кат. 47, рис. 98, 12). Девятилепестковая розетка из Уляпского кургана с выпуклой полусферой в центре также имеет сходство с бляшками-розетками из Мордвиновского кургана (Erlich 2007: 211, Taf. 9).

Большинство известных многолепестковых бляшек-розеток, в отличие от мордвиновских, имеют не 8, а 9 лепестков, как, например, бляшки из Чертомлыка (Алексеев 1986: 156, кат. 14; 2012: 227), Толстой Могилы (Мозолевский 1979: 39, рис. 22, 6, 7), Центральной гробницы Александропольского кургана (Полин, Алексеев 2018: 540, кат. 31, рис. 275, 31), Куль-Обы (Копейкина 1986: 151, кат. 16, 16а), Татьяниной Могилы (Мурзин и др. 1993: рис. 4, 1). Бляшка-аппликация в виде девятилепестковой розетки хранится в собрании ювелирных изделий Исторического музея (происхождение неизвестно) (Журавлёв и др. 2014: табл. 13, 22, кат. 71). Иногда такие бляшки украшались большим количеством лепестков, как, например, бляшки в виде двуслойной розетки из гробницы 1 Мелитопольского кургана (Тереножкин, Мозолевский 1988: 94, кат. 46, рис. 91, 9, 101, слева).

IIIб.

Из разрушенных основных захоронений кургана происходят два вида бляшек в виде «вихревых» розеток: на одном спиралевидные лепестки «закручены» по часовой стрелке (рис. 1, 22), а на другом — против (рис. 1, 3). По краям пробиты по 3 отверстия для нашивания.

Похожие типы бляшек в виде «вихревых» розеток происходят из Северной могилы Огуза (Фиалко 2003: 131–132, рис. 3, 31а, 31б), на бляшках первого типа лепестки «закручены» вправо, на бляшках второго типа — влево, как и на аппликациях из Мордвиновского кургана. Е. Е. Фиалко среди аналогий приводит также находки из курганов Курджипс, Носаки и Кара-Тюбе (Там же: 132). Две бляшки в виде «вихревых» розеток из центральной гробницы кургана

Кара-Тюбе в северо-восточном Приазовье, как и бляшки из Первого Мордвиновского кургана и Огуза, можно отнести к разным видам — на одной из них лепестки «закручены» вправо, на другой — влево (Болтрик 1993: 192, рис. 6). Бляшка в виде вихревой розетки, лепестки которой обращены против часовой стрелки, происходящая из коллекции А. С. Уварова, хранится в Историческом музее в Москве (Журавлёв и др. 2017: табл. 15, кат. 91).

IV. КРЕСТОВИДНЫЕ БЛЯШКИ

К этой категории относится бляха в виде четырехлепестковой розетки, образованной четырьмя полусферическими бляшками, соединенными с центральной полусферической бляшкой такого же размера (рис. 1, 12). В литературе их обычно называют крестовидными бляхами, и мы здесь прибегнем к общепринятому обозначению, хотя, на наш взгляд, типологически правильнее было бы относить такие бляшки к разновидности розеток. Похожие бляшки были обнаружены в камере V Чертомлыка (Алексеев и др. 1991: рис. 78, кат. 212.4), женском погребении кургана Толстая Могила (Мозолевский 1979: 131, рис. 113, 4), дромосе 4 южной могилы кургана Гайманова Могила (Бидзиля, Полин 2012: 157, рис. 226, 20, 21, кат. 302), Восточной и Центральной могилах Бердянского кургана (Фиалко 2014: 55, рис. 1, 5; Мурзин и др. 2017: кат. 11, 140;), центральной гробнице кургана Желтокаменка (Мозолевский 1982: рис. 37, 19), Александропольском кургане (Полин, Алексеев 2018: 541, кат. 41, рис. 275, 34), курганах Татьяна Могила (Мурзин и др. 1993: 89–90, рис. 4, 6), Денисова Могила (Мозолевский 1980: 133, рис. 68, 3) и других. Известны они и в скифских погребениях Лесостепи (Грибкова 2009: 37, рис. 1, 5).

V. ТРЕУГОЛЬНЫЕ БЛЯШКИ, УКРАШЕННЫЕ ПСЕВДОЗЕРНЬЮ

Бляшки-аппликации в виде треугольников, украшенных горизонтальными рядами округлых или треугольных выпуклостей — псевдозернью, происходят из инвентаря разрушенных основных погребений кургана (рис. 1, 14, 17). В углах пробито по отверстию для нашивания. Бляшки этого типа были чрезвычайно широко распространены в скифских аристократических погребениях. Они существуют во множестве типов, выделяемых на основании размеров, пропорций и орнаментации. Такие бляшки украшали парадную женскую и мужскую одежду. Форма их позволяла создавать орнаменты самых разных конфигураций. Так, например, на реконструкции, выполненной Л. С. Клочко, они украшали женский конический головной убор из Бердянского кургана (Клочко 2018: рис. 13), женский головной убор-«калаф» из «Большого кургана» Н. И. Веселовского (Клочко, Васина 2001: рис. 2, 3). Подобные аппликации были в изобилии нашиты на короткий кафтан женщины, погребенной в Центральной могиле Бердянского кургана (Фиалко 2014: 75, рис. 8). В Большом Рыжановском кургане они были помещены на головной убор-«калаф» женщины из Центральной могилы (Скорый, Хохоровски 2018: рис. 142, 145, 146), а также нашиты на платье женщины из Боковой могилы (Скорый, Хохоровски 2018: 181,

рис. 180; 186, рис. 187). А. П. Манцевич, отметив расположение треугольных бляшек вдоль ног погребенного мужчины в боковой камере Солохи (скелет В), предположила, что они, вероятно, были нашиты на шаровары (Манцевич 1987: 18–20, 66). Возможно, «универсальностью» применения треугольных бляшек в декоре парадной одежды можно объяснить широкое распространение и временные рамки бляшек этого типа. Они были обнаружены в северной и юго-восточной камерах, а также в камере V кургана Чертомлык (Алексеев 1986б: 70, 161, кат. 43; Алексеев и др. 1991: 250, кат. 212.36; отмечено, что бляшки из юго-восточной камеры, очевидно, относились или к головному убору, или к нагрудному сетчатому украшению). Такие аппликации найдены в центральной гробнице кургана Толстая Могила (Мозолевский 1979: 56, рис. 38, 2), кургане Чмырева Могила (Веселовский 1910: рис. 1; Бабенко 2015: рис. 3, 10), боковой гробнице кургана Верхний Рогачик (Отчёт ИАК за 1913–1915 гг.: 135, рис. 221; Бабенко 2015: рис. 3, 17), северной гробнице 1 кургана Гайманова Могила (Бидзиля, Полин 2012: 82, рис. 103, 2, кат. 175), Северной могиле Огуза (Фиалко 2003: рис. 3, 42, кат. 42), Центральной и Восточной могилах Бердянского кургана (Фиалко 2014: 55, рис. 1, 1–3; Мурзин и др. 2017: кат. 46; 109; 138), курганах 2 и 4 в уроч. Носаки (Бидзиля и др. 1977: рис. 5, 1; 11, 11), центральной гробнице кургана Желтокаменка (Мозолевский 1982: рис. 37, 16), Александропольском кургане (Полин, Алексеев 2018: 276, кат. 42, 43, рис. 276, 42, 43; 345, кат. 49, рис. 276, 49; 573, кат. 291, 292, рис. 290, 291, 292), Солохе (Манцевич 1987: 65–66, кат. 43), дромосе гробницы 1 Мелитиопольского кургана (Тереножкин, Мозолевский 1988: 42, 95–96, рис. 34, кат. 52–55), центральной гробнице кургана Кара-Тюбе (Болтрик 1993: 192, рис. 6), кургане 5 у с. Уляп (Erlich 2007: 211, Taf. 8) и других курганах степной зоны (Манцевич 1987: 66; Фиалко 2003: 132). Известны они и в скифских курганах Лесостепи (Грибкова 2008: 37, рис. 1, 7; 2010: 51–52, рис. 11).

На Боспоре треугольные бляшки, украшенные псевдозернью, были обнаружены в кургане Куль-Оба (Копейкина 1986: 63, кат. 38). Шесть таких бляшек хранятся в собрании Исторического музея (Журавлёв и др.: табл. 13, 22, кат. 59, 72, 73, 80–82), место их находки неизвестно (пять поступили из Румянцевского музея и собрания А. М. Раевской).

Бляшки из боковой гробницы.

Мы можем достоверно соотнести с инвентарем молодой женщины, погребенной в боковой гробнице, две разновидности аппликаций: с антропоморфными изображениями (рис. 2, 1, 3 и рис. 3), а также бляшки в виде розеток (рис. 2, 2).

I. БЛЯШКИ С АНТРОПОМОРФНЫМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ

Ia.

Небольшие круглые бляшки с изображением человеческого лица в фас, возможно, представляющие стилизованные маски Медузы (рис. 2, 1). Круглое лицо с крупным носом, круглыми полусферическими глазами и падающими на лоб

волосами, переданными косыми насечками. По краям рельефный бортик псевдозерни, вверху и внизу — по отверстию для нашивания. Близкими аналогиями этому изображению являются бляшки из курганов Чертомлык (Алексеев 1986б: 68, кат. 25) и Огуз (Фиалко 2003: рис. 1, 9). Похожие бляшки происходят и из других скифских курганов — Мелитопольского, Деева, Красноперекопского, Татьяниной Могилы, Бабиной Могилы и других (Фиалко 2003: 130).

16.

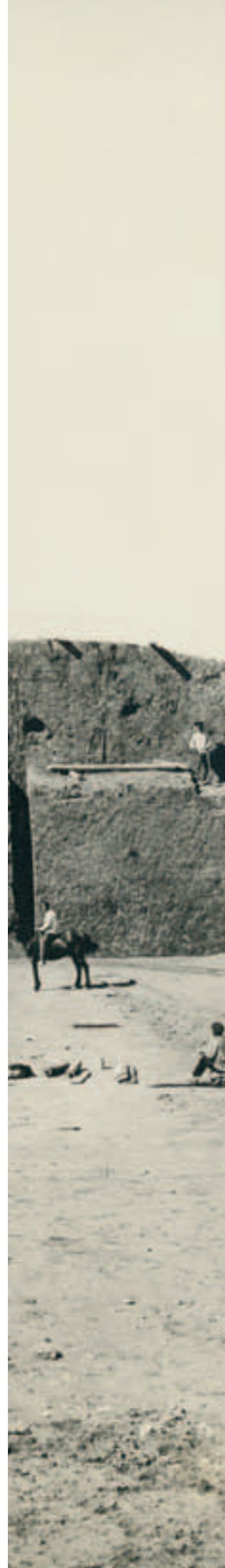
В неграбленном боковом женском захоронении были обнаружены десять четырехугольных бляшек с изображением сидящей на троне богини с зеркалом в руке и предстоящего перед ней скифа, пьющего из ритона (рис. 2, 3). Сцена обрамлена бортиком с «рубчиками» (псевдозернью), идущим по краям бляшек. Судя по имеющимся в нашем распоряжении фотографиям, изображение достаточно четкое, по-видимому, бляшки были выполнены достаточно новым, изношенным штампом.

Целая серия бляшек этого типа происходит из комплексов царских скифских курганов степной Скифии. Бляшки с этим сюжетом были обнаружены в камере 4 Чертомлыка (Алексеев 1986б: 69–70, кат. 36; Алексеев и др. 1991: рис. 75, кат. 212. 30), в тайнике гробницы 2 Мелитопольского кургана (Тереножкин, Мозолевский 1988: 135–136, рис. 149–150), Северной могиле кургана Огуз (1980 г.) (Фиалко 2003: 127–128, рис. 1, 1, кат. 1), Верхнем Рогачике (Отчёт ИАК за 1913–1915 гг.: 135, рис. 221), 4 Носаковском кургане (Бидзиля и др. 1977: 91–92, рис. 11, 13, 14). На Боспоре такие бляшки происходят из кургана Куль-Оба (Копейкина 1986: 41–42, кат. 6, 6а; Журавлёв и др. 2014: табл. 6, кат. 8, 62).

Характер изображения на бляшках этой серии позволяет предположить, что штампы для их изготовления использовались многократно и, возможно, подчищались (Копейкина 1986: 42), что ещё раз указывает на популярность этого сюжета в варварской аристократической среде. Отмечено, что бляшки из 4 Носаковского кургана «...можно отнести к одним из лучших, если не к самым хорошим по качеству изображениям — они выполнены свежим, не износившимся штампом» (Бидзиля и др. 1977: 92). К такому же заключению можно прийти, глядя на изображения бляшек из Мордвиновского кургана: они также демонстрируют четкость изображения, что свидетельствует о изношенности штампа, использованного для их изготовления.

По композиции бляшки из Первого Мордвиновского кургана наиболее близки бляшкам из Мелитопольского, Чертомлыцкого курганов и кургана Верхний Рогачик, а по штампу — бляшкам Куль-Обы, Огуза и 4 Носаковского кургана (Алексеев 1986б: 69–70).

За исключением бляшек из бокового погребения Мордвиновского кургана и кургана Верхний Рогачик, на всех остальных известных бляшках этого вида композиция помещена в «рамки» из ов. Это придает изделиям большую «пышность» и орнаментальность. На бляшках же из Мордвиновского кургана сцена с богиней и предстоящим ей скифом обрамлена лишь узким бортиком псевдозерни, а на бляшках из Рогачика «рамка» отсутствует. Эта особенность мордвиновских бляшек позволяет прийти к заключению, что для их изготовления

использовался штамп, известный пока что лишь для экземпляров из комплекса боковой гробницы.

Вероятно, бляшки, на которых были представлены богиня на троне и предстоящий перед ней скиф, могли украшать как женский, так и мужской парадный костюм. На предложенной Л. С. Клочко реконструкции убора «жреца» из Мелитопольского кургана бляшки с изображением сидящей богини и стоящего перед ней скифа показаны нашитыми на его головной убор и закреплены также в один ряд на лентах, идущих от затылочной части убора и спускающихся на его плечи (Клочко 2009: 177–179, рис. 4). Несомненно, наличие в погребениях бляшек-аппликаций с этим сюжетом является маркером, указывающим на высочайший социальный статус погребенных. Отмечено, что сюжет, представленный на бляшках этого типа, связан исключительно с территорией степного течения Днепра и «царскими» курганами этой области (Вахтина 2005: 395). В отдельных случаях такие находки позволяют высказывать предположение об особых, возможно, жреческих функциях, которыми были наделены погребенные. И комплекс «богатого» неграбленного женского захоронения Мордвиновского кургана, несомненно, дает основание для высказывания таких предположений. Найденные здесь бляшки могли быть частью сложного орнамента головного убора, быть нашитыми на прикрепленную к нему накидку или же служить украшением верхней части плечевой одежды — парадного кафтана, куртки или платья.

1в.

Круглые бляшки с изображением мужской головы в профиль. Эти бляшки украшали головной убор погребенной женщины (рис. 3). Аналогичные аппликации происходят из основных ограбленных гробниц кургана (рис. 1, 15, 16, 19–23, 25, 26). Вероятно, эти бляшки были нашиты горизонтальными рядами на конический головной убор. Некоторую аналогию такому декору можно увидеть на реконструкции, предложенной для головного убора женщины, погребенной в центральной могиле Бердянского кургана: на конический головной убор были рядами нашиты бляшки в виде женских голов в фас с изображениями (Фиалко 2014: 74, рис. 6). Бляшками в виде женских голов был украшен головной убор женщины из кургана 1 у с. Волковцы (1897 г.) (Там же: 79, рис. 5).

Другие мелкие находки украшений из золота

Из разрушенных основных погребений происходят ДВЕ ЗОЛОТЫЕ ПРОНИЗИ в виде полых трубочек, украшенных рубчиками (рис. 1, 11, 13). В инвентарной книге Эрмитажа они значились как «две трубочки золотые рубчатые» (см. главу I. 4, инв. 1/50). Такие пронизи широко представлены в скифских погребальных комплексах, они, как правило, являлись частями сетчатых нагрудных уборов, как мужских, так и женских. Нагрудное украшение в виде сетки, в состав которого входили пронизки, происходит из северо-восточной камеры кургана Чертомлык (Алексеев и др. 1991: кат. 114). В женской гробнице Мелитопольского кургана было обнаружено 719 подобных пронизок (Тереножкин, Мозолевский 1988: кат. 63, рис. 95, 66). В Северной гробнице 1 кургана

Гайманова Могила было найдено 69 экземпляров (Бидзиля, Полин 2012: 294, кат. 107), а в Южной гробнице 4 этого кургана — 123 (Там же: 474, кат. 287). Судя по реконструкции, предложенной Л. С. Клочко, подобный сетчатый убор украшал наряд женщины, погребенной в центральной могиле Бердянского кургана (Фиалко 2014: 76, рис. 9).

ЗОЛОТАЯ КАПЛЕВИДНАЯ ПОДВЕСКА с колечком в верхней части (рис. 1, 9), вероятно, служила украшением «серьги» или ожерелья (Клочко 2014). Такие подвески могли использоваться и в декоре женских головных уборов (Клочко 2013: 25, 26, рис. 8b, 10).

О погребальной одежде женщины из боковой гробницы кургана

Одна из важнейших задач, связанных с исследованием бляшек-аппликаций — это определение, с какими элементами костюма могли быть соотнесены те или иные из них. Однако, по вполне понятным причинам, часто это достаточно сложно установить, когда речь идет о материалах из «старых раскопок». Задача усложняется в случаях, когда бляшки происходят из ограбленных комплексов, где они были обнаружены в перемещенном виде. Конечно, наиболее надежные основания для достоверных реконструкций погребального костюма и его отдельных частей дают раскопки, проведенные на современном уровне, с надежной фиксацией положения вещей в комплексах.

Однако, находки бляшек-аппликаций из неограбленной боковой гробницы Мордвиновского кургана позволяют высказать некоторые соображения о деталях костюма погребенной здесь молодой девушки. Бляшки-аппликации служили украшениями парадной одежды — платья или кафтана и головного убора и, возможно, крепившейся к нему накидки. Имеющаяся фотография (рис. 3) позволяет представить форму головного убора. Как уже было отмечено, она была конической. В отличие от цилиндрических уборов, т. н. «греческих» и «скифских» калафов (Мирошина 1980), уборы этого типа были, вероятно, более характерными для «самобытного» костюма кочевой элиты евразийских степей³. Это было отмечено ещё в статье М. И. Ростовцева и П. К. Степанова (Ростовцев, Степанов 1917). С. В. Яценко относит такой убор к конусовидным уборам 5 типа в предложенной им классификации, куда вошли уборы с жестким каркасом из кожи, обшитые горизонтальными рядами бляшек (все более укорачивающимися в верхней части) и соединенные с покрывалом, украшенным бляшками по краю (Яценко 2006: 73; см. также Клочко 2013: 19). Реконструкция подобного убора для степной Скифии была предложена Г. И. Боровкой на примере материала женского погребения в камере 4 центральной гробницы кургана Чертомлык (Боровка 1921: рис. 36, 3а; Алексеев и др. 1991: 62–63). Отмечено и сходство убора из Первого Мордвиновского кургана с убором женщины,

3 В Северном Причерноморье конические головные уборы встречаются в женских погребениях, начиная с эпохи архаики (Клочко 2008: 40, рис. 1, 2; реконструкции таких уборов см. Клочко 1986). Типологически сходные головные уборы известны у восточных соседей скифов (Яценко 2006: 73).

представленной на нижнем фризе золотой пластины, украшавшей головной убор погребенной в кургане Карагодеуашх в Прикубанье (Ростовцев, Степанов 1917: 89; Яценко 2006: 73). Уборы этого типа были зафиксированы, кроме Чертомлыка и Карагодеуашха, и в других женских захоронениях в курганах степной зоны — Бердянском (Мурзин и др. 2017: 72, 108, рис. 19), кургане 3, погребении 2 у с. Богдановка Херсонской обл. (Клочко 2018: 72, рис. 9), кургане 4, погребении 1 у с. Изобильное Днепропетровской обл. (Клочко 2018: 72, рис. 10), кургане 4 у с. Новоселки Черкасской обл. (Клочко 2018: 73, рис. 12).

Часть аппликаций, обнаруженных в боковой гробнице Первого Мордвиновского кургана, несомненно, принадлежала декору конического головного убора. Судя по изображению остатков этого убора *in situ* (рис. 3), к его убранству относились круглые бляшки с изображением мужской бородатой головы в профиль. Вероятно, они были нашиты рядами (что, возможно, объясняет наличие двух вариантов бляшек — на одном голова показана вправо, на другом — влево). Близкую композицию можно увидеть на реконструкции декора конического головного убора № 1 из Центральной могилы Бердянского кургана, украшенного горизонтальными рядами бляшек с изображением женской головы (двух видов — в фас и в профиль) (Фиалко 2014: рис. 6). Похожим образом — горизонтальными рядами бляшек с изображением «личин» (возможно, стилизованными масками Медузы), был украшен и конический убор из кургана 3 у с. Богдановка (Parzinger 2007: 38, taf. 7; Клочко 2018: рис. 10)⁴.

Бляшки квадратной формы с изображением сидящей богини и стоящего перед ней скифа могли быть нашиты на спускавшееся с головного убора покрывало (Клочко 1986: 16). Такое положение квадратных бляшек с изображением другого типа — на них представлено сидящее женское божество в фас, слева от которого изображен стоящий скиф, а слева — жертвенник или фимиатерий (Алексеев и др. 1991: рис. 75, кат. 101), было реконструировано на основе находок в 4 камере кургана Чертомлык. «Головной убор женщины украшали золотая начельная лента и золотые розетки: на него наброшено расшитое по краям золотыми бляшками с изображением богини <...> пурпурное покрывало (следы тонкой ткани пурпурного цвета сохранились на обратной стороне бляшек)» (Алексеев и др. 1991: 62). Как было отмечено в «Древностях Геродотовой Скифии», «ряд этих бляшек тянулся выше черепа на 8 вершков, образуя над ним треугольник с закругленною вершиною, а потом спускался к плечам и шел до кистей рук» (ДГС: 104). Это описание позволило реконструировать форму и декор конического головного убора, а также его вероятную высоту — около 35 см (Алексеев и др. 1991: 62).

Очевидно, к головному убору молодой девушки, погребенной в боковой гробнице Мордвиновского кургана, принадлежала и пара колец из витой золотой проволоки с подвесками в виде полых головок козла (Лесков 1971: 52, рис. 42; Клочко 1986: 16).

4 Комплекс погребения 2 в кургане 3 у с. Богдановка относится к более раннему времени — второй половине V — первой половине IV вв. до н. э.

НАШИВНЫЕ БЛЯШКИ-АППЛИКАЦИИ И ДРУГИЕ УКРАШЕНИЯ ИЗ МОРДВИНОВСКОГО КУРГАНА

Более мелкие бляшки в виде розеток и голов Медузы могли быть как частью декора головного убора, так и украшать верхнюю часть короткой плечевой одежды — кафтана или куртки.

Как мы могли убедиться, бляшки-аппликации Первого Мордвиновского кургана находят аналогии в элитных комплексах Приднепровья, таких как Огуз, Чертомлык, Толстая Могила, Бердянский курган и других, которые можно с полным основанием относить к погребениям скифской аристократии самого высокого ранга.

Самыми ранними из мордвиновских бляшек являются бляшки в виде треугольников, украшенных псевдозернью. К наиболее поздним относятся экземпляры, имеющие аналогии в материалах Александропольского кургана. Большинство аналогий типам бляшек из Мордвиновского кургана тяготеют к группе курганов, относящихся к 350–330/320 гг. до н. э. (группа «Б», согласно хронологии А. Ю. Алексеева 2003: 275–276). Отсутствие среди находок бляшек-аппликаций с развитыми растительными мотивами, согласно намеченной А. Ю. Алексеевым тенденции в изменении типов золотых нашивных бляшек (Алексеев 2003: 406, рис. 32), возможно, также свидетельствует в пользу датировки кургана в этом хронологическом промежутке.

ДЕРЕВЯННЫЙ СОСУД ИЗ БОКОВОГО ПОГРЕБЕНИЯ МОРДВИНОВСКОГО КУРГАНА

Среди инвентаря неограбленной боковой гробницы кургана, сопровождавшего погребение молодой девушки, заслуживает внимания уникальный деревянный сосуд (рис. 1, а–б). Стоит отметить, что из этого погребения происходит целый ряд фрагментов деревянных предметов — остатки шкапулки, деревянный стержень, два обломка «шаров», украшенных резным орнаментом. Но, конечно же, деревянный сосуд, сохранившийся почти полностью¹, в этом ряду является самым интересным предметом. Следует отметить, что находки таких сосудов чрезвычайно редки. В своей сводке А. П. Манцевич привела, кроме мордвиновского, лишь два целых сосуда скифского времени: из кургана 11 группы «Частые курганы» под Воронежем и из кургана Солоха (Манцевич 1966: 23, рис. 1, 2, 3, 4, 5). Сравнительно недавно деревянный сосуд был обнаружен в кургане у с. Булгаково в Поингулье (Рябова 1987: 145–146).

Деревянный сосуд, найденный в боковом погребении Мордвиновского кургана, был обнаружен «выше головы костяка», где находились и другие вещи — серебряный ритон, железные ножи, шилья, деревянная коробочка и «другие мелкие предметы» (Макаренко 1916: 6). В настоящее время этот сосуд находится на хранении в Государственном Эрмитаже. В «Инвентарной описи» он значится как «сосуд шарообразный, с двумя ручками» (см. главу I. 4, № 1646); его диаметр — 9 см. Зафиксировано, что сосуд склеен из обломков, «поломано горлышко и дно». Недалеко от края сосуда располагаются две небольшие плоские горизонтальные ручки (Королькова 2003: рис. 4, 1; Кисель 2007: рис. 4, 1)².

1 Его превосходную сохранность оценил ещё М. И. Ростовцев (1925: 423).

2 В большинстве случаев для чаш этого типа выступы можно называть ручками лишь условно (Кисель 2007: 74, прим. 1), т. к. они не способны выдержать нагрузку наполненной ёмкости и поэтому исследователи иногда называют их «упорами» (Раевский 1977: 37; Ильинская, Тереножкин 1983: 145).

ДЕРЕВЯННЫЙ СОСУД ИЗ БОКОВОГО ПОГРЕБЕНИЯ
МОРДВИНОВСКОГО КУРГАНА

Рис. 1, а–б.
ДЕРЕВЯННЫЙ СОСУД
из бокового погребения
Первого Мордвиновского
кургана.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 600/57,
нег. II 37855

А. П. Манцевич приводит определение С. И. Ванина, согласно которому сосуд был изготовлен из берёзы (Манцевич 1987: 91).

Сосуд из боковой гробницы Первого Мордвиновского кургана относится к чашам с сегментовидными ручками (Рябова 1987: 145; Королькова 2003: 30). Отличительной чертой этой группы являются ручки, симметрично расположенные под венчиком. По размерам и форме мордвиновский сосуд очень близок уже упоминавшемуся деревянному сосуду из кургана у с. Булгаково, у которого сохранилась и деревянная крышка (Рябова 1987: рис. 1, 2). Оба сосуда незначительно сужаются в верхней части и имеют слабо выделенный венчик. Полушарические ручки сосуда из кургана у с. Булгаково слегка подняты кверху, тогда как ручки мордвиновского строго горизонтальны, и «от края ручки к венчику идёт широкая, плавно изогнутая линия, создающая впечатление целостности формы — ручки как бы вырастают из корпуса и составляют неотъемлемую его часть» (Рябова 1987: 146).

Деревянные сосуды с полушарическим дном известны на протяжении V–IV вв. до н. э. на достаточно обширной территории от Алтая и Южного Приуралья до Придунавья среди кочевых и полуседлых ираноязычных племен (Гуляев 2017а: 149). В Северном Причерноморье они были наиболее широко распространены в степной и лесостепной зонах во второй половине V в. до н. э. (Королькова 2003: 42; Сай 2019). В это время «...в скифских курганах появляются крупные округлые чаши, прикрепленные к поясам погребенных» (Кисель 2007: 76). Часто такие деревянные чаши имели накладки-аппликации в виде металлических пластин, гладких или же украшенных изображениями животных, зооморфными и растительными орнаментами³. Деревянные сосуды, украшенные разнообразными металлическими накладками, относят к числу ярких индикаторов скифской культуры (Махортых 2019: 470).

В классическую эпоху в Европейской Скифии были распространены металлические сосуды, формы которых, вероятно, были близки формам деревянных. Особенно популярны были так называемые кубки — сосуды с полушарическим дном без ручек, входившие в состав инвентаря аристократических погребений кочевников.

Для сосудов с сегментовидными ручками, к которым принадлежит деревянный сосуд из Мордвиновского кургана, не определены ближайшие прототипы и неясен процесс формирования (Онайко 1970: 36–37; Кисель 2007: 74). Такие сосуды появились в Северном Причерноморье в конце V — начале IV в. до н. э. и бытовали до начала III в. до н. э. (Кисель 2007: рис. 4). Они изготавливались из разного материала — глины, дерева, металла. Сосуд из Мордвиновского кургана представляет собой уникальный сохранившийся почти полностью образец скифского деревянного сосуда.

3 В. А. Рябова полагала, что обычай украшать деревянные сосуды металлическими обивками появился в лесостепи ещё в начале V в. до н. э. (Рябова 1984: 42). С. В. Махортых выделяет среди всего массива восточноевропейских находок три группы накладок: к первой относятся гладкие неорнаментированные накладки, а две другие группы украшены либо геометрическим орнаментом, либо разнообразными зооморфными мотивами (Махортых 2019: 470).

ДЕРЕВЯННЫЙ СОСУД ИЗ БОКОВОГО ПОГРЕБЕНИЯ МОРДВИНОВСКОГО КУРГАНА

Сосуды с округлым дном играли важную роль в ритуальной практике и погребальных обрядах скифов и их восточных соседей. Наиболее известны металлические (золотые и серебряные) сосуды-кубки, широко представленные в погребальном инвентаре богатых захоронений Скифии классической эпохи, украшенные сложными композициями, которые служат источниками для реконструкции религиозных представлений и социальной организации кочевников (Раевский 1977: 30–39).

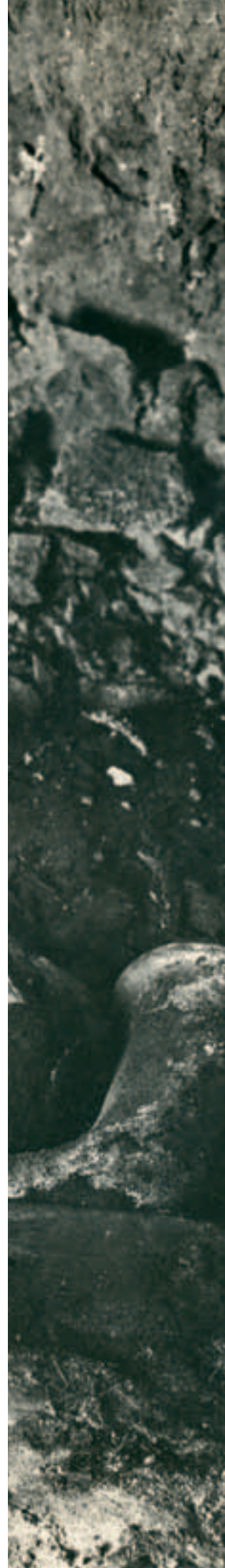
О важной роли круглодонных деревянных сосудов в погребальном обряде свидетельствуют, например, находки из тайника I Первого Филипповского кургана, где вместе с «золотыми оленями» были обнаружены остатки не менее 100 деревянных сосудов (Пшеничнюк 2012: 23, 76–78). Об их возможных формах и количестве можно судить по сохранившимся золотым обкладкам с гравированными орнаментами, которыми декорировались верхние части сосудов; судя по этим деталям, комплекс содержал от 10 до 12 невысоких округлых чаш с горизонтальными ручками, составлявшими одно целое с оковками. Курган I был центральным курганом Филипповского могильника и, судя по размерам и богатству инвентаря, несомненно, принадлежал к «царским» захоронениям (Пшеничнюк 2012: 21–23).

В погребальных комплексах Северного Причерноморья, как и в других регионах, исследователи обычно фиксируют деревянные сосуды по сохранившимся металлическим накладкам, т. к. органический материал, из которого они были изготовлены, редко сохраняется. Накладки позволяют частично или полностью реконструировать размеры и форму деревянных сосудов, так как повторяют их конфигурацию. Так, например, золотые обкладки из погребения кургана I Завадская Могила в Приднепровье позволили реконструировать пять деревянных чаш с полусферическим дном, входивших в состав этого комплекса (Мозолевский 1980: 105–111, рис. 45, 46). Обычно деревянные сосуды имели небольшие размеры: их высота варьировалась от 4,4 до 10 см, диаметр — от 10 до 20 см (Рябова 1984: 31).

В настоящее время в курганах Среднего Подонья скифской эпохи примерно в 180 исследованных захоронениях (несмотря на их ограбление в древности) были обнаружены 13 деревянных сосудов с золотыми оковками (Гуляев 2017б: 83). В. И. Гуляев отметил, что, вопреки распространенному до сих пор в специальной литературе мнению, деревянные чаши с золотыми аппликациями встречены в среднедонском регионе не только в элитных мужских, но и в женских погребениях: в кургане 8 у с. Терновое и погребении 2 кургана 18 у с. Колбино⁴.

Следы ремонта деревянных сосудов с округлым дном, достаточно часто обнаруживаемые в погребениях, свидетельствуют о длительном бытовании и, следовательно, о большом значении такой посуды, обладавшей важными ритуальными и социальными функциями.

4 В. И. Гуляев заметил при этом, что золотые аппликации на колбинской чаше были сделаны из тончайшей фольги, что, очевидно, позволяет предположить, что она не могла использоваться при жизни и предназначалась лишь для похоронного ритуала (Гуляев 2017б: 83).

По форме деревянному сосуду из Мордвиновского кургана (кроме уже упоминавшегося деревянного сосуда из кургана у с. Булгаково) близки деревянные сосуды из Частых и Мастогиных курганов под Воронежем, Бердянского и Александропольского курганов (Рябова 1987: рис. 1, 2; Кисель 2007: рис. 4, 2–8); об их форме мы можем судить по металлическим аппликациям. Аналогичен сосуду из Мордвиновского кургана и небольшой гладкий двуручный серебряный сосуд из кургана Солоха (Манцевич 1987: 92, кат. 62)⁵. Орнаментированные серебряные двуручные чаши, относящиеся к шедеврам т. н. греко-скифской торевтики, происходят из комплексов таких известных аристократических курганов, как Солоха, Чмырева и Гайманова Могила (Королькова 2003: 37, рис. 4, 12–14, 17; Кисель 2007: рис. 4, 13–15). Исследователи единодушно считают подобные чаши, как и сосуды-кубки, ритуальными сосудами в культуре местных племён Северного Причерноморья (Королькова 2003: 30)⁶. Согласно гипотезе В. А. Киселя, чаши, подобные найденным в Чмыревой, Гаймановой Могилах и Солохе (т. е. близкие по форме деревянному сосуду из Мордвиновского кургана) являлись «... одной из главных скифских реликвий, которые использовались в наиболее значимых обрядах» (Кисель 2007: 75). В научной литературе высказывалось предположение и о том, что круглодонные чаши входили в состав «жреческих» погребений, однако, несмотря на важную роль таких сосудов в погребальном обряде, конечно же, нельзя рассматривать все комплексы, где они были обнаружены, как жреческие (обзор точек зрения о семантике круглодонных чаш см. Королькова 2003: 36–56). По-видимому, такие сосуды помещались как в женские, так и в мужские захоронения.

В боковом погребении Мордвиновского кургана этот чрезвычайно значимый предмет сопровождал погребенную здесь молодую девушку и был помещён недалеко от головы умершей. Примечательно, что рядом с ним, в числе других вещей, находился такой «мужской» атрибут как серебряный рог или ритон. Однако, совершенно очевидно, что деревянный сосуд с округлым дном является одним из свидетельств не только высокого, но и, вероятно, «особого» статуса погребённой здесь представительницы скифской элиты.

5 По замечанию А. П. Манцевич, «округлость и плавность форм тулова и ручек [сосуда из Солохи — М. В.] указывают, что, вероятнее всего, эта форма сосуда и возникла в дереве» (Манцевич 1987: 92).

6 Здесь же см. библиографию и обзор мнений о роли чаш в ритуальной практике кочевников раннего железного века.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Первый Мордвиновский курган в свете архивных находок

ВОЗВРАЩЕНИЕ К АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ОТКРЫТИЯМ ПРОШЛЫХ ЛЕТ
И ДАЖЕ СТОЛЕТИЙ АБСОЛЮТНО ОПРАВДАНО,
И В БОЛЬШИНСТВЕ СЛУЧАЕВ ПРИВОДИТ К ВАЖНЫМ В НАУЧНОМ
ОТНОШЕНИИ РЕЗУЛЬТАТАМ.

ФОТОГРАФИИ РАСКОПОК ПЕРВОГО МОРДВИНОВСКОГО КУРГАНА,
ОБНАРУЖЕННЫЕ В НАУЧНОМ АРХИВЕ ИИМК РАН,
ПРЕДСТАВЛЯЮТ БОЛЬШОЙ ИНТЕРЕС ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ХОДА РАСКОПОК
И ХАРАКТЕРА СДЕЛАННЫХ ОТКРЫТИЙ,

А ЗНАЧИТ И ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ВСЕГО ПАМЯТНИКА В ЦЕЛОМ.

НАПОМНЮ, ЧТО РАСКОПКИ 1914 Г.

ПРЕДПОЛАГАЛОСЬ СДЕЛАТЬ ПОКАЗАТЕЛЬНЫМИ — ТЩАТЕЛЬНЫМ
ОБРАЗОМ ИЗУЧИТЬ СТРУКТУРУ НАСЫПИ, ПРОВЕСТИ ГРАФИЧЕСКУЮ
И ФОТОФИКСАЦИЮ ВСЕХ ЭТАПОВ ИССЛЕДОВАНИЙ,

А ТАКЖЕ ВСЕХ ВЫЯВЛЕННЫХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ И Т. Д.

Было бы наивным считать, однако, что найденные фотографии позволят дать удовлетворительный ответ на все вопросы, возникающие в связи с раскопками кургана. Серьёзная трудность в их использовании заключается даже в том, что подписи к фотографическим снимкам очень неточны, а порой в них присутствует явная путаница. Так, обе открытые катакомбы именуется южными, и какая из них представлена на снимке (центральная или боковая), понять можно не всегда. Стоит обратить внимание на то, что фотография с установкой вышки для фотографирования в публикации Н. Е. Макаренко отнесена к Первому Мордвиновскому кургану (Макаренко 1916: 270, рис. 3); если же верить описи фотографий, то её тогда ставили на Втором, но это в данном случае не существенно. Несоответствие записей в учетных документах прослеживается и в аннотациях фотоснимка амфоры — по надписи на отпечатке она происходит из юго-западного погребения Центральной гробницы, однако в описи фотоколлекции в качестве места ее обнаружения указано северо-западное погребение. Основная проблема заключается в том, что поскольку у нас отсутствуют дневники, отчёт и даже самая простая схема раскопов, то поставить фотографии в сколько-либо связную картину практически невозможно. Черновые наброски к утраченным чертежам и краткие подписи к фотографиям, хранящиеся в фонде А. А. Спицына, нуждаются в расшифровке и дополнительном анализе, и пока не могут служить достоверным источником информации о проведённых работах. К сожалению, мы никогда не поймём, где точно находились представленные на фотографиях «стенки №№ 4 и 5» (табл. 73, 74), но запечатлённые

на них разрезы, вероятнее всего, относятся к ранней насыпи кургана. Остаётся столь же загадочным, зачем была сделана «первая траншея по топографическому плану» (табл. 82, 116, 117), и была ли она единственной. Список «претензий» к имеющейся документации, конечно, можно продолжить, но они никак не улучшат ситуацию, а значит проще и правильней будет исходить из имеющегося материала, прекрасно понимая его недостаточность.

Перед началом раскопок Первый Мордвиновский курган был сфотографирован со всех сторон (табл. 1–4), никаких поздних перекопов на его поверхности не заметно. Высота насыпи составляла 8,71 м. Исследования были проведены в южной части кургана, в результате чего была снята южная половина всей насыпи¹. В техническом отношении работы были организованы на самом современном уровне, — отработанный грунт отвозился на вагонетках, для которых были проложены специальные пути (табл. 8–10, 19, 39, 47–51, 60, 69 и др.).

Что касается непосредственно процесса раскопок, то, по словам Н. Е. Макаренко, насыпь снималась «параллельными сечениями, проходящими через каждые 1,5 м», с оставлением двух основных бровок. Понятно, что «сечения» или раскопы имели 1,5 м не в длину, а в ширину (их длина нам не известна). Всего таких раскопов, если судить по подписям к фотографиям и сохранившимся записям исследователей, было заложено 61 (I–LXI) (табл. 14–74; РО НА ИИМК РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 214. Л. 89). Участки насыпи, прилегающие к полю кургана, скорее всего, снимались сразу на всей площади «сечений» (табл. 14–22, 24–26, 28, 29, 32, 33, 35–38, 43, 44, 46, 47, 49, 50, 52, 53, 57). По мере удаления от поля, методика менялась, — грунт снимался полосой на всю длину раскопа с оставлением бровки (табл. 45, 48, 54, 56, 58, 60). Для землекопов работать в этих узких траншеях было, по всей видимости, чрезвычайно трудно. Бровка разбиралась самым простым образом, — её рушили, используя при этом в качестве рычагов деревянные жерди (табл. 51, 61, 62).

ХАРАКТЕР НАСЫПИ.

Надо признать, что археологи подошли к исследованию курганной насыпи с большим вниманием. В её верхней части, практически на самой вершине кургана было открыто позднее погребение, сделанное в деревянном ящике, перекрытом плоской деревянной крышкой (табл. 69, 70); вряд ли такую конструкцию можно назвать гробом. О характере этого погребения мы по понятным причинам ничего не знаем.

Вскоре после начала раскопок был зафиксирован грабительский ход, который, как специально отметил Н. Е. Макаренко, «начинался почти у основания кургана и шёл, постепенно понижаясь, к центру, выходя в центральном колодце на глубине 3,65 м». На одном из снимков (табл. 19), вероятно, можно видеть начало этого хода, его перекрыли доской. Эта конструкция видна и на других фотографиях, — в яму опущена лестница (табл. 80, 81). Судя по последнему

¹ Северная часть насыпи, как уже говорилось, была снята в 1970 г. при работах Каховской экспедиции Института археологии АН УССР под руководством А. М. Лескова. Никаких погребений тогда обнаружено не было.

снимку (табл. 81), часть хода оставалась не раскопанной; её трасса прекрасно различима справа от углубления с лестницей, т. е. восточнее от него. Напротив, другая часть, ведущая к центральной гробнице, была полностью расчищена (табл. 71, 72).

Археологи, естественно, обратили внимание на выкид, образовавшийся при рытье катакомб, который можно видеть на многих разрезах (табл. 35, 42, 45, 48, 49, 56, 58, 59, 61, 63, 75–81). Имеется даже снимок части выкида, состоявшего из чистой материковой глины (табл. 75). Обычно вырытый грунт размещали вокруг устья входной шахты, на некотором расстоянии от неё. Правда, в нашей ситуации не так легко сказать, выкид из какой гробницы (главной или боковой) представлен на той или иной фотографии.

Вообще же зачистка разрезов насыпи была исполнена на вполне современном уровне. Можно считать установленным фактом, что курганная насыпь была сделана в два приёма. Большинство фотографий, естественно, относятся к верхнему (наиболее мощному) её горизонту. На первый взгляд, насыпь кажется вполне однородной, но в ней отмечено скопление древесного угля (табл. 40), скопление насыпной земли между двумя утрамбованными горизонтами (табл. 41). По наблюдениям Н. Е. Макаренко, основной массив насыпи, или вторичная насыпь состояла, по выражению Н. Е. Макаренко, «из отдельных кусков верхнего покрова земли, взятого вместе с травяной растительностью» (Макаренко 1916: 270–271), что в полной мере было подтверждено раскопками А. М. Лескова (Лесков 1974: 52; Лесков 2019: 232). Отпечатки этой травянистой растительности можно видеть на некоторых фотографиях (табл. 64–68). Вообще же сооружение насыпи с использованием плит дёрна отмечено во всех более-менее значительных скифских курганах — Бердянском, Мелитопольском, Чертомлыке, Гаймановой могиле и др. (см.: Алексеев и др. 1991: 29–30, 32–33, рис. 17, 18; Мурзин, Фіалко 1998: 83). Засвидетельствовано оно и на Боспоре — в Малой Близице (Виноградов 2004: 95–96). Под вторичной насыпью Мордвиновского кургана находилось всего одно погребение девушки.

Первоначальная конструкция, перекрывавшая центральную гробницу, представляла собой, по выражению Н. Е. Макаренко, «намазанный» слой жёлтой материковой глины. На фотографиях прекрасно видна её мелкослоистая структура (табл. 73, 74). Высота этой насыпи, по наблюдениям А. М. Лескова, достигала всего 1 м (Лесков 1974: 52). Она перекрывала центральную катакомбу кургана. Никаких каменных сооружений вокруг неё не было. Крепида окружала вторичную насыпь, её остатки можно видеть на некоторых фотографиях (табл. XI–XIII).

ИССЛЕДОВАНИЯ А. М. ЛЕСКОВА

показали, что насыпь кургана после совершения погребения девушки была укреплена толстым слоем жёлтой материковой глины примерно на метр в высоту. Затем вокруг основания были уложены крупные дикарные камни, т. е. была сооружена крепида, при расчистке которой были найдены обломки амфор (см. главу II. 2), кости животных и древесные угли. В пяти метрах от крепиды был вырыт ров шириной 2,2 м и глубиной 1,7 м (Лесков 1974: 52; Лесков 2019: 232).

Очень может быть, что в 1914 г. с помощью камней из крепиды были укреплены дорожки, по которым грунт на вагонетках отвозился от раскопа (табл. 16–18).

Если зачистки разрезов насыпи были сделаны на вполне современном уровне, то этого никак нельзя сказать о раскопках погребений. Складывается впечатление, что расчисткой костяков и сопровождающего инвентаря Н. Е. Макаренко и члены его команды вообще себя не утруждали. Все фотографии погребений сделаны в момент их обнаружения, т. е. засыпанными землёй и «мусором», среди которого иногда можно рассмотреть некоторые кости и кой-какие вещи. В этом отношении раскопки Мордвиновского кургана никак нельзя признать образцово-показательными, и слова С. А. Семёнова-Зусера о том, что они стали «образцом новых научных методов полевых работ» (Семёнов-Зусер 1947: 80), в значительной степени являются преувеличением.

Не исключено, что к находкам из курганной насыпи следует отнести две каменные зернотёрки (табл. 114, 115), но никакой уверенности в этом быть не может, поскольку дополнительной информации по этому вопросу мы не имеем. Прочие находки, обнаруженные при исследовании крепиды, были сделаны во время раскопок А. М. Лескова в 1970 г. Специальное изучение амфорных материалов, предпринятое С. Ю. Монаховым и С. В. Полиным (см. главу II, 2), позволяет считать, что Первый Мордвиновский курган был возведён в пределах 360–330 гг. до н. э. Эта дата несколько отличается от той, которая была предложена ранее, — 340–315 гг. до н. э. (Алексеев 2003: 277). Надёжно установлено, что курган содержал всего две древние гробницы, сооружённые, скорее всего, с очень небольшим временным перерывом.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГРОБНИЦА КУРГАНА (рис. 1).

Пятно её входной шахты, как представляется, зафиксировано на одной из фотографий (табл. 83). По устройству она не отличается от гробницы Чертомлыцкого кургана (Ростовцев 1925: 423; Алексеев и др. 1991: 54–64; Ольховский 1991: 226, табл. XV, 8, 9). А. М. Лесков на этом основании даже предположил, что здесь был погребён представитель рода царских скифов, связанный родством с царём, могила которого находится в Чертомлыке (Лесков 1974: 60). Как и в этом знаменитом кургане, к гробнице вела шахта (6,5 × 4,2 м, глубина — 8,3 м). Гробница состояла из четырёх камер, которые были обращены входами в сторону шахты. Две камеры, явно принадлежавшие лицам высокого социального ранга, были ограблены, две другие остались нетронутыми, вход в них был замазан глиной (табл. 86). Грабительская мина, начинавшаяся у основания насыпи, была направлена к центру кургана; уровень её постепенно понижался и входил в шахту на глубине 3,65 м (рис. 1; табл. 72). Н. Е. Макаренко был, конечно, прав, когда писал, что грабитель «отлично знал, в какой камере покоился господин и его госпожа и в какой — слуги» (Макаренко 1916: 271). А. М. Лесков установил, что юго-восточная и северо-восточная камеры были предназначены для господ, а юго-западная и северо-западная — для слуг (Лесков 1974: 53). На стенке одной из камер, вероятнее всего, господской, был обнаружен отпечаток гвоздя (табл. 86), к которому, возможно, крепились ткань или же было подвешено оружие (ср. Ольховский 1991: 33).

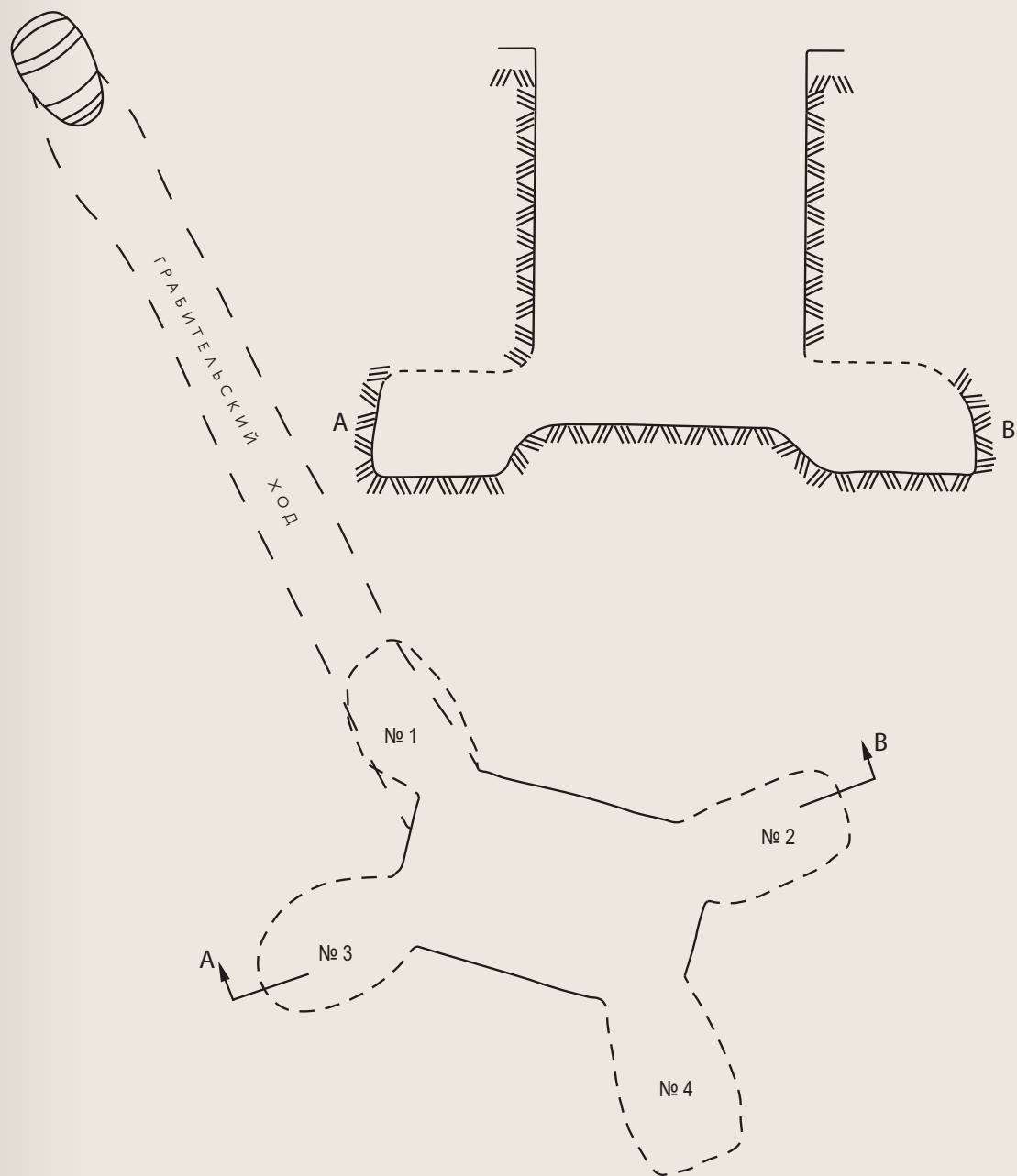

Рис. I.
 ЦЕНТРАЛЬНАЯ
 ГРОБНИЦА
 Первого
 Мордвиновского
 кургана.
 План и разрез
 (по А. М. Лескову).

В 1914 г. в ограбленных камерах было обнаружено несколько десятков нашивных золотых бляшек различных типов (табл. 101). В публикации Н. Е. Макаренко утверждается, что все они были найдены именно там (Макаренко 1916: 271, рис. 5), что, скорее всего, соответствует истине (см. также главу II. 6). Стоит обратить внимание, однако, что на этой фотографии представлено несколько типов бляшек, аналогичных находкам из боковой катакомбы (ср. табл. 102): небольшие круглые бляшки с изображением человеческой личины, окружённой штампованными точками (табл. 101, верхний ряд); более крупные круглые бляшки с изображением розеток (табл. 101, третий ряд сверху), монетовидные бляшки с изображением мужских голов, повернутых вправо или влево (табл. 101, нижняя половина).

В двух непо потревоженных камерах, входы в которые были закрыты и замазаны глиной (табл. 87), были найдены погребения слуг (табл. 88) (сколько их там находилось, остаётся неизвестным). В одном из этих камер Н. Е. Макаренко обнаружил остродонную амфору (табл. 89), которая сейчас определена как амфора Пепарета (глава II. 2). В другой были найдены такие же амфоры и бронзовый котёл. М. И. Ростовцев указывал при этом, что вторая камера оказалась расследованной не до конца (Ростовцев 1925: 423). Он явно имел в виду северо-восточную камеру, в которой во время раскопок 1970 г. были найдены «большие куски наборного панциря из железных пластинок, раздавленная амфора, метательный камень для пращи, кости коня, которые лежали на истлевшем дереве (очевидно, остатки блюда)» (Лесков 1974: 53; Лесков 2019: 233).

БОКОВАЯ ГРОБНИЦА (табл. 90–91).

М. И. Ростовцев считал, что над ней была сделана специальная присыпка (Ростовцев 1925: 422), но по существу эту гробницу перекрывал основной массив насыпи (Лесков 1974: 52). Пятно её входной шахты зафиксировано на фотографиях (табл. 84, 85). Размеры этой шахты намного меньше, чем в главной гробнице (2,27 × 1,26 м, глубина — 4,65 м). Вход в погребальную камеру находился в её северной стене, он был заложен камнями (табл. 90).

В боковой катакомбе, как известно, были обнаружены два непо потревоженных погребения. Имеющиеся фотографии позволяют внести немало нового в понимание этого комплекса. Главным здесь было погребение девушки 15–17 лет, уложенной в деревянный гроб в вытянутом положении головой на запад (табл. 92–95). Следует обратить внимание, что голова девушки находилась на довольно большом расстоянии от западной стенки гроба (табл. 94, 95, 97); расстояние от черепа до стенки гроба, по крайней мере, в два раза превышает высоту черепа². Объяснение этой странности, как представляется, надо искать в том, что на неё был надет очень высокий головной убор.

Ориентацию погребённой следует считать вполне обычной для степной Скифии IV в. до н. э., а вот гробы здесь очень редки (Ольховский 1991: 140). На основании фотографий можно считать, что гроб имел деревянное

2 К сожалению, масштабная линейка на всех снимках отсутствует.

перекрытие, вероятнее всего, состоявшее из кусков луба (табл. 95), его можно рассмотреть даже на фотографии сидящего рядом с катакомбой С. П. Петренко (табл. 91), — куски луба сложили в дромосе.

Первое погребение оказалось очень богатым. На голову девушки была надета шапка, как принято считать, конической формы, обшитая круглыми золотыми бляшками с изображением мужских голов и украшенная наверху золотой птичкой, сидящей на цветке (табл. 96, 97, 103, 104; см. главу II. 3, II. 5). Такое понимание, однако, вызывает некоторые сомнения, и очень может быть, что конструкция головного убора была более сложной. В этом отношении очень важное значение имеют фотографии, сделанные во время раскопок (табл. 94–97). На них видно, что золотые бляшки скорее не покрывали шапку, а были нашиты по краю покрывала, наброшенного поверх неё. В этом вполне можно согласиться с А. М. Лесковым (Лесков 2019: 230). Более того, можно утверждать, что убор был не просто остроконечным, а очень высоким и остроконечным, возможно, имитировавшим дерево (табл. 97). На самой его вершине была помещена птичка на цветке. Впечатляющая фотография головного убора, обшитого бляшками (табл. 103), на мой взгляд, является плодом реконструкции автора раскопок. Возможно, основу шапки, сделанной, по всей видимости, из войлока, действительно взяли из погребения, но все золотые принадлежности (бляшки, птичку, цветок) просто уложили на неё в свободном порядке.

На шее погребённой находилось золотое ожерелье (табл. 105; см. главу II. 4) и набор бус (см. табл. 107, нижний ряд). Уши украшали великолепные золотые серьги, фотографию которых опубликовал А. М. Лесков (Лесков 1974: 52, 54, рис. 42). По их поводу он заметил, что серьги были сделаны «в виде витого крупного кольца, на каждое из которых надето колечко, а на нём закреплена скульптурная головка горного козла великолепной работы мастера ахеменидского Ирана» (Лесков 2019: 230). Выдающийся скифолог, конечно, был хорошо информирован о находках из Мордвиновского кургана, сделанных в 1914 г., и вряд ли можно сомневаться в его правоте. В данном случае смущает лишь то, что упоминание этого замечательного предмета нет в эрмитажной описи (глава I. 5), да и среди фотографий архива ИИМК РАН его изображение тоже отсутствует.

По мнению Н. Е. Макаренко, погребённая была облачена в короткую одежду (Макаренко 1916: 271), но В. В. Саханёв был с ним не согласен, полагая, что на ней была скорее длинное одеяние (см. главу I. 3). Этот спорный вопрос к стати можно было решить во время раскопок, — сохранность органики (прежде всего, дерева, но, надо думать, и тканей) в боковой катакомбе была просто великолепной, но археологи, к огромному сожалению, не придали значения зачистке погребения. Однако в любом случае можно считать, что одежда покойной была расшита золотыми бляшками (табл. 98, 102; см. главу II. 6), как записал Н. Е. Макаренко, «с изображением розеток, масок, зверей» (Макаренко 1916: 271–272). На имеющейся фотографии бляшек, которые бесспорно относятся к этому погребальному комплексу (табл. 102), представлены небольшие круглые бляшки с изображением человеческой личины, такие же круглые розетки, но, бляшек со зверями нет, правда, две небольшие фигурки пантер (?) имеются

на фотоснимке находок из главной катакомбы (табл. 101, второй ряд сверху). Здесь опять приходится высказать сомнение по поводу того, насколько точно Н. Е. Макаренко обозначил место находки золотых бляшек, представленных на табл. 101. Может быть, часть из них всё-таки относится к боковой гробнице? Самые замечательные бляшки, изображающие сидящую богиню и предстоящего перед ней скифа (табл. 98, 102), были обнаружены около кистей рук, по пяти с каждой стороны. Вероятно, они были нашиты на рукава.

На руках девушки было надето по золотому браслету (табл. 106), на пальцах — золотые перстни с неорнаментированными щитками (табл. 107). Эти предметы различимы на фотографии погребения (табл. 98). Пластинчатые браслеты относятся к типу украшений, нередко встречающихся в богатых погребениях Скифии. Мордвиновские экземпляры изготовлены из тонкой широкой пластины; их края имеют узкий отгиб наружу, а поверхность в центральной части украшена рельефной полоской (Петренко 1978: 57, табл. 47, 8, 9).

Перстни, украшавшие руки девушки, относятся к двум типам. Два из них имели плоские щитки (табл. 107, верхний ряд, в центре). Они были изготовлены посредством вырезания из одной золотой пластины (тип 7 по В. Г. Петренко). Подобные находки происходят из большинства богатейших курганов степной Скифии, при этом главным образом из женских (Петренко 1978: 61). Пара других перстней (табл. 107, верхний ряд, по краям) сделана в более сложной технике. Это перстни-печати, основу которых составляет небольшой каменный цилиндр, имеющий продольную сверлину; через неё пропусклась тонкая золотая проволоочная дужка, концы которой заматывались с обеих сторон у выходного отверстия. В мордвиновских экземплярах в качестве печати был использован какой-то пёстрый камень (Петренко 1978: 63, табл. 52, 30). Вполне очевидно, что второй тип восходит к ближневосточным цилиндрическим печатям, хотя печатями эти два перстня, конечно, не являлись, поскольку имели гладкую поверхность. Можно даже допустить, что эти «печати» могли носить не на пальце, а на шнурке, цепочке или на поясе. По всей видимости, владельцы таких предметов в Скифии воспринимали их как статусную вещь (Бутягин, Виноградов 2014: 69). Подобные скарабеоиды известны в женских погребениях, к примеру, в женской кремации боспорского кургана Ак-Бурун (Бутягин, Виноградов 2014: 69, кат. 24, 25).

По поводу предметов погребального инвентаря Н. Е. Макаренко отметил: «Выше головы этого <первого> костяка лежал деревянный шарообразный сосуд, серебряный ритон, железный нож, шила, деревянная коробочка и др. мелкие предметы» (Макаренко 1916: 272). В данном случае не вполне понятно, что означает выражение «выше головы». Имеющиеся фотографии позволяют уверенно судить, что все эти предметы были уложены за пределами гроба, к западу от него. На одном снимке прекрасно виден серебряный питьевой рог и левее него — деревянный круглодонный сосудик (табл. 92), на другом представлен только деревянный сосудик, рог, как ценную находку, археологи уже, скорее всего, забрали (табл. 95).

Найденный в Мордвиновском кургане серебряный питьевой рог (табл. 108, 109) — предмет в высшей степени знаковый. Нет сомнения, что он является

атрибутом мужской субкультуры (Бессонова, 1983: 104; Виноградов 1993; Власова 1999: 164–165, рис. 2, а; 2000: 48, 58, рис. 3, б, 50), и по этой причине может показаться, что в женском погребении рог неуместен. На самом деле всё не так просто, поскольку он находился рядом с деревянным круглодонным сосудом с горизонтальными сегментовидными ручками (табл. 110, 111). Сосудик почти уникален по материалу изготовления, но типичен для скифской культуры по форме (Манцевич 1949: 216; 1966: 23; см. также главу II. 7). Связь круглодонных сосудов с культовой сферой не вызывает сомнения (Королькова 2003: 37, рис. 4, 1). Любопытно при этом, что двуручные чаши встречаются как в мужских, так и в женских погребениях (Рябова 1987: 151), но их связь с представлениями о женском сакральном начале вполне очевидна (Бессонова 1983: 103–104). Пара сосудов из боковой катакомбы Мордвиновского кургана по-своему демонстрирует, что погребённая здесь девушка была жрицей, служительницей культа, в котором объединялось представление о мужском и женском. Безусловно, она была связана с почитанием Великой богини, владычицы всего сущего как на земле, так и в потустороннем царстве, и в этом отношении следует полностью согласиться с И. Ю. Шаубом (см. главы II. 3 и II. 4).

Такой интерпретации никак не противоречит второе погребение, обнаруженное в этой катакомбе (табл. 99, 100), которое вполне можно связать с человеческим жертвоприношением. Это погребение, по словам Н. Е. Макаренко, было совершено «у ног первого в перпендикулярном к нему положении» (Макаренко 1916: 271. В. В. Саханёв заметил, что эти слова не соответствуют действительности, — второй костяк лежал под углом в 60° к первому (см. главу I. 3), и его мнение, судя по фотографиям, больше соответствует действительности. Это погребение, по всей видимости, тоже принадлежало женщине, вероятно, служанке жрицы. Она не имела столь роскошной одежды и богатого сопровождающего инвентаря. На шее было зафиксировано несколько бусин (см. табл. 107), а на руке — железный браслет. У левой руки лежал деревянный низкий ящик с зеркалом, коробкой с белилами, чёрной краской и бусами. Возможно, некоторые деревянные детали, перечисленные в описи находок из Мордвиновского кургана (глава I. 5, №№ 1647–1650), относятся к этому «низкому ящику». Не исключено, что он был украшен резными костяными пластинками (глава I. 5, № 1652).

Обращаясь к интерпретации комплекса Первого Мордвиновского кургана в целом, можно напомнить, что перед началом его раскопок было высказано предположение, что под насыпью находится гробница «одного из владык Скифии с его богатствами» (Известия... 1915а: 60). Почти через 60 лет после раскопок подобного мнения придерживался А. М. Лесков, полагавший что здесь был погребён представитель рода царских скифов, к которому, если вспомнить устройство главной катакомбы, принадлежал и царь, погребённый в Чертомлыке (Лесков 1974: 60). Но столь ли бесспорна такая точка зрения?

Важным показателем высокого социального ранга погребённого, без сомнения, являются размеры курганный насыпи. Крупные насыпи могли быть возведены с применением немалых контингентов рабочей силы; для них характерен, так сказать, большой масштаб трудозатрат, что могло иметь место

при погребении лиц, стоявших на верху социальной иерархии. Насыпь Мордвиновского кургана, как уже говорилось, достигала 8,71 м в высоту, что, конечно, немало, но всё-таки не соответствует царскому уровню. Б. Н. Мозолевский поделил курганы скифской аристократии Поднепровья на четыре группы по высоте курганной насыпи (Мозолевский 1979: 152, табл. 4; 156–157). Мордвиновский курган по этому параметру может быть включён не в самую престижную из них, но ведь курган Толстая Могила с его богатейшим комплексом находок тоже не отличался большой высотой — всего 8,6 м (Мозолевский 1979: 17).

Выше неоднократно было сказано, что по конструкции центральная гробница Первого Мордвиновского кургана вполне аналогична гробнице Чертомлыка, но по размерам она ей несколько уступает: размеры шахты в Мордвиновском кургане — 6,5 × 4,2 м, глубина — 8,3 м, а в Чертомлыке — 6,75 × 4,07–5,49 м, глубина — 10,82 м (Алексеев и др. 1991: 55). О размерах погребальных камер центральной гробницы Мордвиновского кургана мы, к сожалению, судить не можем — ни Н. Е. Макаренко, ни А. М. Лесков их не привели в своих публикациях, так что сопоставление двух курганов по этому параметру пока невозможно.

Ещё раз повторю, что главные погребения Первого Мордвиновского кургана были ограблены. Однако сделанные здесь находки золотых бляшек, а также инвентарь боковой гробницы, позволяют уверенно считать, что «грабительская добыча была более чем солидной» (Лесков 2019: 230). Правда, Г. Н. Курочкин, обращаясь к вопросу социальной интерпретации погребений скифской аристократии, считал монументальность насыпи и богатство погребального инвентаря вспомогательными признаками при определении социального статуса погребённого в кургане лица. Основными для вычленения царских захоронений он признавал наличие человеческих жертвоприношений, а также транспортных средств (верховых коней) и жертвоприношений животных (Курочкин 1980: 106). Если применить эти критерии к Мордвиновскому кургану, то придётся ответить на ряд весьма непростых вопросов.

Что касается «транспортных средств», то М. И. Ростовцев отмечал, что раскопки 1914 г не дали оснований судить о том, имелись ли в кургане погребения лошадей (Ростовцев 1925: 422). Исследования А. М. Лескова 1970 г., во время которых курганная насыпь была снесена полностью, продемонстрировали, что таковые здесь отсутствовали (Лесков 1974: 52), и этот факт, несомненно, имеет важное значение для интерпретации всего погребального комплекса в целом.

В отношении человеческих жертвоприношений следует констатировать, что в центральной гробнице имелись две камеры, в которых были погребены лица низкого социального ранга. Трудно поверить, что эти погребения были сделаны позднее главных. Скорее всего, они совершались одновременно, в рамках единой погребальной церемонии, а значит захоронения «слуг» можно признать жертвоприношениями. В катакомбе девушки было зафиксировано второе погребение, совершённое в её ногах. Положение этого костяка никак не позволяет считать, что это парное погребение принадлежало людям, занимавшим

равное положение в обществе. Социальная подчинённость второго лица представляется вполне очевидной (Ольховский 1991: 100).

Подводя итог сказанному, необходимо обратить внимание, что Первый Мордвиновский курган был расположен в нижнем течении Днепра, на выходе из Крыма, т. е. он принадлежит группе скифских памятников, в территориальном отношении тяготеющих к греческим государствам региона. Он являлся здесь центром целой курганной группы, и одно это позволяет предполагать высокое социальное положение погребённого здесь главного человека. Можно ли его считать царём? При всей неопределённости этого термина, вероятнее всего, можно. Разумеется, этот царь не был владыкой всей Скифии от Дона до Дуная.

Из рассказа Геродота известно, что земли, подвластные кочевым скифам, делились на ряд округов, во главе каждого из которых стоял номарх (Herod. IV. 62, 66). Нельзя ли предположить, что в Мордвиновском кургане был погребён представитель этой социальной группы, которому около середины IV в. до н. э. принадлежали земли в нижнем Поднепровье?

Ю. А. Виноградов

1 ТАБЛИЦЫ 126

Табл. 1.
ПЕРВЫЙ
МОРДВИНОВСКИЙ
КУРГАН. ОБЩИЙ ВИД
С ЮГО-ВОСТОКА.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 434/1

Табл. 2.
ПЕРВЫЙ
МОРДВИНОВСКИЙ
КУРГАН. ОБЩИЙ ВИД
С ЗАПАДА.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 434/2

Табл. 3.
ПЕРВЫЙ
МОРДВИНОВСКИЙ
КУРГАН. ОБЩИЙ ВИД
С СЕВЕРА.

У подножия кургана
 стоят Н. Е. Макаренко
 и С. П. Петренко,
 под зонтиком
 выполняет измерения
 М. Я. Кожевников.
 Фото В. В. Саханёва,
 1914 г.
 ФО НА ИИМК РАН,
 отп. Q 434/3

Табл. 4.
ПЕРВЫЙ
МОРДВИНОВСКИЙ
КУРГАН. ОБЩИЙ ВИД
С ВОСТОКА.

М. Я. Кожевников
 выполняет измерения,
 сидит Н. Е. Макаренко,
 стоит С. П. Петренко.
 Фото В. В. Саханёва,
 1914 г.
 ФО НА ИИМК РАН,
 отп. Q 434/4

Табл. 5.
 ВИД С ВЕРШИНЫ
 ПЕРВОГО
 МОРДВИНОВСКОГО
 КУРГАНА НА КУРГАНЫ
 №№21 И №22.
 Фото В. В. Саханёва,
 1914 г.
 ФО НА ИИМК РАН,
 отп. Q 434/5

Табл. 6.
 ПЕРВЫЙ
 МОРДВИНОВСКИЙ
 КУРГАН. ПЕРВЫЙ
 ШТЫК.
 Фото В. В. Саханёва,
 1914 г.
 ФО НА ИИМК РАН,
 отп. Q 434/6

Табл. 7.
ВТОРОЙ МОРДВИ-
НОВСКИЙ КУРГАН.
УСТАНОВКА ВЫШКИ
ДЛЯ ФОТОГРАФИРОВАНИЯ.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 600/45

Табл. 8.
ПЕРВЫЙ
МОРДВИНОВСКИЙ
КУРГАН. ОБЩИЙ ВИД
НА РАСКОПКИ.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 434/7

Табл. 9.
 ПЕРВЫЙ
 МОРДВИНОВСКИЙ
 КУРГАН. ОБЩИЙ ВИД
 ЛАГЕРЯ ОТ КУРГАНА.
 Фото В. В. Саханёва,
 1914 г.
 ФО НА ИИМК РАН,
 отп. Q 600/24

Табл. 10.
 ПЕРВЫЙ
 МОРДВИНОВСКИЙ
 КУРГАН. РАБОТА
 С ВАГОНЕТКАМИ.
 Фото В. В. Саханёва,
 1914 г.
 ФО НА ИИМК РАН,
 отп. Q 600/25

Табл. 11.
ПЕРВЫЙ
МОРДВИНОВСКИЙ
КУРГАН. ЯМЫ
С ВОСТОЧНОЙ
СТОРОНЫ КУРГАНА.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 600/10

Табл. 12.
ПЕРВЫЙ
МОРДВИНОВСКИЙ
КУРГАН. КРЕПИДА
ПО ВНЕШНЕЙ ПОЛЕ
КУРГАНА.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 438/7

Табл. 13.
 ПЕРВЫЙ
 МОРДВИНОВСКИЙ
 КУРГАН.
 КАМЕННЫЙ РАЗВАЛ
 В ОСНОВАНИИ
 КУРГАНА.
 Фото В. В. Саханёва,
 1914 г.
 ФО НА ИИМК РАН,
 отп. Q 438/8

Табл. 14.
 РАСКОП I,
 ОБЩИЙ ВИД.
 Фото В. В. Саханёва,
 1914 г.
 ФО НА ИИМК РАН,
 отп. Q 434/8

Табл. 15.
РАСКОП II,
ОБЩИЙ ВИД.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 434/9

Табл. 16.
РАСКОП IV,
ОБЩИЙ ВИД.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 434/10

Табл. 17.
 РАСКОП IV–VII,
 ОБЩИЙ ВИД.
 Фото В. В. Саханёва,
 1914 г.
 ФО НА ИИМК РАН,
 отп. Q 434/11

Табл. 18.
 РАСКОП VII,
 ОБЩИЙ ВИД.
 Фото В. В. Саханёва,
 1914 г.
 ФО НА ИИМК РАН,
 отп. Q 434/12

Табл. 19.
РАСКОП VIII,
ОБЩИЙ ВИД.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 434/13

Табл. 20.
ДЕТАЛЬ РАСКОПА VII–
VIII, УГОЛ.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 434/14

Табл. 21.
РАСКОП X,
ОБЩИЙ ВИД.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 434/15

Табл. 22.
РАСКОП I,
ОБЩИЙ ВИД.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 435/1

Табл. 23.
ДЕТАЛЬ РАСКОПА XII,
УГОЛ XII-V.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 435/2

Табл. 24.
РАСКОПА XII,
ОБЩИЙ ВИД.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 435/3

Табл. 25.
РАСКОП XII–XIII,
ОБЩИЙ ВИД.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 435/4

Табл. 26.
РАСКОП XIII,
ОБЩИЙ ВИД.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 435/5

Табл. 27.
РАЗРЕЗ СТЕНКИ
РАСКОПА XIII.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 435/6

Табл. 28.
РАСКОП XIV,
ОБЩИЙ ВИД.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 435/7

Табл. 29.
РАСКОП XV,
ОБЩИЙ ВИД.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 435/8

Табл. 30.
РАЗРЕЗ СТЕНКИ
РАСКОПА XVI.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 435/9

Табл. 31.
РАСКОП XVII,
ОБЩИЙ ВИД.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 435/10

Табл. 32.
РАСКОП XVIII,
ОБЩИЙ ВИД.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 435/11

Табл. 33.
РАСКОП XIX,
ОБЩИЙ ВИД.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 435/12

Табл. 34.
РАЗРЕЗ СТЕНКИ
РАСКОПА XX.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 435/13

Табл. 35.
РАСКОП XXII,
ОБЩИЙ ВИД.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 435/14

Табл. 36.
РАСКОП XXIII,
ОБЩИЙ ВИД.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 436/1

Табл. 37.
РАСКОП XXVI,
ОБЩИЙ ВИД.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 436/2

Рис. 38.
РАСКОП XXVII,
ОБЩИЙ ВИД.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 436/3

Рис. 39.
РАСКОП XXVIII,
НАЧАЛО ВЫКИДА
ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
МОГИЛЫ.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 436/4

Табл. 40.
РАСКОП XXVIII,
УГОЛЬНАЯ
ПРОСЛОЙКА.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 436/5

Табл. 41.
 РАСКОП XXVIII,
 ПРОСЛОЙКА
 НАСЫПНОЙ
 ЗЕМЛИ СРЕДИ
 ТРАМБОВАННОЙ.
 Фото В. В. Саханёва,
 1914 г.
 ФО НА ИИМК РАН,
 отп. Q 436/6

Табл. 42.
 РАСКОП XXIX,
 НАЧАЛО ВЫКИДА
 ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
 МОГИЛЫ.
 Фото В. В. Саханёва,
 1914 г.
 ФО НА ИИМК РАН,
 отп. Q 436/7

Табл. 43.
РАСКОП XXX,
ОБЩИЙ ВИД.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 436/8

Табл. 44.
РАСКОП XXXI,
ОБЩИЙ ВИД.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 436/9

Табл. 45.
РАСКОП XXXII–XXXIII,
ОБЩИЙ ВИД.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 436/10

Табл. 46.
РАСКОП XXXIV,
ОБЩИЙ ВИД.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 436/11

Табл. 47.
РАСКОП XXXV,
ОБЩИЙ ВИД.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 436/13

Табл. 48.
РАСКОП XXXVI–
XXXVII,
ОБЩИЙ ВИД.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 436/14

Табл. 49.
РАСКОП XXXVIII,
ОБЩИЙ ВИД.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 436/15

Табл. 50.
РАСКОП XXXIX,
ОБЩИЙ ВИД.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 437/1

Табл. 51.
РАСКОП XL,
ОБЩИЙ ВИД.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 437/2

Табл. 52.
РАСКОП XLII,
ОБЩИЙ ВИД.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 437/3

Табл. 53.
РАСКОП XLIII,
ОБЩИЙ ВИД.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 437/4

Табл. 54.
РАСКОП XLIII,
ПРОСЛОЙКА ТРАВЫ
В ВЫКИДКЕ.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 437/5

Табл. 55.
РАЗРЕЗ РАСКОПА XLIII,
ДЕТАЛЬ ПРОСЛОЙКИ.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 437/6

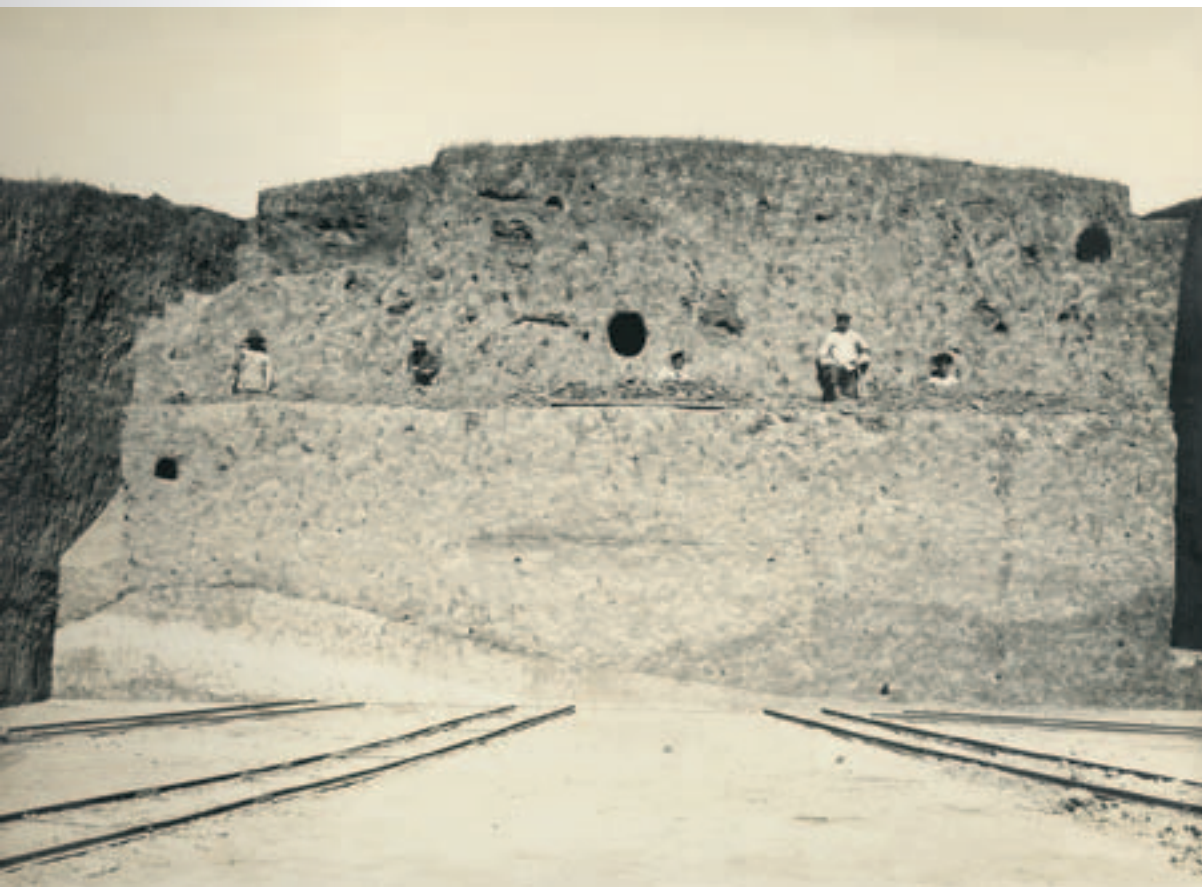

Табл. 56.
РАСКОП XLIV–XLV,
ОБЩИЙ ВИД.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 437/7

Табл. 57.
РАСКОП XLVI,
ОБЩИЙ ВИД.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 437/8

Табл. 58.
РАСКОП XLVIII–XLIX,
ОБЩИЙ ВИД.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 437/9

Табл. 59.
РАСКОП XLIX, ПЕРЕРЫВ
ВЫКИДА.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 437/10

Табл. 60.
РАСКОП LII–LIII,
ОБЩИЙ ВИД ИЗДАЛИ.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 437/11

Табл. 61.
РАСКОП LII–LIII,
ОБЩИЙ ВИД.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 437/12

Табл. 62.
РАСКОП LX–LXI,
ОБЩИЙ ВИД.
УДАЛЕНИЕ БРОВКИ.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 438/6

Табл. 63.
РАСКОП LVI–LVII,
ОБЩИЙ ВИД.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 437/13

Табл. 64.
ХАРАКТЕР НАСЫПКИ
КУРГАНА.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 600/5

Табл. **65.**
ГРУДЫ НАСЫПИ
СО СЛЕДАМИ
РАСТЕНИЙ.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 600/6

Табл. **66.**
ГРУДЫ НАСЫПИ
СО СЛЕДАМИ
РАСТЕНИЙ.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 600/7

Табл. **67.**
СЛЕДЫ ИСТЛЕВШЕЙ
ТРАВЫ И ЦВЕТОВ
ПОД НАСЫПЬЮ
КУРГАНА.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 600/8

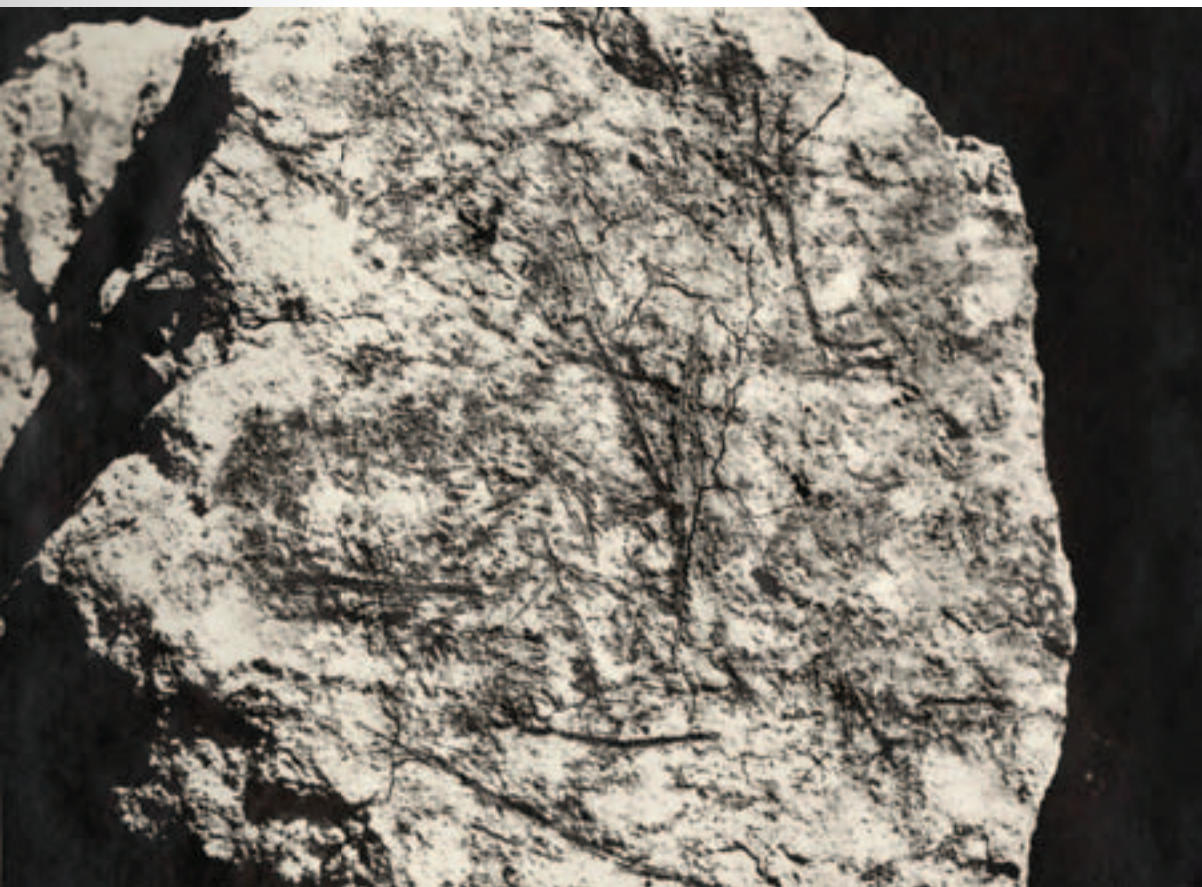

Табл. **68.**
СЛЕДЫ ИСТЛЕВШЕЙ
ТРАВЫ И ЦВЕТОВ
ПОД НАСЫПЬЮ
КУРГАНА.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 600/9

Табл. **69.**
 ОБЩИЙ ВИД
 РАСКОПАННОГО
 КУРГАНА С ПОЗДНИМ
 ПОГРЕБЕНИЕМ.
 Фото В. В. Саханёва,
 1914 г.
 ФО НА ИИМК РАН,
 отп. Q 438/12

Табл. **70.**
 ПОЗДНЕЕ ПОГРЕБЕНИЕ
 В НАСЫПИ КУРГАНА.
 Фото В. В. Саханёва,
 1914 г.
 ФО НА ИИМК РАН,
 отп. Q 438/13

Табл. **71.**
ГРАБИТЕЛЬСКАЯ
МИНА.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 438/14

Табл. **72.**
УСТЬЕ
ГРАБИТЕЛЬСКОЙ
МИНЫ В ЦЕНТРЕ
КОЛОДЦА, ВИД
СВЕРХУ.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 600/2

Табл. **73.**
ДЕТАЛЬ НАСЫПИ
(СТЕНКИ №4).
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 600/3

Табл. **74.**
ДЕТАЛЬ НАСЫПИ
(СТЕНКА №5).
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 600/4

Табл. **75.**
РАСКОП VIII
(XLII–LVII), ВЫКИД
ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
ГРОБНИЦЫ (?).
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 438/3

Табл. **76.**
РАСКОП VIII, ПОДХОД
К ЦЕНТРАЛЬНОМУ
ПОГРЕБЕНИЮ.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 437/14

Табл. **77.**
 ВЫХОД
 ЦЕНТРАЛЬНОГО
 ПОГРЕБЕНИЯ
 В РАСКОПЕ III–XLIII.
 Фото В. В. Саханёва,
 1914 г.
 ФО НА ИИМК РАН,
 отп. Q 437/15

Табл. **78.**
 УГОЛ РАСКОПА III–
 LII, ВЫХОД
 ЦЕНТРАЛЬНОГО
 ПОГРЕБЕНИЯ.
 Фото В. В. Саханёва,
 1914 г.
 ФО НА ИИМК РАН,
 отп. Q 438/2

Табл. 79.
РАСКОП VIII (XLII–LVII).
ОБЩИЙ ВИД.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 438/1

Табл. 80.
РАСКОП LX–LXI,
ОБЩИЙ ВИД.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 438/4

Табл. **81.**
 ВЕРХ КОЛОДЦА
 ЦЕНТРАЛЬНОЙ
 МОГИЛЫ В РАСКОПЕ
 LX–LXI. ОБЩИЙ ВИД.
 Фото В. В. Саханёва,
 1914 г.
 ФО НА ИИМК РАН,
 отп. Q 438/5

Табл. **82.**
 ПЕРВЫЙ МОРДВИНОВ-
 СКИЙ КУРГАН. ПЕРВАЯ
 ТРАНШЕЯ ПО ТО-
 ПОГРАФИЧЕСКОМУ
 ПЛАНУ,
 ОБЩИЙ ВИД.
 ФО НА ИИМК РАН,
 отп. Q 600/28

Табл. **83.**
ПЯТНО КОЛОДЦА
ЦЕНТРАЛЬНОЙ
ГРОБНИЦЫ (?).
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 438/9

Табл. **84.**
ПЯТНО КОЛОДЦА
БОКОВОЙ ГРОБНИЦЫ.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 438/10

Табл. **85.**
 ПЯТНО КОЛОДЦА
 БОКОВОЙ ГРОБНИЦЫ,
 ВИД С ВЫШКИ.
 Фото В. В. Саханёва,
 1914 г.
 ФО НА ИИМК РАН,
 отп. Q 438/11

Табл. **86.**
 ЦЕНТРАЛЬНАЯ
 ГРОБНИЦА (?),
 ОТВЕРСТИЕ ГВОЗДЯ,
 УКРЕПЛЯВШЕГО ТКАНЬ
 В СТЕНКЕ МОГИЛЫ.
 Фото В. В. Саханёва,
 1914 г.
 ФО НА ИИМК РАН,
 отп. Q 600/20

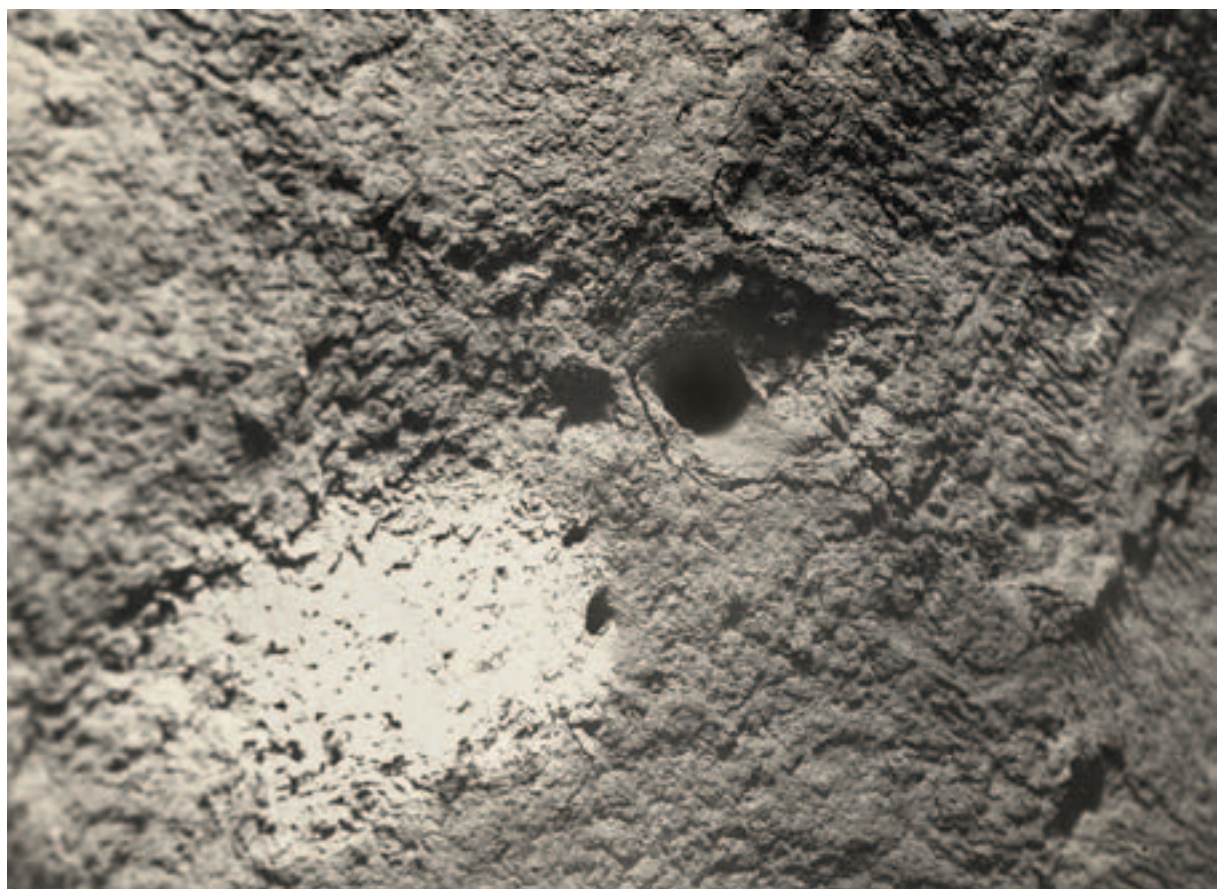

Табл. **87.**
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
ГРОБНИЦА,
ОБМАЗКА ВХОДНОГО
ОТВЕРСТИИ В ЮГО-
ЗАПАДНУЮ КАМЕРУ.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 600/21

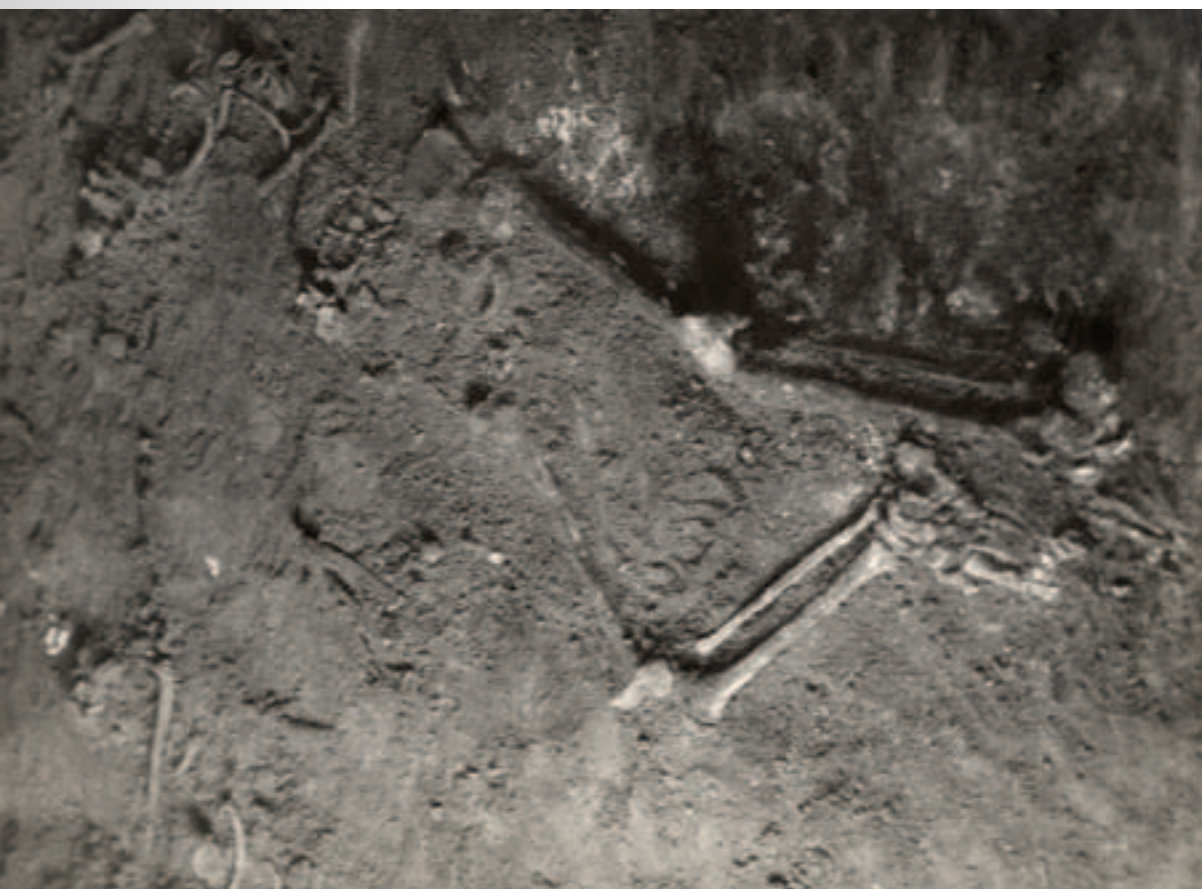

Табл. **88.**
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
ГРОБНИЦА, КОСТЯК
В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ
КАМЕРЕ.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 600/23

Табл. **89.**
 ЦЕНТРАЛЬНАЯ
 ГРОБНИЦА, АМФОРА
 В ЮГО-ЗАПАДНОЙ
 КАМЕРЕ.
 Фото В. В. Саханёва,
 1914 г.
 ФО НА ИИМК РАН,
 отп. Q 600/22

Табл. **90.**
 БОКОВАЯ ГРОБНИЦА,
 ЗАКЛАДКА ВХОДНОГО
 ОТВЕРСТИЯ.
 Фото В. В. Саханёва,
 1914 г.
 ФО НА ИИМК РАН,
 отп. Q 600/19

Табл. 91.
БОКОВАЯ
ГРОБНИЦА, ВХОД
В КАТАКОМБУ, СИДИТ
С. П. ПЕТРЕНКО.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 600/11

Табл. 92.
БОКОВАЯ ГРОБНИЦА,
ВЕЩИ В ГОЛОВАХ
ПЕРВОГО КОСТЯКА.
ПИТЬЕВОЙ РОГ,
ДЕРЕВЯННЫЙ СОСУД.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 600/12

Табл. 93.
 БОКОВАЯ ГРОБНИЦА,
 ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЧАСТЬ
 ПЕРВОГО ПОГРЕБЕНИЯ.
 Фото В. В. Саханёва,
 1914 г.
 ФО НА ИИМК РАН,
 отп. Q 600/13

Табл. 94.
 БОКОВАЯ ГРОБНИЦА.
 ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЧАСТЬ
 ПЕРВОГО ПОГРЕБЕНИЯ,
 ГОЛОВА КОСТЯКА.
 Фото В. В. Саханёва,
 1914 г.
 ФО НА ИИМК РАН,
 отп. Q 600/14

Табл. 95.
БОКОВАЯ ГРОБНИЦА,
ЗАПАДНАЯ ЧАСТЬ
ПОГРЕБЕНИЯ
И ГОЛОВА КОСТЯКА.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 600/15

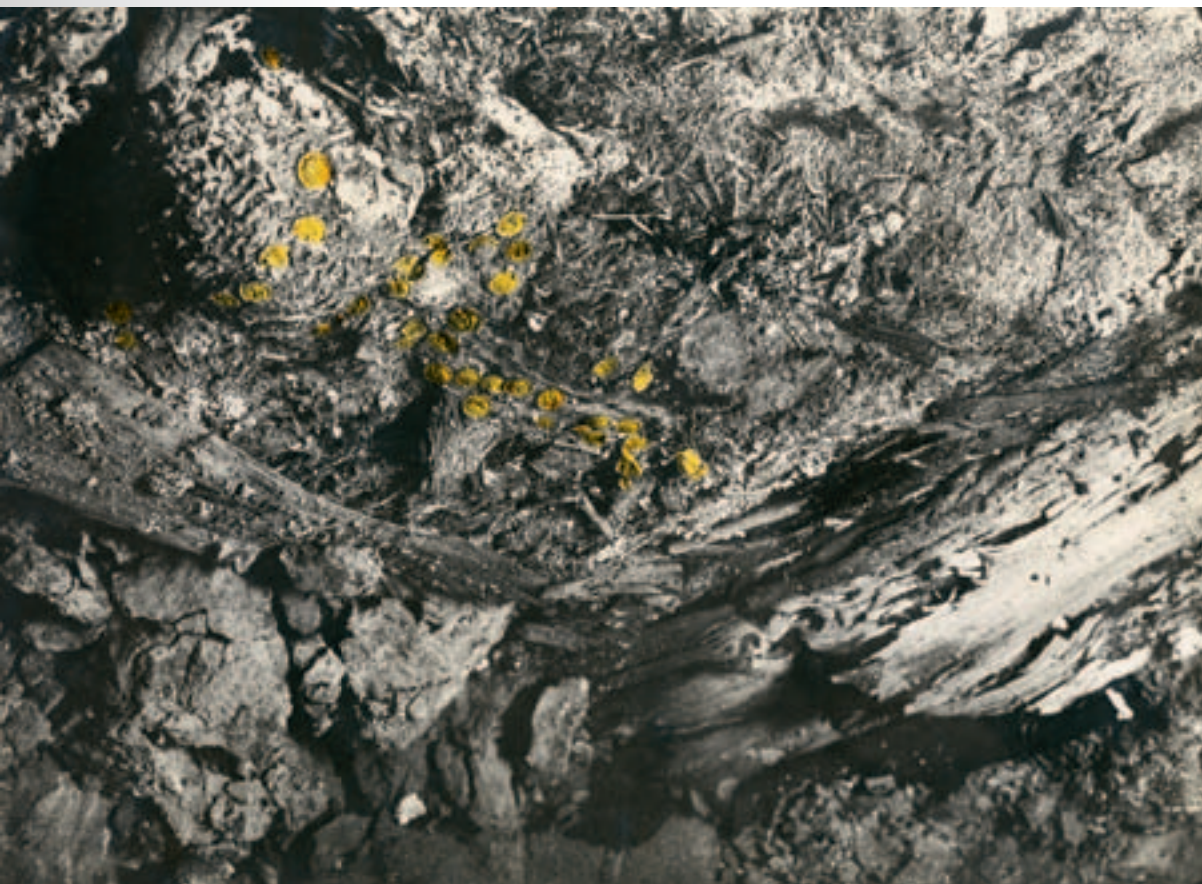

Табл. 96.
БОКОВАЯ ГРОБНИЦА.
ЗАПАДНАЯ ЧАСТЬ
ПОГРЕБЕНИЯ, ГОЛОВА
И ГОЛОВНОЙ УБОР.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 600/16

Табл. **97.**
 БОКОВАЯ ГРОБНИЦА.
 ЗАПАДНАЯ ЧАСТЬ
 ПОГРЕБЕНИЯ, ГОЛОВА
 И ГОЛОВНОЙ УБОР.
 Фото В. В. Саханёва,
 1914 г.
 ФО НА ИИМК РАН,
 отп. Q 600/17

Табл. **98.**
 БОКОВАЯ ГРОБНИЦА,
 ПРАВАЯ РУКА
 КОСТЯКА И ЗОЛОТЫЕ
 ВЕЩИ.
 Фото В. В. Саханёва,
 1914 г.
 ФО НА ИИМК РАН,
 отп. Q 600/18

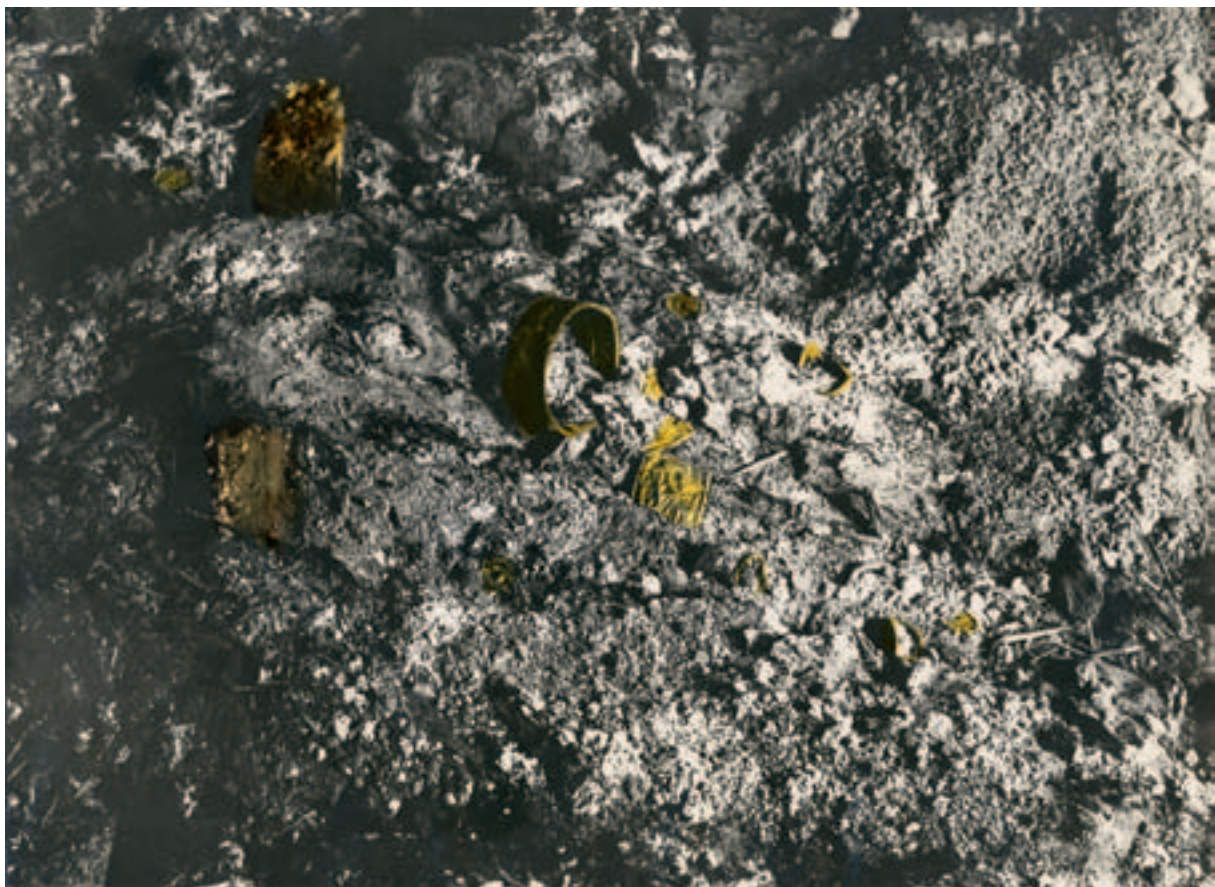

Табл. **99.**
БОКОВАЯ ГРОБНИЦА.
ВТОРОЙ КОСТЯК
И ВОСТОЧНАЯ ЧАСТЬ
МОГИЛЫ.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 600/55

Табл. **100.**
БОКОВАЯ ГРОБНИЦА.
ВТОРОЕ ПОГРЕБЕНИЕ,
КОРОБКА С ТУАЛЕТ-
НЫМИ ПРИНАДЛЕЖ-
НОСТЯМИ.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 600/56

Табл. 101.
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
ГРОБНИЦА. НАХОДКИ
ЗОЛОТЫХ БЛЯШЕК.
ФО НА ИИМК РАН,
нег. II 37857

Табл. 102.
БОКОВАЯ ГРОБНИЦА.
НАХОДКИ ЗОЛОТЫХ
БЛЯШЕК.
ФО НА ИИМК РАН,
нег. III 13228

Табл. 103.
БОКОВАЯ ГРОБНИЦА.
ЧАСТЬ ГОЛОВНОГО
УБОРА С ЗОЛОТЫМИ
УКРАШЕНИЯМИ.
ФО НА ИИМК РАН,
нег. III 13230

Табл. 104.
БОКОВАЯ ГРОБНИЦА.
ЗОЛОТАЯ ПТИЧКА.
ФО НА ИИМК РАН,
нег. II 37858

Табл. 105.
 БОКОВАЯ ГРОБНИЦА.
 ЗОЛОТОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ.
 ФО НА ИИМК РАН,
 нег. III 13229

Табл. 106.
 БОКОВАЯ ГРОБНИЦА.
 ЗОЛОТЫЕ БРАСЛЕТЫ.
 ФО НА ИИМК РАН,
 нег. II 37859

Табл. 107.
БОКОВАЯ ГРОБНИЦА.
ПЕРСТНИ И БУСЫ.
ФО НА ИИМК РАН,
нег. II 37858

Табл. 108.
БОКОВАЯ ГРОБНИЦА.
СЕРЕБРЯНЫЙ
ПИТЬЕВОЙ РОГ.
ФО НА ИИМК РАН,
нег. III 13227

Табл. **109.**
БОКОВАЯ ГРОБНИЦА.
СЕРЕБРЯНЫЙ
ПИТЬЕВОЙ РОГ.
ФО НА ИИМК РАН,
нег. III 13231

Табл. **110.**
БОКОВАЯ ГРОБНИЦА.
ДЕРЕВЯННЫЙ СОСУД.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 600/57

Табл. **III.**
БОКОВАЯ ГРОБНИЦА.
ДЕРЕВЯННЫЙ СОСУД.
ФО НА ИИМК РАН,
нег. II 37855

Табл. **II2.**
ОБЛОМОК
ДЕРЕВЯННОЙ
ПИКСИДЫ.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 600/58

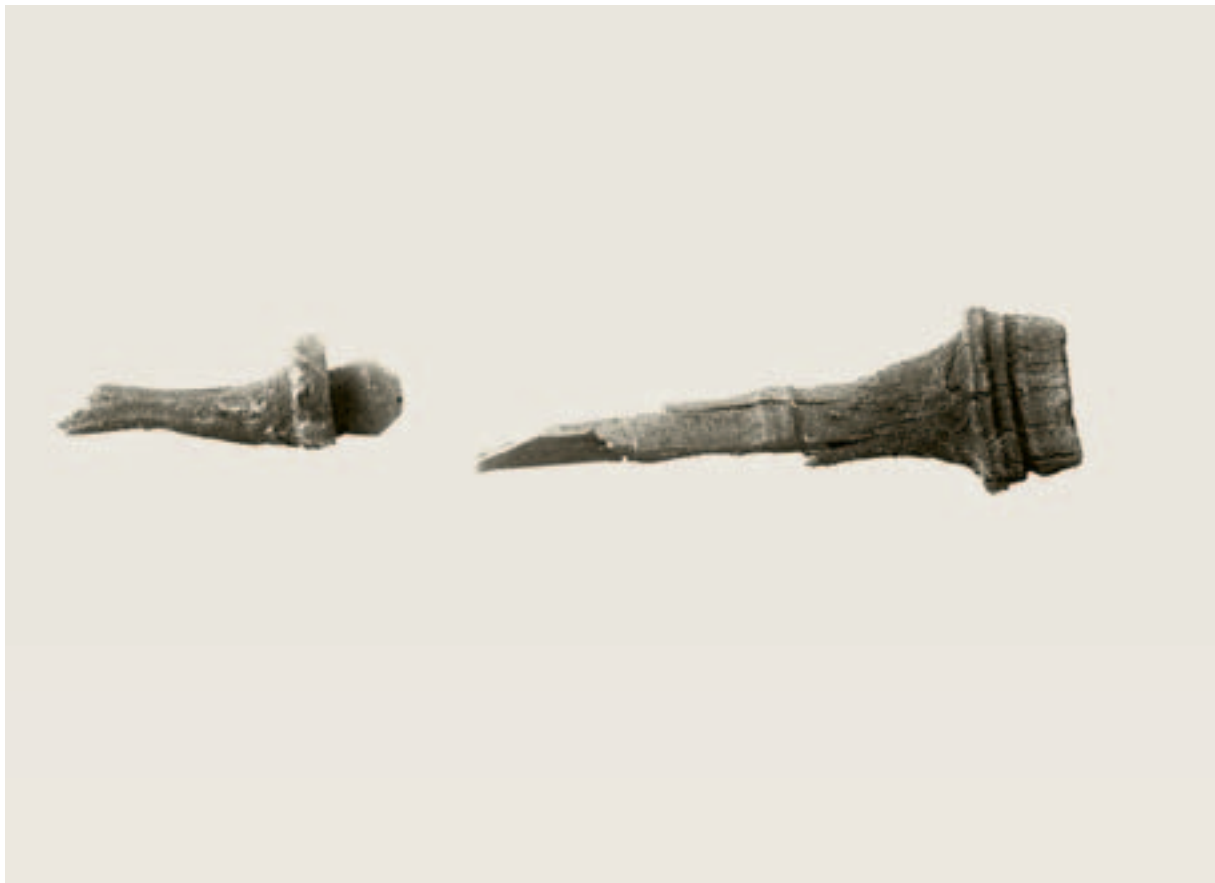

Табл. 113.
ДЕРЕВЯННЫЕ
ФРАГМЕНТЫ.
ФО НА ИИМК РАН,
нег. II 37854

Табл. 114.
КАМЕННАЯ
ЗЕРНОТЁРКА.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 600/53

Табл. 115.
КАМЕННАЯ
ЗЕРНОТЕРКА.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 600/54

Табл. 116.
ПЕРВЫЙ МОРДВИНОВ-
СКИЙ КУРГАН. ПЕРВАЯ
ТРАНШЕЯ ПО ТО-
ПОГРАФИЧЕСКОМУ
ПЛАНУ, ОБЩИЙ ВИД.
Сидят Н. Е. Макаренко
и В. В. Саханёв.
Фото 1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 600/27

Табл. 117.
 ПЕРВЫЙ МОРДВИНОВ-
 СКИЙ КУРГАН. ПЕРВАЯ
 ТРАНШЕЯ ПО ТОПО-
 ГРАФИЧЕСКОМУ ПЛА-
 НУ, СНЯТИЕ ПЕРВОГО
 ШТЫКА.

В центре стоит
 С. П. Петренко, справа
 сидит Н. Е. Макаренко.
 Фото В. В. Саханёва,
 1914 г.
 ФО НА ИИМК РАН,
 отн. Q 600/29

Табл. 118.
 КУРГАН № 20 ПО ТО-
 ПОГРАФИЧЕСКОМУ
 ПЛАНУ. МОГИЛЬНОЕ
 ПЯТНО I.

Сидит Н. Е. Макаренко.
 Фото В. В. Саханёва,
 1914 г.
 ФО НА ИИМК РАН,
 отн. Q 600/30

Табл. 119.
КУРГАН №21 ПО ТО-
ПОГРАФИЧЕСКОМУ
ПЛАНУ. ПЕРВЫЙ РАС-
КОП. СЛЕВА СТОИТ
Н.Е. МАКАРЕНКО.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 600/33

Табл. 120.
ВТОРОЙ
МОРДВИНОВСКИЙ
КУРГАН. ПЕРЕД
УСТАНОВКОЙ ВЫШКИ
ОКОЛО КУРГАНА.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 600/47

Табл. 121.
 ВТОРОЙ
 МОРДВИНОВСКИЙ
 КУРГАН. ОБЩИЙ
 ВИД КУРГАНА С ЮГА.
 М. Я. КОЖЕВНИКОВ
 ВЫПОЛНЯЕТ
 ИЗМЕРИТЕЛЬНЫЕ
 РАБОТЫ.
 Фото В. В. Саханёва,
 1914 г.
 ФО НА ИИМК РАН,
 отп. Q 600/48

Табл. 122.
 РАСКОПКИ В ИМЕНИИ
 МОРДВИНОВА.
 У палатки
 слева направо:
 М. Я. Кожевников,
 В. В. Саханев,
 Н. Е. Макаренко.
 ФО НА ИИМК РАН,
 отп. Q 600/49

Табл. 123.
РАСКОПКИ В ИМЕНИИ
МОРДВИНОВА.
У палатки
М. Я. Кожевников,
Н. Е. Макаренко, дети
семьи Верховских.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 600/50

Табл. 124.
РАСКОПКИ В ИМЕНИИ
МОРДВИНОВА.
У ПАЛАТКИ
слева направо:
В. В. Саханев,
сестры Верховские
и Н. Е. Макаренко.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 600/51

Табл. 125.
ВТОРОЙ
МОРДВИНОВСКИЙ.
ПОСЕТИТЕЛИ
ВЕРХОВСКИЕ.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 600/46

Табл. 126.
СЕМЬЯ ВЕРХОВСКИХ.
Фото В. В. Саханёва,
1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 600/52

ЛИТЕРАТУРА

- Айсфельд 2014 — *Айсфельд О.* Коллекция Петра Маврогордато: пути античных артефактов из Причерноморья в зарубежные музеи и частные собрания // *Вісник Одеського історико-краєзнавчого музею.* 2014. № 13. С. 40–54.
- Акишев 1984 — *Акишев А. К.* Искусство и мифология саков. Алма-Ата: Наука. 1984. 176 с.
- Акишев, Акишев 1980 — *Акишев К. А., Акишев А. К.* Происхождение и семантика Иссыкского головного убора // *Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана.* Алма-Ата: Наука. 1980. С. 14–31.
- Алексеев 1984 — *Алексеев А. Ю.* О месте Чертомлыкского кургана в хронологической системе погребений скифской знати IV–III вв. до н. э. (по бляшкам — аппликациям и наконечникам стрел) // *АСГЭ.* 1984. Вып. 25. С. 65–75.
- Алексеев 1986а — *Алексеев А. Ю.* Золотые бляшки из кургана Куль-Оба // *Античная торевтика.* Л.: Государственный Эрмитаж, 1986. С. 28–63.
- Алексеев 1986б — *Алексеев А. Ю.* Нашивные бляшки из Чертомлыкского кургана // *Античная торевтика.* Л.: Государственный Эрмитаж, 1986. С. 64–74.
- Алексеев 2003 — *Алексеев А. Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н. э. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. 416 с.
- Алексеев 2006 — *Алексеев А. Ю.* Акинак или махайра? (Мечи из раскопок Н. И. Веселовского у с. Шульговки в 1891 г.) // *Древности скифской эпохи* / Отв. ред. Л. Т. Яблонский, В. Г. Петренко. М.: ИА РАН, 2006. С. 43–65. (Материалы и исследования по археологии России. № 7).
- Алексеев 2012 — *Алексеев А. Ю.* Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб.: Изд-во ГЭ, 2012. 272 с.
- Алексеев и др. 1991 — *Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р.* Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н. э. Киев: Наукова Думка, 1991. 410 с.
- Амперер, Гарлан 1992 — *Амперер Ж.-И., Гарлан И.* Греческие амфорные мастерские // *Греческие амфоры. Проблемы развития ремесла и торговли в античном мире.* Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1992. С. 8–31.
- Андросов, Мухопад 1987 — *Андросов А. В., Мухопад С. Е.* Скифский аристократический курган «Каменская Близница» // *Ковалева И. Ф. (отв. ред.). Памятники бронзового и раннего железного века Поднепровья.* Днепрпетровск: ДГУ, 1987. С. 54–74.
- Анфимов 2011 — *Анфимов Н. В.* Древнее золото Кубани. 2-е изд. Краснодар: Традиция, 2011. 263 с.
- Артамонов 1966 — *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа; Прага: Артия. 1966. 120 с.
- Бабенко 2002 — *Бабенко Л. І.* Жіночий головний убір IV ст. до н. е. з кургану 8 біля с. Пісочин Харківської області // *Археологія.* 2002. № 4. С. 59–69.

- Бабенко 2005 — *Бабенко Л.И.* Песочинский курганный могильник скифского времени. Харьков: Изд. дом «Райдер», 2005. 282 с.
- Бабенко 2015 — *Бабенко Л.И.* Золотые нашивные бляшки из кургана Верхний Рогачик // РА. 2015. №3. С.67–78.
- Бабенко 2016 — *Бабенко Л.И.* Периферийные персонажи пекторали из Толстой Могилы // «Древности». 2016. Вып. 14. С.90–104.
- Бабенко 2017 — *Бабенко Л.И.* Два монетных сюжета на изделиях греко-скифской торевтики // Археологія і давня історія України. 2017. Вип. 2 (23). С.30–39.
- Бабенко 2018 — *Бабенко Л.И.* Коллекция Александропольского кургана в собрании Харьковского исторического музея имени Н.Ф. Сумцова // Алексеев А.Ю., Полин С.В. Скифский царский Александропольский курган IV в. до н.э. в Нижнем Поднепровье. Киев-Берлин: «Видавель Олег Фшюк», 2018 (Серия «Курганы Украины», Т. 6). С.591–631.
- Бабенко 2020 — *Бабенко Л.И.* Перший Мордвинівський курган: трагічна доля колекції // «Музейні читання». Анотації доповідей Всеукраїнської наукової конференції «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки». Київ: Національний музей історії України, Музей історичних коштовностей України, 2020. С.6.
- Бабенко, 2021 — *Бабенко Л.И.* Головний убір дівчини-скіф'янки з Першого Мордвинівського кургану // Сходознавство. 2021. №87. С.51–94.
- Бабенко, Чижова 2001 — *Бабенко Л.И., Чижова Ю.А.* К вопросу о семантике сюжета «танцующие менады» // 175 лет керченскому музею древностей. Материалы международной конференции. Керчь, 2001. С.87–89.
- Баумгартен и др. 1923 — *Баумгартен В.Ф., Васнецов М.В., Ващенко Е.П., Волошин Г.Ф., Иванов В., Ильинский Д.П., Карцев В.А., Курц Р.Г., Миронович В.К., Полянский В.В. Раевский Б.Н., Рыбинский Н.З., Савченко П.С., Саханёв В.В., Сорокин М.Д., Чернявский Н.П., Шевляков С.М.* Русские в Галлиполи. Сборник статей, посвященный пребыванию 1-го Армейского Корпуса Русской армии в Галлиполи. Берлин, 1923. 496 с.
- Белова 2009 — *Белова Н.А.* Перечень материалов экспедиций в фонде Императорской археологической комиссии Рукописного отдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН // Приложение: Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С.12–140.
- Бессонова 1983 — *Бессонова С.С.* Религиозные представления скифов. Киев: Наукова думка, 1983. 138 с.
- Бессонова 2011 — *Бессонова С.С.* Скифская пантера (к вопросу о семантике образа) // Матеріали наукової Конференції «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки». Київ: Музей історичних коштовностей України, «Фенікс», 2011. С.49–66.
- Бидзиля и др. 1977 — *Бидзиля В.И., Болтрик Ю.В., Мозолевский Б.Н., Савовский И.П.* Курганный могильник в уроч. Носаки // Бидзиля В.И. (отв. ред.). Курганные могильники Рясные Могила и Носаки. Киев: Наукова думка, 1977. С.61–159.
- Бидзиля, Полин 2012 — *Бидзиля В.И., Полин С.В.* Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев: Издательский дом «Скиф», 2012. 814 с.
- Білодід 1989 — *Білодід О.І.* 1989. Про Маркарєнка М.О. // Археологія. 1989. №1. С.120–131.
- Болтрик 1993 — *Болтрик Ю.В.* Курган Кара-Тюбе // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Вып. IV. Запорожье: Запорожский Гос. Университет, Запорожский областной Краеведческий музей, 1993. С.183–197.

- Болтрик 1998 — *Болтрик Ю. В.* Попытка социальной стратификации Скифии второй половины IV в. до н. э. // Кияшко В. Я., Ларенок В. А., Потапов В. В. (ред.). Проблемы археологии юго-восточной Европы. Ростов на Дону: Ин-т «Открытое общество», 1998. Т. XXIV. С. 89–90.
- Боровка 1921 — *Боровка Г. И.* Женские головные уборы Чертомлыцкого кургана // ИРАИМК. Вып. 1, 1921. С. 169–192.
- Брагинская 2011 — *Брагинская Н. В.* Откуда у Эрота крылья? // Вопросы классической филологии. Т. 15. (NYMPHON ANTRON. Сб. статей в честь Азы Алибековны Тахо-Годи / Отв. ред. А. И. Солопов.) 2011. С. 53–94.
- Брокгауз, Эфрон 1896 — *Брокгауз Ф. А., Эфрон И. А.* Энциклопедический словарь. Т. XIX. СПб.: Типо-литография И. А. Эфрона, 1896. 517 с.
- Буйских 2006 — *Буйских А. В.* Софа-капители из Херсонеса: к проблеме стилистических заимствований // БИ. 2006. Вып. XI. С. 127–145.
- Бутягин, Виноградов 2014 — *Бутягин А. М., Виноградов Ю. А.* Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. II. Курганы на мысе Ак-Бурун. Симферополь-Керчь: Тов. «Майстер Книг», 2014. 184 с.
- В**ахтина 2005 — *Вахтина М. Ю.* Греческое искусство и искусство Европейской Скифии в VII–IV вв. до н. э. // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб.: Алетейя, 2005. С. 297–399.
- Вахтина 2019 — *Вахтина М. Ю.* Императорская археологическая комиссия и изучение скифских древностей // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформ. СПб.: ИИМК РАН, 2019. С. 537–653.
- Величко, Полидович 2018 — *Величко Е. А., Полидович Ю. Б.* Золотые находки из «Никопольских курганов» в коллекции Б. Н. и В. Н. Ханенко // Археология і давня історія України. 2018. Вип. 2 (27). С. 138–154.
- Веселовский 1910 — *Веселовский В. В.* Чмырёв курган // Гермес. 1910. № 11–12 (57–58). С. 302–310.
- Виноградов 1993 — *Виноградов Ю. А.* О ритах из кургана Карагодеуашх // ПАВ 6. 1993. С. 66–71.
- Виноградов 2004 — *Виноградов Ю. А.* Курганы Малая Близница (история изучения и датировка) // БИ. Вып. VII, Симферополь; Керчь, 2004. С. 89–111.
- Виноградов 2007 — *Виноградов Ю. А.* Большой лекиф Ксенофанта. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. 63 с.
- Виноградов 2009 — *Виноградов Ю. А.* Императорская Археологическая Комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 248–401.
- Виноградов, Медведева 2020 — *Виноградов Ю. А., Медведева М. В.* Мордвиновский курган. Новое о старом открытии // БФ. Боспорское царство М. И. Ростовцева (взгляд из XXI века). Ч. I. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского Государственного Университета промышленности, технологии и дизайна 2020. С. 136–141.
- Власова 1999 — *Власова Е. В.* Сосуды в форме рога из кургана Куль-Оба // Археологические вести. 1999. № 6. С. 163–167.
- Власова 2000 — *Власова Е. В.* Скифский рог // Античное Причерноморье / науч. ред. С. Л. Соловьёв. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2000. С. 46–67.
- Власова 2010 — *Власова Е. В.* Древности эллинские и местные // Античное наследие Кубани. Т. III. М.: Наука, 2010. С. 198–263.

- Ворон [Скляднева] 2019 — *Ворон [Скляднева] П. А.* Усадьба Мордвиновых как художественная коммуна // Научный электронный журнал Аркульт. № 34 (2–2019), апрель-июнь. С. 10–107.
- Гаврилюк и др. 2001 — *Гаврилюк Н. А., Грищенко В. Н., Яблоновская-Грищенко Е. Д.* Орнитофауна скифской торевтики // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Т. 2. СПб., 2001. С. 260–265.
- Головченко 2011 — *Головченко Н. Н.* К вопросу о классификации «мягких» головных уборов скифо-саков // Молодой ученый. 2011. № 5 (28). Т. 2. С. 72–76. — URL: <https://moluch.ru/archive/28/3141/> (дата обращения: 21.09.2020).
- Городцов 1926 — *Городцов В. А.* Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве // Труды ГИМ. 1926. Т. I. С. 7–36.
- Грач 1986 — *Грач Н. А.* Гребень и ожерелье из кургана Куль-Оба (две реконструкции) // Античная торевтика. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1986. С. 75–90.
- Грибкова 2008 — *Грибкова Г. О.* Образ Афини в ювелирном мистецтві Північного Причорномор'я // Матеріали наукової Конференції «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки». Київ: Музей історичних коштовностей України, 2008. С. 53–61.
- Грибкова 2009 — *Грибкова Г. О.* Пластини-аплікації з кургану № 5 поблизу с. Архангельська Слобода // Матеріали наукової Конференції «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки». Київ: Музей історичних коштовностей України, 2009. С. 32–37.
- Грибкова 2010 — *Грибкова Г. О.* Ювелірні вироби з кургану поблизу села Будки на Посуллі // Матеріали наукової Конференції «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки». Київ: Музей історичних коштовностей України, 2010. С. 42–54.
- Грязнов 1961 — *Грязнов М. П.* Древнейшие памятники героического эпоса в Южной Сибири // АСГЭ. 1961. Вып. 3. С. 7–31.
- Гуляев 2013 — *Гуляев В. И.* К 250-летию скифской археологии // РА. 2013. № 3. С. 146–153.
- Гуляев 2017а — *Гуляев В. И.* Деревянные чаши скифского времени с золотыми обкладками в виде хищных птиц // КСИА. М., 2017. Вып. 248. С. 149–165.
- Гуляев 2017б — *Гуляев В. И.* Необычный курган скифского времени на Среднем Дону // Исторические исследования. Журнал исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. 2017. № 8. С. 75–93. [Электронный ресурс]: <http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/139/345> (дата обращения 10.02.2021).
- Гуляев 2018 — *Гуляев В. И.* Богиня Кибела — владычица зверей — в скифском искусстве // РА. 2018. № 1. С. 105–117.
- Дашковский, Усова 2009 — *Дашковский П. К., Усова И. А.* Реконструкция женского головного убора из могильника пазырыкской культуры Ханкаринский дол // Социогенез в Северной Азии. Иркутск, 2009. С. 125–128.
- Длужневская и др. 2009 — *Длужневская Г. В., Медведева М. В., Платонова Н. И., Мусин А. Е.* Славяно-русские и средневековые древности в исследованиях Императорской археологической комиссии // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 813–908.
- Дюбрюкс 2010 — *Дюбрюкс П.* Собрание сочинений. Т. 2. Атлас. СПб.: Коло, 2010. 310 с.
- Дяченко 2007 — *Дяченко С.* Чернянка Мордвинова. Имена Херсонского края [Электронный ресурс] // Газета «В Гору». Выпуск 25.10.2007. URL: <http://old.vgoru.org/old/modules.php?name=News&file=article&id=5940> (дата обращения 01.02.2020).

Емельянова, 2015 — *Емельянова Н. С.* Семен Петрович Петренко — учитель Николая Ивановича Репникова // 70 лет Тавро-Скифской экспедиции в Крыму: материалы научной конференции, посвященной началу работы Тавро-Скифской экспедиции на Неаполе Скифском и других памятниках Крыма (г. Симферополь, 4–6 сентября 2015 г.). Симферополь: Тарпан, 2015. С. 54–55.

Емельянова, 2019 — *Емельянова Н. С.* С. П. Петренко и Н. И. Репников: учитель и ученик // Причерноморье. История, политика, культура. Серия А: Античность и средневековье. 2019. № XXX (IX). С. 17–22.

Жебелёв 2017 — *Жебелёв С. А.* Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921: Исторический очерк. М.: Индрик, 2017. 672 с.

Журавлев, Новикова 2012 — *Журавлев Д. В., Новикова Е. Ю.* Бляшка с изображением Rankenfrau из кургана Куль-Оба // Образы времени: Из истории древнего искусства. К 80-летию С. В. Студзицкой. Труды ГИМ. 2012. Вып. 189. С. 80–97.

Журавлёв и др. 2014 — *Журавлёв Д. В., Новикова Е. Ю., Шемаханская М. С.* Ювелирные изделия из кургана Куль-Оба в собрании Исторического музея. Историко-технологическое исследование. М.: Исторический музей, 2014. 352 с.

Залеская и др. 1997 — *Залеская В. Н., Львова З. А., Маршак Б. И., Соколова И. В., Фонякова Н. А.* Сокровища хана Кубрата. Перещепинский клад. СПб.: Славия, 1997. 336 с.

Записки... 1917 — Записки Классического отделения Императорского Русского Археологического Общества. Т. 9. Петроград: Типография Я. Башмаков и Ко, 1917. 321 с.

Засецкая 2011 — *Засецкая И. П.* Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2011. 328 с.

Златковская 1967 — *Златковская Т. Д.* О происхождении некоторых элементов кукурского

обрядя у болгар (К вопросу о фракийских традициях у народов Юго-Восточной Европы) // СЭ. 1967. № 3. С. 34–46.

Златковская 1968 — *Златковская Т. Д.* Ранние монеты южнофракийских племен (к вопросу о происхождении культа Диониса) // ИЭ. 1968. VII. С. 3–22.

Златковская 1981 — *Златковская Т. Д.* К проблеме самобытности фракийской культуры в римское время // ВДИ. 1981. № 4. С. 21–31.

Зуев 1997 — *Зуев В. Ю.* М. И. Ростовцев. Годы в России. Биографическая хроника // Скифский роман. М.: РОССПЭН, 1997. С. 50–83.

Иванов, Топоров 1982а — *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Орёл // МНМ. М.: Советская энциклопедия, 1982 Т. 2. С. 258–260.

Иванов, Топоров 1982б — *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Птица // МНМ. М.: Советская энциклопедия, 1982 Т. 2. С. 346–349.

Иванов 1994 — *Иванов В. И.* Дионис и традиционистство. СПб.: Алетейя, 1994. 343 с.

Известия... 1910 — Известия ИАК. Прибавления к вып. 37. Хроника и библиография. Вып. 18. СПб., 1910.

Известия... 1915а — Известия ИАК. Прибавление к вып. 57. Хроника и библиография. Вып. 27. Петроград: Типография Главного Управления Уделов, 1915.

Известия... 1915б — Известия ИАК. Прибавление к вып. 58. Хроника и библиография. Вып. 28. Петроград: Типография Главного Управления Уделов, 1915.

Известия... 1916 — Известия ИАК. Прибавления к вып. 63. Хроника и библиография. Вып. 30. Петроград: Типография Главного Управления Уделов, 1916.

Ильинская, Тереножкин 1983 — *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев: Наукова думка, 1983. 380 с.

- Императорская... 2009 — Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 1188 с.
- Исмагилов 1995 — *Исмагилов Р.Б.* «Золотой воин» из кургана Иссык: мужчина или женщина? // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. Вып. 1. Уфа, 1995. С. 110–114.
- К**агаров 1913 — *Кагаров Е.Г.* Культ фетишей, растений и животных в древней Греции. СПб., 1913. 326 с.
- Калашник 2014 — *Калашник Ю.П.* Греческое золото в собрании Эрмитажа: памятники античного ювелирного искусства из Северного Причерноморья. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. 278 с.
- Кисель 2007 — *Кисель В.А.* Рассказ Геродота и ритуальные сосуды древних кочевников // Археология, этнография и антропология Евразии. Вып. 3 (31). Новосибирск: Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, 2007. С. 69–79.
- Кисель 2011 — *Кисель В.А.* Женский головной убор из кургана гунно-сарматского времени в Туве // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 211–217.
- Кисель 2018 — *Кисель В.А.* Женский ритуальный костюм в древней кочевой культуре Тувы // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской). Сборник научных статей. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 120–127.
- Клочко 1986 — *Клочко А.С.* Реконструкция конусоподобных головных уборов скиф'янок // Археология. 1986. № 56. С. 14–24.
- Клочко 1993 — *Клочко А.С.* Скифський дитячий костюм // Пам'ятки декоративно-ужиткового мистецтва із колекцій Музею історичних коштовностей України. Тематичний збірник наукових праць. Київ: 1993. С. 28–50.
- Клочко 2000 — *Клочко А.С.* Зооморфні образи в декорі скіфських головних уборів V–IV ст. до н. е. // Матеріали наукової Конференції «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки». Київ: Музей історичних коштовностей України, 2000. С. 23–29.
- Клочко 2008 — *Клочко А.С.* Жіночі головні убори племен Скіфії за часів архаїки // Матеріали наукової Конференції «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки». Київ: Музей історичних коштовностей України, 2008. С. 23–41.
- Клочко 2009 — *Клочко А.С.* Чоловічі головні убори на землях Скіфії // Епоха раннього заліза. Київ-Полтава: Інститут археології НАН України, 2009. С. 167–183.
- Клочко 2013 — *Клочко А.С.* Типы декоративных элементов в оформлении головных уборов скиф'янок // *Tyragetia*, s. n. 2013. Vol. VII [XXII]. No. 1. С. 19–28.
- Клочко 2014 — *Клочко А.С.* Нашийні прикраси скіф'янок (ланцюжки з окремих елементів) // Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки». Київ: Музей історичних коштовностей України, 2014. С. 109–129.
- Клочко 2018 — *Клочко А.С.* Реконструкція головних уборів скиф'янок // Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки». Київ: Музей історичних коштовностей України, «Фенікс», 2018. С. 56–73.
- Клочко, Васіна 2001 — *Клочко А.С., Васіна З.О.* Реконструкція жіночого вбрання за знахідками у «Великому кургані» М.І. Веселовського // Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки». Київ: Музей історичних коштовностей України, 2001. С. 150–163.
- Кожевников 1910 — *Кожевников М.Я.* Маршрутная съёмка бассейна реки Хатанги в 1905 году // Записки Военно-топографического отдела Главного управления

- Генерального штаба. Ч.64. Отделение 1. СПб., 1910. С.77–100.
- Кожевников 1911 — *Кожевников М.Я.* Отдельная съёмка Мурманского берега в 1906–1908 году // Записки Военно-топографического отдела Главного управления Генерального штаба. Ч.66. Отделение 1. СПб., 1911. С.151–156.
- Кожевников 1913 — *Кожевников М.Я.* Земельные владения дома Романовых в XVI и XVII столетиях. СПб.: Типография «Грамотность», 1913. III–XLII, 74 с., 1 л.
- Копейкина 1986 — *Копейкина Л.В.* Золотые бляшки из кургана Куль-Оба // Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1986. С.28–63.
- Королькова 1998 — *Королькова Е.Ф.* Иконография образа хищной птицы в скифском зверином стиле VI–IV вв. до н.э. // Проблемы археологии. СПб., 1998. Вып. 4. С.166–177.
- Королькова 2003 — *Королькова Е.Ф.* Ритуальные чаши с зооморфным декором в культуре ранних кочевников // АСГЭ. Вып. 36. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. С.28–59.
- Костенко 2015 — *Костенко А.* Херсонский археологический музей и западноевропейские археологи (1910–1928 гг.): опыт международной научной коммуникации // Modern Science (Moderní věda). Česká republika, Nemoros. Praha, 2015. №5. С.71–77.
- Красникова 2014 — *Красникова О.А.* Чукотская экспедиция И.П. Толмачёва: в поисках Северного пути // Наука из первых рук. Смотрящие в огонь. 2014. Т.56, №2. С.88–107.
- Кубарев, Черемисин 1984 — *Кубарев В.Д., Черемисин Д.В.* Образ птицы в искусстве ранних кочевников Алтая // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1984. С.87–99.
- Кузьмина, Сарияниди 1982 — *Кузьмина Е.Е., Сарияниди В.И.* Два головных убора из погребений Телятепе и их семантика // КСИА. Вып. 170. 1982. С.19–27.
- Кузьминых, Усачук 2010 — *Кузьминых С.В., Усачук А.Н.* «Милльон этой власти проклятий!..» (письма Н.Е. Макаренко А.М. Тальгрену) // История археологии: личности и школы: Материалы Международной научной конференции к 160-летию со дня рождения В.В. Хвойки (Киев (5–8.10.2010)). СПб.: Нестор-История, 2011. 360 с.
- Курочкин 1980 — *Курочкин Г.Н.* Гипотетическая реконструкция погребального обряда скифских царей VIII–VII вв. до н.э. и курган Аржан // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово: б/и, 1980. С.105–117.
- Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894 — *Лаппо-Данилевский А.С., Мальмберг В.К.* Древности Южной России. Курган Карагодеуашх // МАР №13, СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1894. 192 с.
- Лесков 1974 — *Лесков О.* Скарби курганів Херсонщини. Київ: «Мистецтво», 1974. 122 с.
- Лесков 1981 — *Лесков А.М.* Курганы: находки, проблемы. Л.: Наука, 1981. 168 с.
- Лесков 2019 — *Лесков А.М.* Записки археолога. М.: Клио, 2019. 610 с.
- Лесков А.М. и др. 1970. — *Лесков А.М., Кубышев А.И., Болдин Я.И., Зарайская Н.П., Отрощенко В.В., Румянцев А.Н., Чередищенко Н.Н., Ястребова С.Б.* Отчет о работе Каховской экспедиции ИА АН УССР в 1970 г. // НА ИА НАНУ, №1970/36.
- Лесков, Кубышев 1971 — *Лесков А.М., Кубышев А.И.* 1971. Работы Каховской экспедиции // АО 1970 г. М.: Наука, 1971. С.225–226.
- Лившиц 1989 — *Лившиц Б.* Полутораглазый Стрелец. Стихотворения, переводы, воспоминания. Л.: Советский писатель, 1989. 720 с.
- Ліфантій 2015 — *Ліфантій О.В.* Зображення птахів на довгих пластинах головних уборів // Археологія та давня історія України. 2015. Вип. 2 (15). С.96–102.

Луговой, Бородин 2006 — *Луговой А., Бородин А.* Россияне в жизни Карпатской Руси // Русин. 2006. № 1 (3). С. 20–29.

Макаренко 1906 — *Макаренко Н.Е.* Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губерниях в 1905 г. // Известия ИАК. Вып. 19. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1906. С. 117–156.

Макаренко 1907 — *Макаренко Н.Е.* Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г. // Известия ИАК. Вып. 22. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1907. С. 38–90.

Макаренко 1911 — *Макаренко Н.Е.* Археологические исследования 1907–1909 гг. // Известия ИАК. Вып. 43. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1911. С. 1–130.

Макаренко 1913 — *Макаренко Н.Е.* О раскопках в Новгороде в 1910 г. // ЗОРСА РАО. 1913. Т. 9. Протоколы. С. 354–355.

Макаренко 1916 — *Макаренко Н.* 1916. Первый Мордвиновский курган // Гермес. 1916. № 12. С. 267–272.

Макаренко 1992 — *Макаренко Д.Е.* Микола Омелянович Макаренко. Київ: Наукова думка, 1992. 168 с.

Макаренко 2006 — *Макаренко Д.Е.* Шлях до храму: науково-історичне есе. М.: Хрещатик, 2006. 128 с.

Макаренко 1992 — *Макаренко Д.Е.* Микола Омелянович Макаренко. Київ: Наукова думка, 1992. 168 с.

Манцевич 1949 — *Манцевич А.А.* К вопросу о торевтике в скифскую эпоху // ВДИ. 1949. № 2. С. 196–220.

Манцевич 1966 — *Манцевич А.А.* Деревянные сосуды скифской эпохи // АСГЭ. Вып. 8. Л.: Изд-во «Советский художник», 1966. С. 23–38.

Манцевич 1987 — *Манцевич А.П.* Курган Солоха. Л.: «Искусство», 1987. 143 с.

Маразов 2001 — *Маразов И.* Фиалата от Кул Оба — образът на «другия» в изкуството на скитите // Миф. 2001. Т. 7. 2001. София. С. 360–424.

Махортых 2019 — *Махортых С.В.* Золотые накладки на деревянные сосуды из Перещепинского могильника близ Бельска // Археологія і давня історія України. Киев, 2019. Вып. 2 (31). С. 470–482.

Медведева, Соболев 2012 — *Медведева М.В., Соболев В.Ю.* Раскопки у дер. М. Удрай в 1910 г.: архивные материалы и музейные коллекции. Дополнение к публикации А.А. Спицына // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 26. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2012. С. 396–413.

Мирошина 1980 — *Мирошина Т.В.* Скифские калафы // СА. 1980. № 1. С. 30–45.

Мозолевський 1979 — *Мозолевський Б.М.* Товста Могила. Київ: Наукова думка, 1979. 245 с.

Мозолевский 1980 — *Мозолевский Б.Н.* Скифские курганы в окрестностях г. Орджонекидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972–1975 гг.) // Скифия и Кавказ. Киев: Наукова думка, 1980. С. 70–154.

Мозолевский 1982 — *Мозолевский Б.Н.* Скифский «царский» курган Желтокаменка // Древности степной Скифии. Киев: Наукова думка, 1982. С. 179–222.

Мозолевский, Полин 2005 — *Мозолевский Б.Н., Полин С.В.* Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы). Киев: Стилос, 2005. 599 с.

Монахов 1999 — *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1999. 679 с.

Монахов 2003 — *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров

- товаров в керамической таре. М.; Саратов: Изд-во «Киммериды», Изд-во Саратовского университета, 2003. 352 с.
- Монахов и др. 2016 — *Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Федосеев Н. Ф., Чурекова Н. Б.* Амфоры VI–II вв. до н.э. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Каталог. Керчь; Саратов: Типография «Новый проект», 2016. 222 с.
- Монахов и др. 2017 — *Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б.* Амфоры V–II вв. до н.э. из собрания Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». Каталог. Саратов: Типография «Новый проект», 2017. 208 с.
- Монахов С. Ю. 2018 — *Монахов С. Ю.* Еще раз о датировке «царского» 8-го Пятибратнего кургана // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Вып. 2. Сборник научных трудов, посвященных 70-летию профессора В. П. Копылова. Ростов-на-Дону: И. П. Истратов, 2018. С. 320–333.
- Монахов и др. 2019 — *Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чистов Д. Е., Чурекова Н. Б.* Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н.э. Каталог. Саратов: Амирит. 352 с.
- Монахов и др. 2020. — *Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Толстиков В. П., Чурекова Н. Б.* Амфоры VI–I вв. до н.э. из коллекции Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Саратов: Амирит. 218 с.
- Мордвинов 2014 — *Мордвинов А.* Из пережитого. Воспоминания флигель-адъютанта императора Николая II. Т. 2. М.: Кучково поле, 2014. 720 с.
- Мурзин и др. 1993 — *Мурзин В. Ю., Полін С. В., Ролэ Р.* Скифський курган Тетянина Могила // Археологія. 1993. № 2. С. 85–101.
- Мурзин и др. 2017 — *Мурзин В. Ю., Белан Ю. А., Подвысоцкая Е. П.* Бердянский курган (Погребальный комплекс скифского аристократа IV в. до н.э.). Киев: «Видавель Олег Філюк», Центр учебной литературы. 2017. 136 с.
- Мурзін, Фіалко 1998 — *Мурзін В. Ю., Фіалко О. Е.* Архітектура Бердяньського кургану // Археологія. 1998. № 2. С. 82–93.
- Н**а краю ойкумены 2002 — На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. Каталог выставки. М. Гос. исторический музей 2002. 144 с.
- Нам 2016 — *Нам Е. В.* К вопросу о полисемантической образности дерева в системе мировоззрения сибирского шаманизма // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 402. С. 88–98.
- О**льденбург 1914 — *Ольденбург С. Ф.* Русская Туркестанская экспедиция 1909–1910 года. Краткий предварительный отчет. СПб.: Издательство Императорской Академии наук, 1914. VIII, 88 с.
- Ольховский 1977 — *Ольховский В. С.* Скифские катакомбы в Северном Причерноморье // СА. 1977. № 4. С. 108–128.
- Ольховский 1991 — *Ольховский В. С.* Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М.: Наука. 256 с.
- Онайко 1970 — *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII–V вв. до н.э. // САИ. Д-27. М.: Наука, 1970. 210 с.
- Орлов 1995 — *Орлов В. П.* Репрессированные геологи. Биографические материалы. М.; СПб.: ВСЕГЕИ, 1995. 210 с.
- Отчёт ИАК за 1875 — Отчёт Императорской Археологической комиссии за 1875 год. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1878. 339 с.
- Отчёт ИАК за 1896 г. — Отчёт Императорской Археологической комиссии за 1896 год. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1898. 251 с.
- Отчёт ИАК за 1902 г. — Отчёт Императорской археологической комиссии за 1902 г. СПб.:

- Типография Главного управления уделов, 1904. 199 с.
- Отчёт ИАК за 1903 г. — Отчёт Императорской археологической комиссии за 1903 г. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1906. 246 с.
- Отчёт ИАК за 1909 и 1910 гг. — Отчёт Императорской археологической комиссии за 1909 и 1910 гг. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1913. 289 с.
- Отчёт ИАК за 1913–1915 гг. — Отчёт Императорской археологической комиссии за 1913–1915 гг. Петроград: Девятая городская типография, 1918. 295 с.
- П**авловский 1913 — *Павловский И. Ф.* Первое дополнение к краткому биографическому словарю учёных и писателей Полтавской губернии с половины XVIII века. Полтава: Товарищество Печатного дела, 1913. 88 с.
- Пенкова, Конова 2013 — *Пенкова Е., Конова А.* Древняя Фракия в легендах и образах // Фракийское золото. Ожившие легенды. М.: Кучково Поле. 2013. С. 14–21.
- Переводчикова, Раевский 1981 — *Переводчикова Е. В., Раевский Д. С.* Ещё раз о назначении скифских наверший // Средняя Азия и её соседи в древности и средневековье. М.: Наука, 1981. С. 42–52.
- Петренко 1978 — *Петренко В. Г.* Украшения Скифии в VII–III вв. до н. э. / ред. Б. А. Рыбаков. САИ. Вып. Д 4–5. М.: Наука, 1978. 141 с.
- Полидович 2017 — *Полидович Ю. Б.* Лев и пантера (ажурные пластины из Мелитопольского кургана) // Археологія і давня історія України. 2017. Вип. 2 (23). С. 185–192.
- Полин 1991 — *Полин С. В.* Амфоры кургана Чертомлык // Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н. э. Киев: Наукова думка, 1991. С. 365–374.
- Полин 2014 — *Полин С. В.* Скифский Золото-балковский курганный могильник V–IV вв. до н. э. на Херсонщине. Киев: ФОР «Видавець Олег Філюк», 2014. 774 с.
- Полин 2016 — *Полин С. В.* О некоторых монетных типах скифских золотых нашивных бляшек // Алексеев Н. А. (ред.). IV Международный Нумизматический Симпозиум «ПриРОНТийский меняла: деньги местного рынка». Севастополь: «ЭКОСИ-Гидрофизика», 2016. С. 68–73.
- Полин, Алексеев 2018 — *Полин С. В., Алексеев А. Ю.* Скифский царский Александропольский курган IV в. до н. э. в Нижнем Поднепровье. Киев: Берлин: «Видавець Олег Філюк», 2018. 928 с.
- Полосьмак 2001 — *Полосьмак Н. В.* Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 335 с.
- Попова 2008 — *Попова И. Ф.* Первая Русская Туркестанская экспедиция С. Ф. Ольденбурга 1909–1910 гг. // Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX — начале XX века. СПб.: Издательство «Славия», 2008. С. 148–157.
- Потемкина 2005 — *Потемкина Т. М.* Головной убор саргатской жрицы (по материалам Шикаевского кургана) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2005. С. 112–120.
- Потемкина 2007 — *Потемкина Т. М.* Ритуальный головной убор IV–III вв. до н. э. (по материалам Шикаевского кургана на р. Суерь) // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т. М. Потемкиной). Сб. статей / отв. ред. М. П. Вохменцев. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007. С. 146–157.
- Прокофьева 1971 — *Прокофьева Е. Д.* Шаманские костюмы народов Сибири // Религиозные представления и обряды народов Сибири. Сборник МАЭ. Т. 27. Л.: Наука, 1971. С. 3–100.

- Пученков 2018 — *Пученков А. С.* От Сибири до Крыма... Обречённость белых? // Российская история. 2018. № 4 (4). С. 204–207.
- Пшеничнюк 2012 — *Пшеничнюк А. Х.* Филипповка: Некрополь кочевой знати IV в. до н. э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 280 с.
- Р**аевский 1977 — *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М.: Наука, 1977. 216 с.
- Репников 1909а — *Репников Н. И.* Разведки и раскопки в Крыму в 1907 году // Известия ИАК. Вып. 30. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1909. С. 99–155.
- Репников 1909б — *Репников Н. И.* Партенитская базилика Разведки и раскопки в Крыму в 1907 году // Известия ИАК. Вып. 32. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1909. С. 91–140.
- Ростовцев 1914 — *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. Т. II. Текст. СПб.: Издательство Императорской археологической комиссии, 1914. 537 с.
- Ростовцев 1925 — *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л.: Типография 1-й Ленинградской Трудовой артели печатников, 1925. 621 с.
- Ростовцев, Степанов 1917 — *Ростовцев М. И., Степанов П. К.* Эллино-скифский головной убор // ИАК. 1913. Вып. 63. С. 69–101.
- Рычков, Сергеев 2008 — *Рычков С. Ю., Сергеев С. В.* Участие офицеров Корпуса военных топографов в топографическом обеспечении Бородинского поля накануне празднования 100-летия Отечественной войны // Бородино и наполеоновские войны. Битвы. Поля сражений. Мемориалы. Материалы II Международной научной конференции, посвященной 195-летию Бородинского сражения, Бородино, 3–5 сентября 2007 г. Можайск: б/и, 2008. С. 93–102.
- Рябова 1984 — *Рябова В. О.* Дерев'яні чаші з оббивками з курганів скіфського часу // Археологія. Вип. 46. 1984. С. 31–44.
- Рябова 1987 — *Рябова В. А.* Двуручные чаши из скифских курганов // Скифы Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1987. С. 144–151.
- С**аверкина 2001 — *Саверкина И. И.* Греческие ожерелья на рубеже классики и эллинизма // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2001. С. 95–102.
- Сай 2013 — *Сай Т. М.* Хто був власником дерев'яних чаш? // Магістеріум. Вип. 53. Археологічні студії. Київ: Національний університет «Києво-Могилянська академія», 2013. С. 22–36.
- Саханёв 1914 — *Саханёв В. В.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911–12 годах // Известия ИАК. Вып. 56. Петроград: Типография Главного Управления Уделов, 1914. С. 74–219.
- Саханёв 2017 — Саханёв Всеволод Васильевич. Электронный ресурс [<http://rusgrave.tweb.ru/card.php?id=2188>] (дата обращения 08.07.2020).
- Семёнов-Зусер 1947 — *Семёнов-Зусер С. А.* Скифская проблема в отечественной науке. 1692–1947. Харьков: Харьковский Гос. университет, 1947. 34 с.
- Скорый, Хохоровски 2018 — *Скорый С., Хохоровски Я.* Большой Рыжановский курган. Киев: Издатель Олег Филюк, 2018. 431 с.
- Сергеев, Долгов 2001 — *Сергеев С. В., Долгов Е. И.* Военные топографы русской армии. М.: ЗАО «СиДиПресс», 2001. 592 с.
- Симаков 1998 — *Симаков Г. Н.* Соколиная охота и культ хищных птиц в Средней Азии: Ритуальные и практические аспекты. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998. 312 с.
- Скржинская 2010 — *Скржинская М. В.* Культурные традиции Эллады в античных госу-

- дарствах Северного Причерноморья. Киев: Институт истории Украины, 2010. 324 с.
- Смирнов, Кузьмина 1977 — *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоевропейцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977. 82 с.
- Сотрудники... 2004 — Сотрудники Императорского Эрмитажа: Библиографический справочник. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2004. 174 с.
- Спицын 1910 — *Спицын А. А.* Археологические раскопки. СПб.: Императорская археологическая комиссия, 1910. 125 с.
- Спицын 1914 — *Спицын А. А.* Раскопки 1910 г. в Лужском уезде Петроградской губернии // Известия ИАК. Вып. 53. Петроград: Типография Главного Управления Уделов, 1914. С. 81–94.
- Стоянов 2013 — *Стоянов Р. В.* Rankenfrau с маской Силена: к вопросу о контексте находок // III Анфимовские чтения по археологии западного Кавказа. Краснодар, 2013. С. 128–133.
- Т**ереножкин, Мозолевский 1988 — *Тереножкин А. И., Мозолевский Б. Н.* Мелитопольский курган. Киев, Наукова думка, 1988. 260 с.
- Терещенко 2012 — *Терещенко А. Е.* Аполлонийско-дионисийские мотивы в сюжетах монет пантикапейской чеканки домитридатовской эпохи // Русев Н. Д. (отв. ред.). *Stratum plus*. Кишинёв: Изд-во «Stratum plus», 2012. № 6. С. 119–170.
- Терещенко 2013а — *Терещенко А. И.* Исследование торгового судна второй половины IV в. до н. э. в Чёрном море и моделирование упаковки амфорной тары // ДБ. Т. 17. М., 2013. С. 297–334.
- Терещенко 2013б — *Терещенко О. И.* Античне торговельне судно «Зміїний-Патрокл» (склад продукції) // Археологія. 2013. № 3. С. 69–84.
- Тихонов 2003 — *Тихонов И. Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете. Историкографические очерки. СПб.: Издательство СПбГУ, 2003. 332 с.
- Тихонов 2013 — *Тихонов И. Л.* Археологические собрания Санкт-Петербургского университета в XIX — начале XX вв. // Мнемон. Вып. 12: Из истории античности и нового времени. Сборник статей к 80-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. С. 572–588.
- Тищенко 1916 — А. В. Тищенко: Его работы. Статьи о нём. Петроград: Тип. М. А. Александрова, 1916. LIV, 120 с.
- Толмачёв 1911 — *Толмачёв И. П.* По Чукотскому побережью Ледовитого океана: предварительный отчёт начальника экспедиции по исследованию побережья Ледовитого океана от устья Колымы до Берингова пролива, снаряжённой в 1909 году Отделом торгового мореплавания Министерства торговли и промышленности: с отдельной картой, 11 таблицами и 1 картой в тексте. СПб.: Эконом. типо-лит., 1911. 117 с.
- Толстой, Кондаков 1889 — *Толстой И. И., Кондаков Н. П.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. II. Древности скифо-сарматские. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1889. 162 с.
- Толстиков, Ломтадзе 2001 — *Толстиков В. П., Ломтадзе Г. А.* К вопросу о времени основания базилики Спартокидов на акрополе Пантикапея // ДБ. Т. 4. М., 2001. С. 427–442.
- Толстиков, Ломтадзе 2016 — *Толстиков В. П., Ломтадзе Г. А.* Комплекс амфор позднеклассического времени из раскопок центральной части Пантикапея (предварительная публикация) // ДБ. Т. 20. М., 2016. С. 467–482.
- Топоров 1980 — *Топоров В. Н.* Дерево мировое // МНМ. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1980. С. 398–406.
- Топоров 2010а — *Топоров В. Н.* Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Т. 1.

- М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. 448 с.
- Топоров 2010б — *Топоров В. Н.* Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Т. 2. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. 496 с.
- Трейстер 2006 — *Трейстер М. Ю.* Гарнитур украшений из погребения № 1 Старшего Трехбратнего кургана // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском в VII–I вв. до н. э. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. С. 164–190.
- У**ильямс, Огден 1995 — *Уильямс Д., Огден Д.* Греческое золото: ювелирное искусство классической эпохи V–IV века до н. э. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1995. 272 с.
- Ушаков 2000 — *Ушаков А. И.* «Хоть к чёрту на рога, да не к большевикам» // Независимое военное обозрение. [Электронный ресурс] <https://nvo.ng.ru/history/2000-11-17/7-vrangel.html> (Дата обращения 15.06.2020).
- Ф**ёдоров 2019 — *Фёдоров В. К.* Филипповка и Алучайден // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. — IV в. н. э.). 2019. Т. 5. С. 300–309.
- Федосеев 2002 — *Федосеев Н. Ф.* Керченский музей древностей // ВДИ. 2002. № 1. С. 154–178.
- Фиалко 2003 — *Фиалко Е. Е.* Золотые бляшки из кургана Огуз // РА. 2003. № 1. С. 124–133.
- Фиалко 2014 — *Фиалко Е. Е.* Золотой декор костюмов из Бердянского кургана // БИ. 2014. Вып. XXX. С. 54–76.
- Фракийское золото 2013 — Фракийское золото из Болгарии. Ожившие легенды. М.: Кучково Поле. 2013. 360 с.
- Фрэйзер 1980 — *Фрэйзер Дж. Дж.* Золотая ветвь. М.: Политиздат. 1980. 831 с.
- Х**аненко, Ханенко 1902 — *Ханенко Б. Н., Ханенко В. И.* Древности Приднепровья и побережья Черного моря. Вып. VI. Киев: Типография С. В. Кульженко, 1902. 90 с.
- Ч**еремисин 1997 — *Черемисин Д. В.* К ирано-тюркским связям в области мифологии. Богиня Умай и мифическая птица // Народы Сибири. История и культура. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. С. 31–43.
- Черемисин 2009 — *Черемисин Д. В.* О семантике орнитоморфных персонажей звериного стиля в ритуальной атрибутике Пазырыкских курганов // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. 1 (37). С. 85–94.
- Черненко и др. 1986 — *Черненко Е. В., Бессонова С. С., Болтрик Ю. В., Полин С. П., Скорый С. А., Бокий Н. М., Гребенников Ю. С.* Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1986. 367 с.
- Черников, 2012 — *Черников В. А.* Херсонский музей древностей. Сборник газетных статей и заметок. 1871–1928 гг. Херсон: Наддніпряночка, 2012. 506 с.
- Чеснов 1998 — *Чеснов Я. В.* Лекции по исторической этнологии: Учебное пособие. М.: Гардарика, 1998. 400 с.
- Ш**аров 2016 — *Шаров О. В.* Погребения элиты Боспора римского времени и эпохи Великого переселения народов // КСИА. Вып. 244. 2016. С. 120–130.
- Шауб 1987 — *Шауб И. Ю.* К вопросу о культе отрубленной человеческой головы у варваров Северного Причерноморья и Приазовья // ТД конф. «Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье». Новочеркасск. 1987. С. 16.
- Шауб 1993а — *Шауб И. Ю.* Амазонки на Боспоре // Скифия и Боспор. Новочеркасск: б/и, 1993. С. 79–88.
- Шауб 1993б — *Шауб И. Ю.* Парис на Боспоре // КСИА. Вып. 207. 1993. С. 67–69.
- Шауб 1999 — *Шауб И. Ю.* Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья // Stratum plus. № 3. 1999. С. 207–223.

- Шауб 2006 — *Шауб И. Ю.* Причерноморско-италийские этюды VI. Змееногая богиня в Скифии и Древней Италии // Итальянский сборник. № 9. 2006. С. 5–22.
- Шауб 2007а — *Шауб И. Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н. э. СПб.: Изд-во Филологического факультета СПбГУ, 2007. 483 с.
- Шауб 2007б — *Шауб И. Ю.* Образ «Владыки зверей» на Боспоре и в Скифии // БФ: Сакральный смысл региона, памятников, находок / отв. ред. В. Ю. Зуев. Ч. 1. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2007. С. 27–30.
- Шауб 2008 — *Шауб И. Ю.* Италия — Скифия: культурно-исторические параллели. М., СПб.: Свято-Алексеевская Пустынь. 2008. 155 с.
- Шауб 2011 — *Шауб И. Ю.* Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI–IV вв. до н. э.). Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 475 с.
- Шауб 2015 — *Шауб И. Ю.* Ожерелье с амулетами из кургана Большая Близница // Новый Гермес. 2015. № 7. С. 22–29.
- Шауб 2017а — *Шауб И. Ю.* Боспорское жречество // Элита Боспора Киммерийского: Традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени (БИ. Вып. XXXIV / отв. ред. В. Н. Зинько.) Симферополь — Керчь: Керченская городская типография, 2017. С. 288–324.
- Шауб 2017б — *Шауб И. Ю.* Монстры в культуре скифов // Новое прошлое 2017. № 4. С. 25–47.
- Шауб 2018 — *Шауб И. Ю.* О ритуальной функции веретена из погребения «царицы» в кургане Куль-Оба // Записки ИИМК РАН. 2018. Вып. 18. С. 103–111.
- Шауб 2019 — *Шауб И. Ю.* К вопросу об интерпретации образов дионисийского круга на монетах Пантикапея // Записки ИИМК РАН. 2019. Вып. 21. С. 73–81.
- Шауб 2020а — *Шауб И. Ю.* Боги и герои античного Северного Причерноморья. СПб.: «Евразия», 2020. 168 с.
- Шауб 2020б — *Шауб И. Ю.* Головной убор из I Мордвиновского кургана и его сибирские аналоги // Древние и средневековые культуры Центральной Азии (Становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ). Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. М. Мандельштама и 90-летию со дня рождения И. Н. Хлопина. СПб.: ИИМК РАН, 2020. С. 233–236.
- Шауб, Терещенко 2021 — *Шауб И. Ю., Терещенко А. Е.* Подтверждается ли гипотеза М. И. Ростовцева о фракийском происхождении образов сатиров на монетах Пантикапея? // ЗИИМК (В печати).
- Шилов 1962 — *Шилов В. П.* Золотой клад скифского кургана // Археологические раскопки на Дону / отв. ред. С. М. Марков. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета. 1962. С. 52–69.
- Штернберг 1936 — *Штернберг Л. Я.* Культ орла у сибирских народов // Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера, 1936. С. 110–126.
- Щербаков 2004 — *Щербаков В. Н.* Блокада, 1941–1944, Ленинград, Книга памяти. Т. 14. [Электронный ресурс] <http://vizz.nlr.ru/blockade> (Дата обращения 25.04.2020).
- Элиаде 2014 — *Элиаде М.* Шаманизм: архаические техники экстаза. М.: Академический проект. 2014. 400 с.
- Яценко 2006 — *Яценко С. А.* Костюм древней Евразии Евразии (ираноязычные народы). М.: Восточная литература. 2006. 664 с.
- Яцина 2018 — *Яцина Н.* Пам'яткознавство в особах: М. О. Макаренко // Культурологічна думка. 2015. № 8. С. 125–135.

- A**nson 1910 — *Anson L.* Numismata Graeca. Greek Coin-Types Classified for Immediate Identification. London, 1910. 887 p.
- B**oardman 1994 — *Boardman J.* The Diffusion of Classical Art in Antiquity. Princeton: Princeton University Press, 1994. 352 p.
- C**hittenden 1947 — *Chittenden J.* The Master of Animals // *Hesperia*. 1947. Vol. XVI. P. 89–111.
- D**e Vries 1984 — *De Vries N. M. V.* Die Stellung der Frau in der Thrakischen Gesellschaft // Dritter Internationaler Thrakologischer Kongress zu Ehren W. Tomascheks, 2–6 Juni 1980, Wien. Bd. II. Sofia: Swjat, 1984. S. 315–321.
- Doulgeri-Intzesiloglou, Garlan 1990 — *Doulgeri-Intzesiloglou A., Garlan Y.* Vin et amphores de Peparethos et d'Ilkos // *BCH*. 1990. T. 64. P. 361–389.
- E**iseman 1987 — *Eiseman C. J.* The Porticello Shipwreck (A Mediterranean Merchant Vessel of 415–385 B. C.). Texas A & M Univ. press, 1987. 126 p.
- Erlich 2007 — *Erlich V. R.* Die Fürstengräber und Heiligtümer von Uljap // Im Zeichen des Goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. Berlin: Preistel, 2007. S. 204–219.
- G**arlan 2000 — *Garlan Y.* Amphores et timbres amphoriques grecs: entre erudition et ideologie // *Memoires de l'Academie des inscriptions et belles-lettres*. NS. T. XXI. Paris, 2000. 210 p.
- Gerassimowa-Tomowa. 1984 — *Gerassimowa-Tomowa W.* Beitrag zur thrakischen Religion und Ethnographie // Dritter Internationaler Thrakologischer Kongress zu Ehren W. Tomascheks, 2–6 Juni 1980, Wien. Bd. I. Sofia: Swjat, 1984. S. 286–296.
- Gill 1987 — *Gill D. W. J.* The Date of the Porticello Shipwreck: Some Observations on the Attic Bolsals // *The Nautical Archaeology Society*. 1987. Vol. 27.1. P. 16–23.
- H**arding 2007 — *Harding D. W.* The Archaeology of Celtic Art. London, N-Y: Routledge, 2007. 301 p.
- Hornbostel 1980 — *Hornbostel W.* Aus Gräbern und Heiligtümern. Mainz. 1980. 280 S.
- K**irchner 1952 — *Kirchner H.* Ein archeologischer Beitrag zur Urgeschichte des Schamanismus // *Anthropos*. 1952. Bd. XLVII. S. 244–286.
- L**awall 1998 — *Lawall M.* Bolsals, Mendean amphoras, and the date of the Porticello Shipwreck // *The International Journal of Nautical Archaeology*. 1998. No. 27.1. P. 16–23.
- L'or des steppes 1993 — *L'or des steppes*. Toulouse, 1993. 159 p.
- M**egaw, Megaw 2001 — *Megaw R., Megaw V.* Celtic art: from its beginnings to the Book of Kells. London: Thames and Hudson, 1989. 288 p.
- Möbius 1926 — *Möbius H.* Eine dreiseitige Basis in Athen // *AM*. 1926. Bd. 51. S. 120–126.
- Monachov 1997 — *Monachov S. J.* La chronologie de quelques kourganes de la noblesse Scythe du IVe siècle av. n. è. du Littoral septentrional de la Mer Noire. *Il Mar Nero* (II, 1995/96) / P. Alexandresku (ed.). Bucuresti; Roma; Paris, 1997. P. 29–59.
- P**arzinger 2007 — *Parzinger H.* Die Reiternomaden der Eurasischen Steppe Während der Skythenzeit // Im Zeichen des Goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. Berlin: Preistel. S. 30–48.
- Picon 1990 — *Picon M.* Origine d'amphores du groupe dit Solocha II, trouvees en Russie // *BCH* 1990. T. 64. P. 390–393.
- R**obinson 1941 — *Robinson D. M.* Excavations at Olynthos. Vol. X. Baltimore. 1941. 593 p.
- Rostovtzeff 1922 — *Rostovtzeff M.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922. 260 p.

Schefold 1934 — *Schefold K.* Untersuchungen zu den Kertscher Vasen. Berlin; Leipzig. 1934. 161 S.

Seiterle 1979 — *Seiterle G.* Artemis — Die Grosse Göttin von Ephesos // *Antike Welt*. No. 3. 1979. S. 3–16.

Sparkles, Talcott 1970 — *Sparkles B.A., Talcott L.* Black and Plain Pottery of the 6th, 5th, and 4th Centuries BC. The Athenian Agora. Vol. XII. Princeton, New Jersey: J.J. Augustin, 1970. 500 p.

Tzochev 2016 — *Tzochev C.* Amphora Stamps from Thasos. The Athenian Agora. Vol. XXXVII. Princeton, 2016. 244 p.

Ustinova 2005 — *Ustinova Yu.* Snake-Limbed and Tendril-Limbed Goddesses in the Art and Mythology of the Mediterranean and Black Sea // *Scythians and Greeks. Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (sixth century BC — first century AD)* / ed. D. Braund. Exeter: University of Exeter Press, 2005. P. 64–79.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АСГЭ

Археологический сборник Государственного Эрмитажа

БФ

Боспорский феномен. Материалы международной научной конференции

ГАРФ

Государственный архив Российской Федерации

ГАИМК

Государственная Академия истории материальной культуры

ДБ

Древности Боспора. М.

ИАК

Императорская археологическая комиссия

НА ИА НАНУ

Научный архив Института археологии Национальной Академии Наук Украины

НА ИИМК РАН

Научный архив Института истории материальной культуры Российской академии наук

ОАК

Отчет Археологической комиссии

РАИМК

Российская Академия истории материальной культуры

РГАЛИ

Российский государственный архив литературы и искусства

РО

Рукописный отдел

СА

Советская археология. М.

САИ

Свод археологических источников. М.

ФО

Фотографический отдел

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.

Первый Мордвиновский курган — эталонный и почти забытый памятник скифской культуры
(*Ю. А. Виноградов, М. В. Медведева*)

5

Глава .I. Первый Мордвиновский курган: ДОКУМЕНТЫ И ПЕРВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

II

Н. Е. Макаренко. Первый Мордвиновский курган (12)

М. И. Ростовцев. Из книги «Скифия и Боспор» (21)

В. В. Саханёв. Письмо в Императорскую археологическую комиссию (23)

Из передаточной описи Академии истории материальной культуры (27)

Из инвентарной описи бывшего Эллино-Скифского отделения Эрмитажа. Приднепровье (30)

Глава .II. Первый Мордвиновский курган: НОВОЕ О СТАРОМ ОТКРЫТИИ

37

М. В. Медведева. Об изучении Мордвиновского кургана в 1914 г. (38)

С. Ю. Монахов, С. В. Полин. Об амфорах из Первого Мордвиновского кургана
и хронологии этого памятника (80)

И. Ю. Шауб. Головной убор девушки из Первого Мордвиновского кургана (90)

И. Ю. Шауб. Золотое ожерелье (102)

А. Е. Терещенко. Монетовидные нашивные бляшки из Мордвиновского кургана (111)

М. Ю. Вахтина. Нашивные бляшки-аппликации и другие украшения
из Мордвиновского кургана (119)

М. Ю. Вахтина. Деревянный сосуд из бокового погребения Мордвиновского кургана (134)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Первый Мордвиновский курган в свете архивных находок (*Ю. А. Виноградов*)

139

ТАБЛИЦЫ 1–126

152

Литература (215)

Список сокращений (230)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Вахтина Марина Юрьевна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории античной культуры
Института истории материальной культуры Российской академии наук (marina-vakhtina@mail.ru)

Виноградов Юрий Алексеевич

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории античной культуры
Института истории материальной культуры Российской академии наук (vincat2008@yandex.ru)

Медведева Мария Владимировна

кандидат исторических наук, заведующая Научным архивом
Института истории материальной культуры Российской академии наук (pharc@mail.ru)

Монахов Сергей Юрьевич

доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории древнего мира
Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета (monachsj@mail.ru)

Полин Сергей Васильевич

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологии раннего железного века
Института археологии Национальной Академии наук Украины (polin-arheo@ukr.net)

Терещенко Андрей Евгеньевич

кандидат исторических наук, заведующий отделом изучения истории дворцов
Государственного Русского музея (andrtereshhen@yandex.ru)

Шaub Игорь Юрьевич

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории античной культуры
Института истории материальной культуры Российской академии наук (schaubigor@mail.ru)

Научное издание

ПЕРВЫЙ МОРДВИНОВСКИЙ КУРГАН

Архивное наследие ИИМК РАН. Т. I

Научные редакторы

Ю. А. Виноградов

М. В. Медведева

Верстка и художественное оформление

С. Д. Минаев

Подписано в печать 22.11.2021. Формат 60×90 1/8. Гарнитура Метрополь.

Бумага мелованная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 29.

Тираж 300 экз. Заказ № 2340.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

в ООО «Невская Типография»

195030, Санкт-Петербург, ул. Коммуны, д. 67 лит. БМ.

Тел./факс: +7 (812) 380-7950.

E-mail: spbcolor@mail.ru

Открытый листъ.

№ 1914 / четвертьцаря / годъ.

Выдана этотъ листъ Императорскаго Высшаго Археологическаго Комитета и Императору Царевичу Николаю Александровичу.

Для работъ въ археологическомъ Ис.я.исс. на территории археологическаго раскопа въ 1914 году на землях казенныхъ, обществ. и принадлежанщихъ разнымъ учреждениямъ Императорскаго Царя, Таинника.

Доставить въ Ис.я.исс. отчетъ о произведенныхъ раскопкахъ, а также болѣе подробные, наиболее найденныхъ предметовъ, богатейше Государя

2